

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АЭРОКОСМИЧЕСКОГО ПРИБОРОСТРОЕНИЯ



**ФИЛОСОФИЯ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ**



**PHILOSOPHY AND HUMANITIES
IN INFORMATION SOCIETY**

Выпуск № 2(24)

апрель – июнь

2019



Санкт-Петербург / Saint Petersburg

Содержание

О журнале	4
To Our Readers and Authors.	5
Состав редакционного совета журнала	6
Состав редакционной коллегии журнала	8
От редакции. Краткая аннотация выпуска журнала	10

Философия информационного общества

Кредит и кредитомания в условиях общества потребления <i>А. Н. Ильин</i>	12
Развитие креатосферы в информационном обществе <i>О. К. Трубицын</i>	29

Политология

Место в истории и характерные черты постиндустриального, информационного общества <i>Б. А. Исаев</i>	50
Многоликая демократия <i>А. Н. Плющ (Украина)</i>	70

Философия науки и образования

Проблемы академической этики и российская наука <i>В. И. Левин</i>	89
---	----

Теория и история культуры

Богочеловек Ф. М. Достоевского и сверхчеловек Ф. Ницше <i>М. В. Мефёд</i>	101
--	-----

Из истории отечественной науки

Выдающийся философ и организатор отечественной науки Софья Александровна Яновская <i>В. И. Левин</i>	112
Идеи позитивизма в истории русской философской мысли <i>С. Н. Коробкова</i>	129
Православный позитивизм А. А. Ухтомского <i>А. Е. Рыбас</i>	138

Объявления

Приём в аспирантуру ГУАП по направлению «Философия науки и техники» в 2019 году	153
Седьмая международная научно-практическая конференция «Философия и культура информационного общества»	154

Требования к оформлению статей

Требования к оформлению статей.	158
---	-----

Content

About the Journal	4
To Our Readers and Authors (<i>In English</i>)	5
Editorial Council of the Journal	6
Editorial Board of the Journal.	8
Editorial. Summary of the Issue.	10

Philosophy of Information Society

Credit and Credit Mania in the Consumer Society <i>A. N. Ilyin.</i>	12
Creatosphere Development in Information Society <i>O. K. Trubitsyn.</i>	29

Political Science

Post-Industrial, Information Society and Its Place in Human History <i>B. A. Isaev</i>	50
Many-Sided Democracy <i>A. N. Plyusch</i>	70

Philosophy of Science and Education

Problems of Academic Ethics and Russian Science <i>V. I. Levin.</i>	89
--	----

Theory and History of Culture

Dostoevsky's Concept of "The God-Man" and Nietzsche's Concept of "The Overman" <i>M. V. Mefed</i>	101
--	-----

From the History of the Science of Our Country

Outstanding Philosopher and Organizer of National Science Sofya Alexandrovna Yanovskaya <i>V. I. Levin.</i>	112
The Ideas of Positivism in the History of Russian Philosophical Thought <i>S. N. Korobkova.</i>	129
Orthodox Positivism of A. A. Ukhtomsky <i>A. E. Rybas.</i>	138

Announcements

Admission to the Postgraduate School of SUAI in 2019 (Programme "Philosophy of Science and Technology")	153
"Philosophy and Culture in Information Society". International Conference	154

Article Presentation Rule

Article Presentation Rules.	158
-------------------------------------	-----

О журнале

Уважаемые читатели и авторы журнала!

С июля 2013 года Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения выпускает сетевое издание – журнал «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе», доступный на сайте www.fikio.ru. Журнал включен в базу данных РИНЦ, зарегистрирован в Роскомнадзоре (свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ №ФС77-54191), ему присвоен ISSN 2309-6888.

Формирование в последние десятилетия постиндустриального, или информационного, общества привело к глубоким и сложным сдвигам во всех областях и сферах человеческой жизни. В нашем издании предлагается широкий подход к их исследованию. Во-первых, наш подход включает в себя разработку концепции информационного общества как такового в единстве с изучением общефилософских проблем его развития и конкретно-научных исследований, которые дают эмпирический материал для последующих философских обобщений. Во-вторых, мы публикуем работы по историческим аспектам (например, история науки и культуры), содержащие в себе взгляд на те или иные события прошлого с точки зрения современности, то есть науки информационной эпохи.

Охват в одном журнале проблем философии, теории культуры, истории, социологии, психологии и педагогики, политологии может показаться чрезмерно широким. Мы, однако, надеемся, что именно материалы этого обширного массива знаний дают возможность составить достаточно полную, репрезентативную картину развития информационного общества, лучше понять тот мир, в котором живет современный человек.

Мы приглашаем к сотрудничеству всех исследователей, как российских, так и зарубежных, для которых представляет интерес тематика нашего журнала. Будем внимательно изучать предложения, уточнять перспективные направления работы, участвовать в дискуссиях.

В журнале рассматриваются преимущественно проблемы, составляющие содержание следующих групп специальностей научных работников:

09.00.00 – философские науки;

24.00.00 – культурология;

19.00.00 – психологические науки.

Редакционная коллегия

To Our Readers and Authors

Dear colleagues!

We present the following issue of our Internet journal “Philosophy and Humanities in Information Society”.

The problems of contemporary society are widely discussed at any time. Our journal contains a broad approach in studying them. Firstly, our approach includes the investigations of an information society itself – the philosophical and humanitarian studies. Secondly, we publish historical articles, for example, the history of science and culture, which contain an analysis of the past from the point of view of the present situation, i. e. from the point of view of a person who lives in the information society.

Embracing different problems of philosophy, theory of culture, philology, history, sociology, political science, psychology, pedagogy in a single journal is supposed to be extremely vast. But we hope that such a broad intellectual area gives an opportunity to reconstruct a representative picture of the information society.

We consider that such a wide inter-discipline approach gives man of an information age an opportunity to understand better our contemporary society.

We are glad to collaborate with researchers who are interested in our journal and its topics.

Our journal is published four times a year.

Chief Editor: prof. Sergei V. Orlov. E-mail: orlov5508@ramler.ru

Editorial board

Состав редакционного совета журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе»

Председатель редакционного совета:

Бояр Виктор Матвеевич – проректор по учебно-воспитательной работе, декан юридического факультета ГУАП, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ.

Члены редакционного совета:

Лосев Константин Викторович – проректор по международной деятельности, декан гуманитарного факультета ГУАП, доктор экономических наук, доцент.

Лазаревич Анатолий Аркадьевич – директор института философии Национальной академии наук Беларуси, кандидат философских наук, доцент (по согласованию).

Лаура Пана (Laura Pana) – ассоциированный профессор Бухарестского политехнического университета, кафедра автоматизации и промышленной информатики, Румыния (по согласованию).

Меган Диксон (Megan Dixon) – преподаватель Колледжа Идахо (США), Ph. D по русской литературе, Ph. D по гуманитарной географии (по согласованию).

Марахов Владимир Григорьевич – профессор кафедры социальной философии и философии истории Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ (по согласованию).

Кудашов Вячеслав Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск (по согласованию).

Диев Владимир Серафимович – директор института философии и права Новосибирского государственного университета, доктор философских наук, профессор, председатель Сибирского отделения Российского философского общества (по согласованию).

Орлов Владимир Вячеславович – профессор кафедры философии факультета философии и социологии Пермского государственного национального исследовательского университета, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ (по согласованию).

Субетто Александр Иванович – доктор философских наук, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, советник ректора Смольного института Российской академии образования, Санкт-Петербург (по согласованию).

Комашинский Владимир Ильич – доктор технических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института проблем транспорта Российской академии наук им. Н. С. Соломенко (по согласованию).

Арефьев Михаил Анатольевич – заведующий кафедрой философии и культурологи Санкт-Петербургского государственного аграрного университета, доктор философских наук, профессор (по согласованию).

Выжлецов Геннадий Павлович – профессор кафедры социальной философии и философии истории Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор (по согласованию).

Комаров Виктор Дмитриевич – профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Михайловской военной артиллерийской академии, доктор философских наук, профессор (по согласованию).

Орлов Сергей Владимирович – профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП, доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала.

**Состав редакционной коллегии журнала
«Философия и гуманитарные науки
в информационном обществе»**

Главный редактор:

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу философии:

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Оконская Наталья Камильевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и права Пермского национального исследовательского политехнического университета (по согласованию).

Выжлецов Павел Геннадиевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Коробкова Светлана Николаевна – доктор философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу культурологи:

Смирнова Тамара Михайловна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Выжлецова Наталья Викторовна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры рекламы и современных коммуникаций гуманитарного факультета ГУАП.

Гусарова Юлия Васильевна – преподаватель, координатор годовых программ, Принц Султан Университи, Эр-Рияд, Королевство Саудовская Аравия (по согласованию).

Члены редакционной коллегии по разделу истории:

Гусман Леонид Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Тропов Игорь Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Выборгского филиала Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (по согласованию).

Члены редакционной коллегии по разделу филологии:

Чиханова Марина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу психологии и педагогики:

Дмитренко Нина Андреевна – кандидат педагогических наук, доцент, директор Учебно-лингвистического центра Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики (по согласованию).

Члены редакционной коллегии по разделу истории отечественной науки:

Забродин Олег Николаевич – доктор медицинских наук, старший научный сотрудник кафедры анестезиологии и реаниматологии Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени академика И. П. Павлова (по согласованию).

Ответственный секретарь редакции:

Коломийцев Сергей Юрьевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Распределение обязанностей в редакции

Орлов Сергей Владимирович – выпускающий редактор.
Коломийцев Сергей Юрьевич – технический редактор.
Дмитренко Нина Андреевна – переводчик.

От редакции. Краткая аннотация выпуска журнала

Выпуск журнала открывается разделом «Философия информационного общества» со статьей кандидата философских наук, доцента **А. Н. Ильина** «**Кредит и кредитомания в условиях общества потребления**». Тему потребительского общества автор давно уже разрабатывает в статьях на страницах как нашего, так и других отечественных журналов. В данной работе он убедительно обосновывает понимание кредитомании как экономической, психологической и социокультурной девиации, ставшей нормой поведения и крупным фактором риска для постиндустриальной цивилизации. Кандидат философских наук, доцент **О. К. Трубицын** в статье «**Развитие креатосферы в информационном обществе**» подчеркивает повышение роли креативной деятельности и приходит к выводу, что в современной России наилучшие условия для ее осуществления могли бы быть созданы при реализации модели сетевого развивающегося государства.

В разделе «Социология и политология» доктор социологических наук, профессор **Б. А. Исаев** дает обзор современных концепций информационного общества в публикации «**Место в истории и характерные черты постиндустриального, информационного общества**», рассматривая последнее как сообщество наиболее развитых держав, к которому постепенно присоединяются развивающиеся страны. Украинский ученый, доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник **А. Н. Плющ** в статье «**Многоликая демократия**» раскрывает механизмы функционирования демократической общественной системы, которая создается гражданами – зрелыми соавторами коллективных проектов, конструирующих общество демократии.

Раздел «Философия науки и образования» представлен полемической статьей Заслуженного деятеля науки РФ, доктора технических наук, профессора **В. И. Левина** «**Проблемы академической этики и российская наука**». Автор считает необходимым выработку нормативного документа об академической этике, приемлемого для большинства научных работников. Предпринимаемые в настоящее время попытки борьбы с плагиатом в научных публикациях важны и актуальны, но пока не во всем продуманы. Это приводит к выработке неудачных принципов оценки научных текстов и очень спорных способов действия – сюда относятся, например, борьба с так называемым «тиражированием статей», «самоплагиатом» и «автоплагиатом».

В статье студента **М. В. Мефёда** «**Богочеловек Ф. М. Достоевского и сверхчеловек Ф. Ницше**» (раздел «Теория и история культуры») продемонстрирована противоположность и комплементарность концепций человека, созданных этими мыслителями. И та, и другая концепция имеют, в свою очередь, как сильные, так и слабые стороны.

Завершает научно-теоретическую часть выпуска журнала раздел «Из истории отечественной науки». Он представлен тремя статьями. Доктор технических наук, профессор **В. И. Левин** в работе «**Выдающийся философ и организатор отечественной науки Софья Александровна Яновская**»

рассматривает жизнь и деятельность известного философа и логика и подробно анализирует возникшие после ее кончины обвинения в преследовании других ученых по политическим мотивам (например, в рамках «красного террора»). Подробный анализ письменных источников и живых свидетельств очевидцев дает автору основания сделать вывод о беспочвенности предъявляемых С. А. Яновской обвинений. Доктор философских наук, доцент **С. Н. Коробкова** рассматривает в статье **«Идеи позитивизма в истории русской философской мысли»** влияние этой западной философской школы на русскую науку конца XIX – начала XX века. Позитивистская традиция подверглась в России переосмыслению и переработке, в результате которой у русских философов и естествоиспытателей сложилась особая философская концепция – реализм. Продолжая эту тему в публикации **«Православный позитивизм А. А. Ухтомского»**, кандидат философских наук, доцент **А. Е. Рыбас** показывает, что выдающийся русский физиолог А. А. Ухтомский, будучи религиозным человеком, исследовал взаимосвязь науки и религии и выработал специфическую философскую концепцию, которую можно назвать «Православный позитивизм».

Главный редактор

ФИЛОСОФИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

УДК 008 (103)

Кредит и кредитомания в условиях общества потребления^{*}

Ильин Алексей Николаевич – федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный педагогический университет», кафедра практической психологии, доцент, кандидат философских наук, Омск, Россия.

Email: ilin1983@yandex.ru

644043, Россия, г. Омск, ул. Партизанская 4а, ауд. 117,
тел.: 8 (950) 338-15-73.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Существует взаимосвязь между потребительскими идеалами и социальной тенденцией, именуемой кредитоманией. Жизнь в кредит заслуживает критического рассмотрения. Наблюдаются психологические и экономические риски и опасности, связанные с кредитоманией.

Метод исследования: В работе нашли применение следующие методы. Неомарксистский метод позволил критически оценить потребительские тенденции, проявляющиеся в условиях капиталистического общества. Культурфилософский метод позволил сформировать представление о культуре потребления как важнейшей составляющей части культуры современного общества. Исследование носит междисциплинарный характер.

Результаты: В качестве следствия кредитомании выступает иррациональное потребительское поведение, связанное с накоплением долгов и покупкой ненужных вещей. Благодаря функционированию рекламы и моды формируются фиктивные потребности, а кредит выступает средством их удовлетворения. Реклама кредитных услуг всегда замалчивает трудности и проблемы, которые они создают для потребителя. Кредитомания восхваляется как явление прогрессивное, современное и необходимое. Актуализировалась тенденция вкладывать в кредит смысл бытия. Прослеживается также связь между кредитоманией и политическим конформизмом. Кредитомания – верное средство тиражирования обывательских и конформистских настроений в обществе. Кредитоманы не вовлекаются в политическую оппозиционную деятельность, в проекты по отстаиванию прав и свобод. Их внутренний мир редуцируется до страха за стабильный доход и рабочее место.

Выводы: Кредитоманию следует считать серьезным социальным и психологическим нарушением и фактором экономического риска. Она является как экономической, так и психологической, и социокультурной девиацией,

^{*} © А. Н. Ильин, 2019.

ставшей нормой для современного общества. Развитие системы потребительского кредитования – одна из основ социального контроля, ибо заемщик менее склонен к риску и стабилен в трудовых отношениях.

Ключевые слова: общество потребления; психология потребления; кредит; кредитомания; реклама; мода.

Credit and Credit Mania in the Consumer Society

Ilyin Alexey Nikolaevich – Omsk State Pedagogical University, Department of Practical Psychology, Associate Professor, PhD, Omsk, Russia.

Email: ilin1983@yandex.ru

4a Partizanskaya str., aud. 117, Omsk, 644043, Russia,

tel.: +7 (950) 338-15-73.

Abstract

Background: There is a relationship between consumer ideals and the social trend, called credit mania. Life on credit deserves critical consideration. There are psychological and economic risks and dangers associated with credit mania (borrowing needs).

Research method: The study has applied the following methods. The neo-Marxist method allows us to evaluate critically consumer trends set in capitalist society. The cultural-philosophical method allows us to develop an idea of consumption culture as the most important component of culture in modern society. The study is interdisciplinary.

Results: Irrational consumer behavior associated with the accumulation of debts and the purchase of unnecessary things is a consequence of credit mania. Advertising and fashion create fictitious needs, and credit acts as a means of satisfying them. Advertising of credit services always ignores the difficulties and problems that they cause for the consumer. Credit mania is praised as a progressive, modern and necessary phenomenon. The tendency to buy on credit has become the meaning of life. There is also a connection between credit mania and political conformism. Credit mania is an effective means of replicating narrow-minded and conformist attitudes in society. Credit addicts are not involved in political opposition activities, projects to protect the rights and freedoms. Their inner world is reduced to fear to lose a stable income and workplace.

Conclusion: Credit mania appears to be a serious social and psychological disruption and an economic risk factor. It is both an economic, psychological and sociocultural deviation, which has become a norm for modern society. The development of a consumer credit system is one of the foundations of social control, because the borrower is more risk-averse and stable in labor relations.

Keywords: consumer society; consumption psychology; credit; credit mania; advertising; fashion.

У современного общества много наименований, в том числе оно именуется

потребительским. Но сама формулировка «культура (общество или психология) потребления» выглядит недостаточно точной в терминологическом смысле. Ведь потребление можно понимать как рациональное и необходимое для поддержания жизнедеятельности поведение по присвоению материальных и духовных благ в нужном для человека объеме. И нередко данное явление понимают именно так. Следовательно, любой человек, потребляющий хотя бы минимальное количество благ, уже является потребителем, и «не-потребителей» просто не существует. Значит, любое общество является обществом потребления, и тогда значение этого понятия размывается. Термин «потребительство» (или «перепотребление») характеризует поведение, выходящее за рамки разумного использования благ. Поэтому наименование «потребительство» или «перепотребительское общество» («перепотребительская психология») выглядит более подходящим при раскрытии интересующей нас проблематики. Термин «консюмеризм» является синонимом терминов «потребительство» или «перепотребление» и, соответственно, несет в себе иной смысл, чем укоренившееся в научной и публицистической литературе понятие «потребление». *Про консюмеризм следует говорить тогда, когда речь идет не о потреблении как средстве жизни, а о потреблении как ее смысле.* Однако мы, используя стратегию разумного консерватизма, будем оперировать привычной и сложившейся (пусть и не совершенной) терминологией, но имея в виду именно перепотребительские общество, культуру и психологию.

Психология консюмеризма характеризуется соблазном модными брендами и вовлечением в круговорот потребления «во что бы то ни стало» даже самых малообеспеченных людей. Стала нормой вещно-экспозиционистская форма поведения, когда посредством приобретенных брендовых вещей позиционируется статус их обладателя. Каждая вещь обладает знаковой надстройкой и несет в себе культурно-психологический смысл. Фраза «человека встречают по одежке» говорит о том, что вещи указывают на социальное положение их обладателя. Именно в условиях широкого распространения психологии потребления данная фраза приобрела особую актуальность. Однако тенденции моды недолговечны, а реклама постоянно соблазняет каждого из нас новыми предлагаемыми товарами и услугами. Вследствие этого для позиционирования статуса посредством потребления необходимо постоянно находиться «в тренде», то есть успевать за веяниями моды и брендинга. Реализация такого принципа «перманентного вещизма» сопряжена с рядом проблем, в первую очередь материального характера, поскольку «ходьба в ногу со временем» требует серьезных финансовых вложений. Кроме того, она навязывает неаутентичные желания в приобретении фиктивных товаров. Фиктивный товар – тот, который нужен в первую очередь для подчеркивания статуса. По сути, считающий себя свободным потребитель безрефлексивно следует тем тенденциям, которые создали воротилы бизнеса, стараясь успевать за приобретением малополезных новинок.

Реклама, мода, маркетинг как аспекты инфраструктуры потребления, актуализируя в человеке новые потребности и заставляя его покупать все новые

товары без сопоставления их стоимости с уровнем личного дохода, актуализировали явление массовой кредитомании. Кредитомания, способствуя увеличению потребления, стала одной из причин наступления экономического кризиса и дерационализации сознания человека. Как отмечает сравнивающий кредитоманию с макдональдизацией Дж. Ритцер, процесс получения займа стал более эффективным, громоздкость и длительность сменились быстротой, нередко людям для повышения эффективности заранее предоставляются уже оформленные кредитные карточки [см.: 10]. «Облегченная» система кредитования привела в США к росту долгов и наступлению финансово-экономического кризиса, который стал глобальным.

Некоторые аналитики говорят, будто культура потребления является показателем высокого уровня общественного благосостояния. Это утверждение в корне неверно. Культура потребления требует от человека недоесть, но последние деньги отдать за статусный гаджет или поход в модный клуб, предварительно заняв денег. По замечанию Т. Веблена, «для поддержания приличного внешнего вида городскому населению в большей степени, чем сельскому, свойственна привычка жить впроголодь» [цит. по: 11, с. 69]. В густонаселенном мегаполисе, где каждый не знаком с каждым, только по внешним проявлениям можно судить о статусе человека. Поэтому элементам внешности потребитель отдает большее предпочтение – нередко посредством недочета того, что сокрыто от чужих глаз. Никто не видит, чем потребитель питается дома, но все видят, во что он одевается, какими гаджетами пользуется и т. д. *Так что в мире потребительских кредитов уровень трат необязательно является критерием уровня доходов.*

Широко развитая реклама и вся потребительская инфраструктура стимулирует отказ от ценностей бережливости, скромности и рациональности в покупках. Экономической системе выгодно, чтобы спрос поддерживался на высоком уровне. Кредитная система разбивает последний барьер – нехватку финансовых средств. Даже если у человека нет денег, у него все равно имеется «выход» на арену потребительства – деньги займы. С одной стороны, это стимулирует потребительскую активность, то есть спрос в самом широком смысле. С другой, за этот «выход» человек платит в виде процентов. Инфраструктура вещает: «Если ты бережливый и скромный, перестраивайся, чтобы быть современным, то есть гонящемся за модой, расточительным, совершающим в том числе ненужные покупки. Если у тебя нет денег, бери кредит». Потребитель приобретает фиктивные вещи на не принадлежащие ему деньги.

Ради стимулирования спроса на всю производственную систему товаров (которая значительно превышает уровень действительных потребностей общества) посредством моды и рекламы делегитимируется стратегия накопления средств, позволяющая «завтра жить за счет сегодня», и легитимируется кредитомания, позволяющая «жить сегодня за счет завтра». Сначала данная тенденция проявила себя в странах Запада, в первую очередь в США. Для среднего американца жизнь в долг – некая онтологическая норма. Кредиты берут почти на все: автомобиль, дом, обучение, вплоть до мелких

гаджетов. Так, О. А. Феофанов, ссылаясь на американские источники, пишет, что в 1945 г. общий потребительский кредит составлял \$5,665 млн., а в 1970 г. – \$246,996 млн., то есть вырос за 25 лет почти в 50 раз [см.: 13]. Как отмечает С. Жижек, сегодня средний исландец должен банкам 30 тыс. евро за взятие кредитов на жилье, учебу в университете, автомобиль, путешествия. В итоге во время разразившегося кризиса исландцы сильно пострадали; к тому же кредиты привязаны к индексу потребительских цен, поэтому во время инфляции долги выросли вместе с ростом цен [см.: 5]. Можно сказать, в Европе средний класс определяется не столько доходами, сколько расходами, осуществляемыми благодаря доходящему до безумия кредитованию.

Сегодня кредитомания оказывает мощное влияние на социокультурные и психологические аспекты жизни россиян. После развала Советского Союза и перехода России на капиталистические рельсы стало формироваться общество потребления с соответствующим типом культуры и психологии.

Отношение к кредиту – один из индикаторов различия в ценностях между советским обществом производства и постсоветским обществом потребления. В разные эпохи ростовщичество морально осуждалось. В СССР отношение к частному бизнесу было отрицательным. «Частников» называли челноками, спекулянтами, и в эти слова вкладывалась однозначно негативная оценка. Ростовщичество воспринималось как высшая форма социального паразитизма. Ведь действительно, «профессиональное» стремление «из денег делать деньги» не приносит никакой пользы обществу, а, наоборот, закабальет его (конкретных заемщиков) в процентную кабалу. Наблюдалось презрительное отношение к ростовщику, который ничего полезного не производил, но только делал других людей своими должниками.

Сейчас ценностные системы настолько изменились, что у нас не вызывают никакого возмущения многочисленные предприятия, дающие ссуду. Теперь это не презираемое дело, а вид легитимного и даже респектабельного бизнеса. Для сегодняшнего россиянина они – такие же коммерческие структуры, как и все остальные. Современное общество, преисполнившись ценностями и смыслами консюмеризма, вполне одобрительно относится к тому, что ранее так жестко осуждалось. Потребительская культура успела воспитать нас в парадигме ссуды как нормы и даже как вполне нужного и необходимого явления. Недаром отмечается, что студенты в целом демонстрируют положительное отношение к займам, а пенсионеры – отрицательное [см.: 9]. Это объясняется разными причинами. Так, пенсионеры менее мобильны в силу психовозрастных особенностей, у них меньше запросов. Но и культурное объяснение тут вполне уместно. Пенсионеры в той или иной степени остались носителями советской системы ценностей, а студентам она неведома, так как не входит в структуру их личного культурного опыта. Напротив, эту структуру составляет консюмеризм, противоположный советским культурным ориентациям. Кредитная система является спекулятивной, фиктивной, что позволяет отнести ее к категории социально вредных явлений. Однако такое оценочное суждение с точки зрения потребительской культуры выглядит устаревшим и архаичным, что, однако, не делает его лишенным истины.

Система кредита достаточно парадоксальна. Кредит позволяет приобретать и потреблять вещи «заранее», еще не заработав их. Кредит в некотором смысле – метод опережения рабочего времени. Поэтому нередко темпы роста расходов превышают темпы роста доходов. В советский период для покупки нового автомобиля задолго до самого акта его приобретения необходимо было начать накапливать средства, ограничивать траты, экономить (зачастую всей семьей). В результате автомобиль был действительно заработан, являлся неотчуждаемой собственностью – ведь труд и аскетика предшествовали покупке, а деньги были заплачены в полном объеме. Сегодня взятый в кредит автомобиль еще не заработан, он как бы наш, но одновременно нам не принадлежит – здесь приобретение предшествует труду и аскетике, деньги не заплачены. Покупка на взятый кредит той или иной вещи – это опережение времени, скачок в будущее, а необходимость выплаты долга выражается возвращением в прошлое. Кредитомания – сугубо капиталистическое изобретение, которое, путая причину и следствие (производство и потребление), искажает время. Вещь, взятая в кредит, убегает во времени от своего владельца, а владелец, соответственно, не будучи полноценным владельцем, отстает от вещи. Часть труда заемщика принадлежит не ему, что Ж. Бодрийяру напоминает феодальные отношения с характерным для них закрепощенным трудом [см.: 1]. Однако, в отличие от феодализма, в «кредитной» современности человек самостоятельно выбирает такую жизнь, добровольно следует рекламным призывам и соблазнам потребительской инфраструктуры. Конечно, учитывая манипулятивный характер рекламы, слово «добровольность» несколько условно, но все же принуждения как такового нет. Если можно так выразиться, используется «мягкая сила».

Кредитование стоит назвать одним из детищ эпохи потребления, фактором детерминации потребительского поведения. В условиях, когда кредит, позволяющий приобрести престижные вещи, взять легко, скромность представляется как что-то нерациональное и архаичное. *Если в эпоху раннего мещанского капитализма ценности бережливости и заботы о будущем заставляли сегодняшние деньги переносить на завтра, то потребительские ценности расточительности и невоздержанности стимулируют переносить деньги из завтрашнего дня в сегодняшний.* Ответ на вопрос «зачем человек опережает или присваивает время посредством кредита и коллекционирования?» лежит в плоскости статусности и престижности. Во многих случаях символические манипуляции со временем следует рассматривать как основу некоторых потребностей.

Рекламные фразы вроде «Всего 1,5 % в день» или «Деньги даром» являются манипуляциями, так как ни «всего», ни «даром» не бывает в реальности, которая отличается от страны чудес. Да и в целом, реклама лоббирует принцип «возьми кредит и ни о чем не думай». Этот принцип заглушает логическое мышление, отворачивает от стратегического видения ситуации, от реальности, которая может быть сопряжена с неспособностью заемщика отдать долг. Но ему предлагается просто об этом не думать. И с подобной рекламой никто не борется, хотя недобросовестную рекламу

необходимо изгонять их сферы общественного бытия. Показателен еще один рекламный слоган кредитных компаний, выраженный в словах «мы рады Вам помочь!». Когда друг дает займы без всякого процента, это можно считать помощью. Но едва ли заем под большой процент стоит квалифицировать в качестве «радости помочь». Такие слова – это ссылка на несуществующее добродушие и альтруизм, циничная уловка, когда черное называют даже не светлым, а белым. Так происходит подмена тезисов в социально-экономической сфере. В некотором роде она напоминает манипулятивную подмену, которую используют американцы в геополитической области: бомбежки называют гуманитарными интервенциями, навязывание приводящего к обнищанию целых народов неолиберализма – открытой экономикой, наступление на права трудящихся – гибким рынком труда. В соответствии с логикой такой подмены понятий социально вредные действия именуют социально полезными.

Вполне парадоксально, когда идея отстраненности от кредитов используется именно той рекламой, которая продвигает кредиты. Это вполне укладывается в тезис о том, что капитализм успешно абсорбирует даже антикапиталистический дискурс. Приведем пример. На листовке одного из банков изображен радостный молодой человек на фоне рассыпающейся стены. Причем, судя по мимике, он испытывает настолько сильное чувство радости, которое в реальной жизни мало кто и редко когда действительно ощущает. Впрочем, это характерно для рекламы вообще: повсеместно «герои листовок» позиционируются радостными и счастливыми. Разрушение стены здесь символизирует освобождение от кредитов. Вверху надпись: «Вырвись из плена кредитов», а снизу указано: «Кредит наличными. Объедини в один и плати меньше! От 16 % под залог недвижимости». При обращении к идее освобождения от кредитов дается посыл брать не кредит, а кредиты, только объединять их в один. Абсурд очевидный, поскольку понятно, что взятие кредита во множественном числе вовсе не ведет к освобождению от кредита, а, наоборот, закабаляет в большей степени, чем взятие кредита в единственном числе. Правильным было бы написать не «Вырвись из плена кредитов», а «Интегрируйся в плен объединенного кредита». Но такой призыв, несмотря на его реалистичность, для рекламы неприемлем – именно благодаря реалистичности.

Рекламная фразеология запускает соответствующие поведенческие паттерны, и люди совершают мелкие и крупные необдуманные займы. Конечно, решение принимает сам человек, но это не значит, что рекламисты никакой ответственности не несут. Они оказывают воздействие, которое приводит к результатам, выгодным для кредитных кампаний, но крайне невыгодным для объекта этого воздействия.

Маркетологи находят различные методы привлечения клиентов к взятию новых кредитов. Они используют красивые слоганы типа «вы можете купить прямо сейчас» (отсылка к сиюминутности), «вы можете себе это позволить» (отсылка к могуществу), «вы будете контролировать процесс» (отсылка к реализации потребности в контроле – одной из самых актуальных человеческих

потребностей). Все эти призывы фундируются теми или иными потребностями, характерными как для человечества в целом, так и для современной эпохи.

Кредитные карточки бесплатно разбрасываются по почтовым ящикам, и это создает эффект близости сомнительного счастья, удержания его в руках как в прямом, так и в переносном смысле. К тому же не просто из пластика делают кредитные карты, а посредством дизайна (и сопутствующей ему рекламы) изготавливают золотые и платиновые карты, подчеркивающие статус владельца и формирующие желание стать обладателем карты. Красивый дизайн и gold-статус символизируют престиж, что имеет важное значение для потребителей. Инфраструктура кредитных карт основана на неравенстве, на приоритетности одних перед другими, что также вовлекает потребителей в гонку за статус. Некоторые карты предполагают разные формы приоритетного обслуживания: наличие скидок, юридическую и страховую поддержку за рубежом, консьерж-сервис и прочее.

Человеку легче расставаться с финансовыми средствами, когда он платит не наличными, а картой. В этом случае отсутствует физический контакт с деньгами как материальной сущностью и потому нет твердого ощущения их утраты. Человек их не держит в руках, не вступает в кинестетический контакт, не ощущает их материальность. Переход на карты усиливает объем бездумных и дорогих покупок. Так, человек в магазине увидел довольно дорогой товар, на который у него нет денег с собой. Он решил вернуться в магазин позже, но по приходу домой устал и передумал возвращаться. По дороге у него имелось время для размышлений, которые стали навевать сомнения в необходимости этой покупки. Сомнения могут прийти извне, от членов семьи, с которыми он поделился своими намерениями. Но если бы у него была на тот момент карта с большой суммой денег (удобство карт – в возможности без опаски носить с собой любую денежную сумму), время на размышления едва ли появилось бы.

Карты упрощают принятие решения о покупке – в том числе иррациональной. Поэтому различные крупные корпорации поощряют массовый перевод денежных средств из наличной в «карточную» формы. Уместно привести слова С. Жижека: «Парадоксальным образом фетишизм достигает пика своего развития именно тогда, когда сам фетиш “дематериализуется”, превращается в изменчивую “бесплотную” виртуальную сущность; денежный фетишизм достигает своей кульминации с переходом их к электронной форме, когда исчезнут последние следы их материальности – электронные деньги представляют собой третью форму после “настоящих” денег, которые олицетворяют собственную стоимость (золото, серебро), и бумажных денег, которые, хотя и являются “всего лишь знаком”, лишенным внутренне присущей ему стоимости, все еще существуют в материальной форме» [3, с. 162–163].

Компании, предлагающие ссуду, рекламируют свои услуги типично софистическим методом: мол, ссуды наделяют потребителя покупательной способностью, создающей спрос, который, в свою очередь, способствует экономическому росту и росту уровня жизни всей нации. На самом деле такая причинно-следственная цепочка совершенно неуместна.

«Кредитное поведение» имеет свойство входить в привычку, так как безудержное потребление само по себе становится потребностью. Потребитель берет все новые кредиты, вовлекаясь в перманентную трату и формируя «кредитный» образ жизни. Осознание объема переплаты, равно как ненужности взятого в кредит товара, далеко не всегда возникает. Кредитоману свойственны нерациональный оптимизм и далекие от реалистичности настроения вроде: «С первой же (двадцатитысячной) зарплаты погашу половину (стотысячного) кредита». Нередко соответствующие настроения выступают формой психологической защиты. Когда кредит под большие проценты берут на вещи, без которых вполне можно прожить, то это логично определить как высшее проявление поведенческого иррационализма. Явно мгновение потребительского счастья не стоит долгой и регулярной оплаты. Поэтому рекламная фраза «Жить в кредит не повредит» [цит. по: 8, с. 35] – не более чем манипуляционный трюк, лицемерно продвигающий то, что как раз повредит. Ведь речь в этом коротком слогане идет не об отдельно взятом кредите, а о жизни в кредит как высшей форме мировоззренческого, психологического, поведенческого иррационализма.

«Закономерной реакцией на ценности перепотребления стала всеобщая “жизнь в займы”, характеризующаяся потерей чувства меры, переоценкой собственных возможностей и снижением чувства личной и материальной ответственности, упованием на неизменно бескризисное существование, уверенностью, что всегда и на все можно взять кредит. И здесь, как во всем мире перепотребления, кризисогенным стал не сам по себе безупречный институт кредитования, а превышение уровня разумного потребления его услуг» [7, с. 10]. «Жизнь в кредит», интеграция кредита в повседневность рождает инфантильное состояние сознания, когда человек слишком беспечно относится к своим доходам и расходам, не задумываясь о своей способности вернуть долги. Она же у других людей, наоборот, рождает сильный страх за будущее, за свои финансовые возможности, и этот страх в некоторых случаях не менее силен, чем страх за свою жизнь или за потерю близкого. В том и в другом случае кредитомания формирует крайне негативные состояния сознания.

Как система кредитов в частности, так и потребительская психология в целом основаны на идеологеме «живи одним днем». Она не предполагает рационального покупательского поведения, умения прогнозировать будущее, строить долгосрочные жизненные планы и реализовывать их. Она предполагает обычно нерациональный и краткосрочный проект, культ сиюминутного желания. Поскольку желание требует своего удовлетворения «прямо сейчас», даже если потребитель находится в ситуации недостатка денежных средств, актуализируется способ «получения сиюминутности» в виде кредита. Так реализуется алгоритм «возжелал приобрести вещь – взял кредит – купил вещь – задумался о ее необходимости». Инфраструктура потребления предлагает постоянно, как можно быстрее менять выходящие из моды и теряющие статусное значение вещи, навязывая форму жизни, которую можно назвать чередой приступов потребительских припадков. В таких условиях

долгосрочность пользования вещей пропадает. Но остается долгосрочность обязательств по кредитам.

Потребители, забывшие о принципе реальности и опьяненные принципом удовольствия, перестают задавать себе следующие элементарные вопросы.

- 1) Действительно ли я нуждаюсь в этом товаре?
- 2) Что мне мешает самостоятельно накопить денег и купить без всякого обращения к кредиторам?
- 3) В случае взятия этого товара в кредит насколько много я переплачу?
- 4) Смогу ли я оплачивать кредит без сильного ущерба моему материальному благосостоянию?
- 5) Не принесет ли мне факт долга неприятного чувства дискомфорта и неуверенности в завтрашнем дне, связанного с зависимостью от кредитора?
- 6) Хочу ли я за свой счет повышать прибыль компании, которая занимается ростовщичеством, и тем самым поддерживать эту деятельность?
- 7) Что вообще кредит дает мне такого ценного и необходимого, чего я не могу получить при жизни, лишенной этого рода «услуги»?

С ростом инфляции культура накопительства себя дискредитирует, поскольку деньги, хранимые дома или в банке, постепенно обесцениваются, и потребительская расточительность, в том числе проявляемая в кредитомании, является вполне адекватной реакцией на падение достоинства накопленных средств. Однако адекватной реакцией является умеренное расточительство, которое все-таки позволяет думать если не на год вперед, то хотя бы о завтрашнем дне, и не заставляет человека бросаться в символическую потребительскую гонку, а стимулирует приобретать действительно необходимые, функциональные вещи. Оправдание расточительства, опирающееся на идею инфляции и бессмысленности накопления, представляется поверхностным, поскольку сам по себе рост инфляции, а также материальная поляризация, является следствием функционирования того же рынка и потребительской культуры. Активы для будущего отходят в сторону перед волной блиц-кредитов, «здесь-и-сейчас».

Молодые семьи берут массу мелких кредитов, вся совокупность которых из-за мелочности каждого представляется супругам вполне посильной. Однако впоследствии они понимают свою ошибку, когда осознают неспособность оплачивать все, что обязались. Тогда семья начинает переживать кризис, который не всегда находит конструктивное разрешение. В обществе, где господствует психология потребления, «экономика семьи как домохозяйства перестала быть уютным, добротным и надежным общим котлом, превратившись в стрессовую гонку за своевременные платежи по кредитам. Работа перестала быть мотиватором, смыслообразующей константой, сегодня это сфера риска и источник хронического дистресса» [2, с. 169].

К гипердолгам приводит ситуация, когда консюмеру трудно остановиться, когда он наращивает кредиты, забывая о текущих долгах. Легкость получения кредита, а также повсеместная реклама соблазнительно выглядящих товаров и услуг формируют желание продолжать брать кредиты и затушевывают принцип реальности, выражаемый в рациональном осмыслении сложившейся

ситуации и собственных возможностей по погашению долгов. Потребитель ради погашения долгов по предыдущему кредиту берет новый, и такая цепочка уходит далеко в его личную историю, усиливая его экономическое и вместе с тем психологическое закабаление. Взятие кредитов становится привычкой, перерастая в аддикцию типа шопинга, игромании, алкоголизма. Такая зависимость именуется аффлюэнцией («потребительским гриппом»). Она выражена в нерациональном отношении к деньгам, в восприятии богатства как главной жизненной ценности и в маниакальном стремлении стать богатым или показаться такой широкой публике. Страдающий аффлюэнцией человек весьма расточителен, ему сложно отказаться от соблазна покупки, он слишком увлечен шопингом, испытывает ощущение эйфории от крупных покупок, падок на модные и брендовые товары как символы статуса и респектабельности их владельца. В некоторых случаях заемщик более половины своего дохода выплачивает по кредитам, и такое положение вещей иначе как абсурдным не назвать.

В прессе мы видим огромное количество сообщений о том, к каким трагичным последствиям приводит кредитное закабаление. Самые серьезные из них – преступления (включая убийства), на которые идут отчаявшиеся заемщики в стремлении освободиться от долгов. Не отданные кредиты нередко становятся стимулами для совершения самоубийств. Банки подталкивают людей к суицидам не только кредитами, но и банкротствами банков (результат – потеря вкладчиками накоплений), банкротством не сумевшего расплатиться с банком предприятия (люди теряют работу, и причиной суицида официально признается увольнение) и многими другими способами. Конечно, нельзя здесь говорить о некоем танатальном заговоре банкиров, о том, что они специально толкают людей к самоубийству. Это – побочный эффект деятельности банков, который, конечно же, банковскую сферу совсем не красит.

Обратимся к данным из статьи В. Ю. Катасонова, который справедливо призывает к национализации банковской системы. Для банков быть рассадниками преступности естественно, так как значительная их часть находится под контролем организованной преступности (криминальными группировками контролируются более 500 российских банков). За пять лет из-за проблем с выплатами долга по банковским кредитам в мире 38 тыс. человек покончили с собой (почти 8 тыс. человек в год). Имеются в виду только вызванные долгами по кредитам суициды, а не все суициды, спровоцированные деятельностью банков. Это число превышает количество жертв от террористических актов в данный период времени. При этом международное сообщество занято постоянным обсуждением проблем международного терроризма, вкладывает в борьбу с ним миллиарды долларов, а проблема кредитных суицидов его волнует мало [см.: 6].

Жизнь в кредит рекламируется как неотъемлемый элемент «прогрессивного» Запада, культ которого давно создан в российском обществе. Этот культ существует до сих пор, заставляя людей преклоняться перед всем, что связано с западным образом жизни. В том числе и кредитомания считается чем-то прогрессивным, современным и необходимым. Конечно, кредитомания

выглядит более презентабельно, чем гомосексуализм и трансвестизм, превозносимые в сегодняшней Европе. Однако эта презентабельность кредитоманию не оправдывает. На Западе помимо широко распространенных курсов анонимных алкоголиков появились курсы анонимных кредитоманов. Это весьма актуально, когда распространилась практика брать в долг мимолетный успех, не задумываясь о наступающем потом «долговом похмелье». Мимолетность успеха связана с тем, что:

– взятый в кредит гаджет выйдет из моды и перестанет быть высокостатусным;

– за взятую в долг вещь придется платить, как бы она ни представлялась психологически уже своей собственностью, и оплата будет значительно превышать ее стоимость.

Ежемесячные выплаты – это напоминания о безрассудстве и нерациональности некогда совершенного поступка.

Государство и бизнес поддерживают разросшуюся систему кредитования, несмотря на то, что кредитоманию следует считать серьезным социальным и психологическим нарушением и фактором экономического риска. Она является как экономической, так и психологической и социокультурной девиацией, ставшей нормой для современного общества. Непомерные долги могут вызывать неуверенность в завтрашнем дне, психические расстройства и даже преступные формы поведения. Актуализировалась тенденция вкладывать в кредит смысл бытия. В него инвестируется невроз, психоз, наконец, целая жизнь.

Переход от жизни на сбережения к жизни в кредит увеличивает зависимость человека или семьи от источников дохода на уровне «здесь и сейчас», требует иметь не только хорошо оплачиваемую работу, но и гарантию надежности, гарантию от увольнения или профессионального понижения. Кредит захватывает будущее заемщика, дисциплинирует его экономическую деятельность, которая подпадает под жесткие требования рентабельности, сталкиваясь с необходимостью вырабатывать прибыль в обязательном порядке выше ставки кредитного процента и расставаться с ней в соответствии с суммой необходимых выплат. «Действительно верно, что мы живем в обществе свободного выбора и риска, но при этом одни (менеджеры с Уолл-стрит) свободно совершают выбор, а другие (простые люди, выплачивающие ипотечные кредиты) принимают на себя риски» [4, с. 8].

Кредит сопряжен не с обещающей рекламой экономической свободой, а с большим переплачиванием и экономическим закабалением. Возникает парадокс: *ради осуществления потребительских стратегем берутся кредиты, но они же заставляют ограничить покупательское поведение.* Более того, они создают психологический дискомфорт, неуверенность в завтрашнем дне, гнетущее чувство утраты независимости. Зависимость от кредита может сделать человека более меркантильным и циничным, взрастить в нем жесткий индивидуализм, привести к утрате ценности взаимопомощи. Кредитомания – верное средство тиражирования обывательских и конформистских настроений в обществе. Кредитоманы не вовлекаются в политическую оппозиционную

деятельность, в проекты по отстаиванию прав и свобод. Их внутренний мир редуцируется до страха за стабильный доход и рабочее место.

Когда критическая масса конформистов нарастает, политический истеблишмент может пользоваться в своих интересах аполитичностью и лояльностью масс и реализовывать антисоциальные нововведения, осознавая, что бурных протестов не последует. Также и работодатели, зная, что их подчиненные «перегружены» кредитами, имеют основание для усиления эксплуатации. Человеку уже труднее себе позволить «роскошь» частичного неподчинения, высказывания недовольства в адрес начальства, проявления конфликтности; ведь его настоящее и будущее благополучие зависимы от рабочего места, от трудовой стабильности. Помимо этого, сам факт наличия безработицы в стране усиливает его страх. Раньше, в «до-кредитную эпоху», благополучие тоже зависело от трудового статуса. Однако в условиях расширения кредитного закабаления рабочий стоит перед необходимостью как обеспечивать свои витальные потребности, так и оплачивать то, что он еще не заработал, но уже взял. Зависимость от рабочего места усилилась. Развитие системы потребительского кредитования – одна из основ социального контроля, ибо заемщик менее склонен к риску и стабилен в трудовых отношениях.

Конечно, конформизм стимулируется не только с помощью кредита. Однако кредит выступает значимым фактором конформизации человека и общества. Конформизм нельзя считать явлением, обязательно связанным с потребительской культурой. Он проявлял себя и раньше, но в условиях постперестроечного социума он принял несколько иную форму. Если в условиях авторитаризма конформность связана с подчинением личных интересов общественно-государственным (в первую очередь государственным), со страхом быть осужденным социальной группой, то теперь она имеет в качестве своей основы, наоборот, потребительский индивидуализм, примат личного над общественным. В обоих случаях гражданственность рассеивается или в силу коллективистских обезличивающих тенденций, или в силу индивидуалистических, но все также обезличивающих тенденций. Сегодня тотального контроля нет, но есть иная форма конформизма. Стимулирующая конформизм тревога потерять должность, статус, рабочее место и т. д. заставляет человека превращаться в обывателя, рафинированного конъюнктурщика, заботящегося только о личном благе и забывшего о принципиальности, «идейности», об общественно полезных ценностях.

Ранее конформизм обеспечивал социальную консолидацию и индустриализацию, необходимую для общества модерна. Теперь, в эпоху постмодерна, его результатом выступает деконсолидация. В этом заключено отличие «общества потребления» от «общества идеи», а вместе с тем «нового» (потребительского) конформизма от «прежнего» (непотребительского). Наличие конформизма как социально-психологического феномена сближает эти общества, находит для них точку пересечения. Однако следует говорить о двух разных формах конформизма. Вместе с тем и в непотребительских обществах на фоне соответствующего им конформизма периодически

наблюдался потребительский конформизм, который ориентировался не на социальную идею, а на личное благосостояние. Человек, проявляя полное послушание ради самообеспечения и карьерного продвижения, может выдавать себя служителем идеи, которая в реальности для него не представляет совершенно никакой ценности. Ведь немало людей вступало в КПСС ради исключительно личных целей материального характера. Эти два вида конформизма не всегда поддаются четкому разделению, к тому же их трудно различить по внешним признакам.

Конформизм рожден не сам по себе, как побочный продукт цивилизации, а интегрируется в цивилизацию, в сам уклад общественно-политической жизни. Основным производителем конформизма является власть, которая посредством контролируемых ею СМИ занимается самолегитимацией. При одних политических режимах власть пытается сделать из каждого человека политизированного послушника. При других режимах усилия направляются на создание антиполитизированного послушника, вещно-экзогенного человека, ориентированного на индивидуализм, гламур, модные тренды и гаджеты, которые заменяют внутренний мир, осуществляют сублимацию оппозиционных порывов, поглощают избыточную энергию и делают сознание деполитизированным. *С помощью абсолютизации вещей углубляется господство человека над человеком.* Потребитель не осознает своей вовлеченности в систему манипулятивности и предпочитает видеть себя свободным. *Но его свобода связана не с правом оказывать влияние на важные общественно-политические вопросы, а сводится к праву стоять в стороне от такого рода решений и проблем и, окунувшись в приватный мир, стремиться к собственному счастью, которое обычно представляется независимым от общественно-политической ситуации.*

Политический истеблишмент, конечно, заинтересован в общественной поддержке, но он также довольствуется уходом масс из политики, поскольку этот уход сопряжен не с поддержкой, а всего лишь с отсутствием протестных настроений и, соответственно, угроз. Такой аполитичный, потребительски ориентированный эскапизм означает молчаливое согласие с текущим положением вещей, которое необходимо создателям и хранителям последнего. На фоне эскапизма большинства голос недовольного меньшинства просто не слышен. Наконец, одни не протестуют, потому что не понимают важности протеста, а другие («подавленные» кредитами, например) – потому что не могут себе это позволить.

Психологи, философы и социологи чаще всего критически относятся к конформизму и подобным ему феноменам. Он рассматривается через такие явления, как желание уйти от свободы и ответственности, слиться с толпой, возможность обеспечения карьеры и страх потери индивидуального потребительского благополучия, страх быть отличным от других. Конформизм нейтрализует личность, ее проявления свободной воли, ответственности и нравственных интенций. Конформизм выражает двуличие и беспринципность, а потому он противоположен ориентации на честь и достоинство. Он

деформирует гражданское сознание и ослабляет способность общества противодействовать антинародным решениям властей.

Потребитель-конформист приобретением модных вещей стремится отличаться от других, реализуя на первый взгляд антиконформистскую стратегию. Однако, когда эта стратегия охватывает социальное большинство, она указывает на некое единство индивидуалистов, в своем поведении похожих друг на друга. В этом заключается один из парадоксов потребительского общества. Выбор ограничивается просторами потребительского храма, в котором наблюдается дефицит продукции, важной для морального и когнитивного становления личности. Человек не может отказаться от потребления продукции этого храма, ведь так делают все, и необходимо «социализироваться», а реклама и мода активно продвигают соответствующие поведенческие стратегии. Выход за просторы храма практически не предполагается, вместо этого речь идет о богатом выборе внутри храма. В целом, культурная идентичность в условиях неолиберальной глобализации строится не столько политическим участием, идеологическим принятием или воспитанием в духе национальной культуры, сколько дискурсом развлечений. Идентичность основывается на моде и потребительских трендах, которые конструируются капиталистическими воротилами. Поэтому она является конвейерной, поточной, неаутентичной.

Короче говоря, власть имущим выгодно, чтобы энергия людей направлялась в русло не оппозиционной активности, а работы для выплачивания по взятому на квартиру ипотечному кредиту, и чтобы эти выплаты красной нитью проходили через всю жизнь. Система кредита делает общество конформным, компромиссным, покладистым. Она снижает протестную активность как по отношению к инстанциям власти, так и по отношению к начальству на работе. Она отвращает рабочих от отстаивания своих трудовых и гражданских прав.

Отсутствие законов о ростовщичестве (ограничивающих процентные ставки, устанавливаемые кредиторами) дает кредиторам возможности для установления сверхвысоких процентных ставок. Кредиторы используют способы обхода любых предписаний, если таковые имеются. Компания Rent-a-Center утверждала, что сдает в прокат мебель, хотя она вместе с продажей мебели одалживала деньги по очень высоким процентным ставкам. Многие американские штаты пытались ограничить ее деятельность, но кампания использовала свое политическое влияние (в ее совете директоров находятся опытные бывшие политики, а также бывший лидер республиканцев в палате представителей) [см.: 12]. Однако факт того, что ростовщички уходят от ограничивающих их деятельность законов, вовсе не означает отсутствие необходимости ограничивать ростовщичество.

Кредит выгоден и полезен, когда его объем невелик, кредит предоставляется под небольшие проценты, заемщику действительно необходимо в краткие сроки приобрести некий товар, и он способен выплатить не всю сумму сразу, а только по частям. Однако если кредит становится формой зависимости, о его выгоды и полезности говорить не приходится.

Учитывая вред ростовщичества для экономики в целом и для экономического положения отдельных личностей, можно сделать вывод, что нормализация кредитов – это тяжелая девиация современной культуры и массовой психологии.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Система вещей. – М.: Рудомино, 1999. – 224 с.
2. Девиантность в обществе потребления / под ред. Я. И. Гилинского и Т. В. Шипуновой. – СПб.: Алеф-Пресс, 2012. – 464 с.
3. Жижек С. 13 опытов о Ленине. – М.: Ad Marginem, 2003. – 255 с.
4. Жижек С. Накануне Господина: сотрясая рамки. – М.: Европа, 2014. – 280 с.
5. Жижек С. Размышления в красном цвете. – М.: Европа, 2011. – 476 с.
6. Катасонов В. Ю. Банки-убийцы и кредитные самоубийства // Конфликтология. – № 4. – 2012. – С. 102–110.
7. Лексин В. Н. Цивилизационный кризис и его российские последствия // Общественные науки и современность. – 2009. – № 6. – С. 5–18.
8. Матвеева Е. О. Массовая культура и современная реклама // Альманах теоретических и прикладных исследований рекламы. – 2013. – № 2. – С. 24–37.
9. Мужичкова Ю. Е. Психология обыденных представлений о долгах и кредитах // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2015. – № 4. – С. 37–44.
10. Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. – СПб.: Питер, 2002. – 688 с.
11. Стародумов А. А. Массовая культура как аспект общества потребления // Вопросы культурологии. – 2011. – № 6. – С. 68–73.
12. Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. – М.: Эксмо, 2015. – 512 с.
13. Феофанов О. А. США: реклама и общество. – М.: Мысль, 1974. – 262 с.

References

1. Baudrillard J. The System of Objects [*Sistema veschey*]. Moscow, Rudomino, 1999, 224 p.
2. Gilinskiy Ya. I., Shipunova T. V. (Eds.) Deviance in Consumer Society [*Deviantnost v obschestve potrebleniya*]. Saint Petersburg, Alef-Press, 2012, 464 p.
3. Žižek S. 13 Experiments about Lenin [*13 opytov o Lenine*]. Moscow, Ad Marginem, 2003, 255 p.
4. Žižek S. On the Eve of the Lord: Shaking of the Frame [*Nakanune Gospodina: sotryasaya ramki*]. Moscow, Evropa, 2014, 280 p.
5. Žižek S. Reflections in Red [*Razmyshleniya v krasnom tsvete*]. Moscow, Evropa, 2011, 476 p.
6. Katasonov V. Y. Banks-Murderers and Suicide Credit [*Banki-ubiytsy i kreditnye samoubiystva*]. *Konfliktologiya* (Conflictology), 2012, № 4, pp. 102–110.
7. Leksin V. N. Civilizational Crisis and Its Russian Consequences [*Tsivilizatsionnyy krizis i ego rossiyskie posledstviya*]. *Obschestvennye nauki i*

sovremennost (Social Sciences and Modernity), 2009, № 6, pp. 5–18.

8. Matveeva E. O. Popular Culture and Modern Advertising [Massovaya kultura i sovremennaya reklama]. *Almanakh teoreticheskikh i prikladnykh issledovaniy reklamy* (Almanac of Theoretical and Applied Studies of Advertising), 2013, № 2, pp. 24–37.

9. Muzhichkova Yu. E. The Psychology of Everyday Ideas about Debts and Credits [Psikhologiya obydenykh predstavleniy o dolgakh i kreditakh]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* (Humanities and Social Sciences. The Bulletin of the Financial University), 2015, № 4, pp. 37–44.

10. Ritzer G. Modern Sociological Theories [Sovremennye sotsiologicheskie teorii]. Saint Petersburg, Piter, 2002, 688 p.

11. Starodumov A. A. Mass Culture as an Aspect of Consumer Society [Massovaya kultura kak aspekt obschestva potrebleniya]. *Voprosy kulturologii* (Questions of Culturology), 2011, № 6, pp. 68–73.

12. Stiglitz J. The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future [*Tsena neravenstva. Chem rassloenie obschestva grozit nashemu buduschemu*]. Moscow, Eksmo, 2015, 512 p.

13. Feofanov O. A. USA: Advertising and Society [*SShA: reklama i obschestvo*]. Moscow, Mysl, 1974, 262 p.

УДК 316.422

Развитие креатосферы в информационном обществе*

Трубицын Олег Константинович – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет», кафедра философии, доцент, кандидат философских наук, доцент, Новосибирск, Россия.

Email: trubitsyn.ol@yandex.ru
630090, Россия, Новосибирск, ул. Пирогова, 2,
тел.: 8 (913) 720-85-99.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Развитие информационного общества подразумевает формирование и экспансию креативного класса и креатосферы – сферы деятельности с преобладанием творческого характера труда занятых в ней работников. В связи с этим возникают вопросы о сущности творчества, его соотношении с креативностью и инновационностью, о том, какого рода творчество может и должно стимулировать современное общество и какими методами можно этого добиться.

Результаты: Вместо бинарного разделения на творческое и нетворческое мы обнаруживаем широкий спектр видов и субъектов деятельности – от творчества в «высоком» смысле, духовного самотворчества, до инновационной деятельности. Государственная инновационная политика – это метод, которым государство пытается поощрять инновационную активность в стране. Можно выделить пять альтернативных вариантов инновационной политики:

- 1) неолиберальная модель, где роль государства сводится к минимуму;
- 2) модель сетевого развивающего государства, где активная роль государства сочетается с инициативами частных корпораций и сетевых инновационных сообществ;
- 3) модель бюрократического развивающего государства, где основные инициативы исходят от государства, а частные структуры выступают преимущественно в роли исполнителей;
- 4) этатистская модель, подразумевающая мобилизационный вариант развития, когда государство является единственным активным агентом инновационной политики;
- 5) модель, основанная на принципах «всеобщей собственности».

Выводы: Существует зависимость между способностью личности проявлять свои творческие наклонности и социальной средой. Традиционные общества склонны ограничивать инновационную деятельность, в отличие от современных обществ, ориентированных на поощрение инновационной активности. С другой стороны, для духовного самотворчества более благоприятны условия традиционного общества, где потребности людей в

* © О. К. Трубицын, 2019.

проявлении своих творческих задатков не мобилизуются рыночными силами или государством. Для развития инновационной активности в современном обществе требуется проведение эффективной государственной инновационной политики. С учетом этого можно сделать вывод, что для России сейчас лучше подходит модель сетевого развивающего государства.

Ключевые слова: творчество; креативный класс; инновация; развивающее государство; инновационная политика.

Creatosphere Development in Information Society

Trubitsyn Oleg Konstantinovich – Novosibirsk National Research State University, Department of Philosophy, Associate Professor, PhD, Novosibirsk, Russia.

Email: trubitsyn.ol@yandex.ru
2, ul. Pirogova, Novosibirsk, 630090, Russia,
tel.: +7 (913) 720-85-99.

Abstract

Background: The development of the information society implies the formation and expansion of the creative class and the creative sphere, a sphere of activity with a predominance of the creative nature of the labor of the workers employed in it. In this regard, questions arise about the essence of creativity, its relationship with creativity and innovativeness, about what kind of creativity can and should stimulate modern society and what methods can achieve this.

Results: Instead of a binary separation into creative and non-creative, we find a wide range of types and subjects of activity – from creativity in the “high” sense, spiritual self-creation, to innovative activity. State innovation policy is a method by which the state tries to encourage innovation activity in a country. Five alternative options for innovation policy can be distinguished:

- 1) a neoliberal model where the role of the state is minimized;
- 2) a model of a network developing state, where the active role of the state is combined with the initiatives of private corporations and network innovation communities;
- 3) a model of a bureaucratic developing state, where the main initiatives come from the state, and private structures act mainly as performers;
- 4) statist model, which implies a mobilization development option, when the state is the only active agent of innovation policy;
- 5) a model based on the principles of “universal ownership”.

Conclusion: There is a relationship between the ability of a person to express his creative inclinations and the social environment. Traditional societies tend to limit innovation, in contrast to modern societies focused on encouraging innovation. On the other hand, the conditions of a traditional society are more favorable for spiritual self-creation, where the people’s needs for the manifestation of their creative inclinations are not mobilized by market forces or the state. The development of

innovative activity in modern society requires an effective state innovation policy. With this in mind, we can conclude that the model of a network developing state is now better suited for Russia.

Key words: creativity; creative class; innovation; developing state; innovation policy.

Введение. Креативный класс и креатосфера

К настоящему моменту социальными теоретиками предложен целый ряд моделей, описывающих новый, формирующийся тип общества. Эти модели делают упор на какую-либо определенную его характеристику. Так, концепция информационного общества делает упор на росте объемов и значимости функционирующей в обществе информации, концепция сервисного общества – на опережающем росте сектора услуг, концепция сетевого общества – на развитии сетевых структур и т. д. По большей части они не противоречат друг другу, а скорее являются взаимодополняющими. «Очевидно, что теории информационного общества, постиндустриального общества и общества знаний представляют собой родственные теоретические построения, основанные на уверенности в том, что качественные социальные трансформации в современном мире неразрывно связаны с новой ролью информации и знания» [4, с. 53].

Большинство из этих концепций указывают на такое обстоятельство, как изменение социально-классовой структуры общества, связанное с подъемом так называемого креативного класса. Р. Флорида объясняет это следующим образом: «Подобно другим классам, новый класс выделяется на базе экономики. Если для феодальной аристократии источником власти и классовой идентичности служили наследственный контроль над землей и населением, а для буржуазии – присущие ей “роли” коммерсантов и фабрикантов, то особенности креативного класса определены творческой функцией его членов. Поскольку креативность – это движущая сила экономического развития, креативный класс к настоящему времени занял в обществе доминирующее значение» [14, с. 11]. Также некоторые авторы говорят о формировании и экспансии креатосферы, которую «можно определить как сферу деятельности с преобладанием творческого характера труда занятых в ней работников» [11, с. 139].

Понятие креативного класса пока не получило достаточного социологического обоснования, в частности, отсутствуют четкие определения и перечень признаков принадлежности к данному классу. Как правило, к представителям креативного класса относят наемных работников, чьей основной производительной силой являются их уникальные творческие интеллектуальные и эстетические способности. Р. Флорида рассматривает понятие креативного класса предельно расширительно, включая в его состав всех представителей творческих профессий, хотя и выделяет в нем суперкреативное ядро. С точки зрения В. Л. Иноземцева [см.: 6], подлинно «творческой» является лишь деятельность этого самого суперкреативного ядра.

По его мнению, основным капиталом эффективного современного производства (высокотехнологического и креативного) становится именно человеческий капитал креативных работников, следовательно, эти работники теряют «пролетарские» характеристики – в частности, их производительная деятельность не подвергается эксплуатации, будучи по сути своей творчеством, а не трудом. Таким образом, креативный класс – это своего рода «рабочая аристократия» творческих профессий, специалисты, крайне востребованные на рынке, чей вклад в обеспечение прибыльности предприятия значителен, что наделяет их определенной независимостью по отношению к нанимателю. Поскольку общепринятой точки зрения пока не сложилось, мы вправе принимать и «массовую» версию креативного класса Р. Флориды, и «элитарную» версию В. Иноземцева. Пока же будем исходить из того, что креативные работники могут быть заняты в разных сферах общественного производства, получать много или мало, но основной параметр, по которому человека относят к числу креативных работников – это не сфера его деятельности сама по себе или заработок, а его способность к осуществлению инноваций.

В нашей статье 2012 года [см.: 13], посвященной данной теме, был выдвинут ряд предположений об условиях, способствующих осуществлению страной инновационного развития, основным из которых предполагается подъем креативного класса. В данной же работе будет проведен критический анализ верности сделанных ранее выводов с учетом социальной практики прошедшего периода. Но сначала необходимо подробнее рассмотреть вопрос о соотношении понятий *творчества* и *креативности*, которые прежде рассматривались как синонимы, без проведения строгого различия.

1. Творчество с социально-философской точки зрения

Проблеме творчества посвятили свои размышления многие мыслители прошлого. При этом «первые философы и ученые древности умели объяснять феномен творчества через описание психосоматического состояния, которое сопровождает вдохновение» [16, с. 63]. Они «ассоциировали эту способность с гениальностью и рассматривали как фактор исключительности» [16, с. 61]. Со сменой исторических эпох менялось и представление о творчестве. Однако, пытаясь провести границы между творческим и нетворческим, большинство философов приходили к тому, что основой творческих способностей является свобода человеческой воли, некий изначальный творческий потенциал, сущностный для человеческого рода и заложенный в нас либо природой, либо Богом. «Творчество – это то, что связывается обычно со свободой, а нетворчество – то, что связывается с детерминизмом, со следованием каким-то законам» [12, с. 25]. Особенно ярко такое понимание творчества проявляется в работах отечественного философа Н. А. Бердяева.

В наши дни изучением творчества занимаются представители разных дисциплин, в первую очередь психологи. Также и философы пытаются делать философские обобщения наработок разных наук, хотя некоторые из них, как и в прежние века, помимо науки обращаются при объяснении этого феномена к

религии, мистике, художественным образам, бытовым знаниям. Социальная философия не должна оставаться в стороне от изучения проблематики творчества. Тем не менее, на настоящий момент собственно социально-философский аспект данного феномена остается в тени. Это выглядит парадоксально с учетом очевидной социальной значимости данной тематики. Она связана с популярными во многих странах декларациями о необходимости перехода к новой модели общественных отношений – обществу, основанному на знании, креативности, инновациях. Иначе говоря, максимальное развитие творчества, актуализация творческих способностей выступает теперь общественной необходимостью, предпосылкой успешного развития страны, ее экономической конкурентоспособности и даже исторической жизнеспособности.

В данной работе сознательно будет использован почти исключительно современный отечественный материал, а именно материалы первой Всероссийской научной конференции «Философия творчества», состоявшейся в 2015 году, а также его продолжений – второго (2016 года) и третьего (2017 года) выпусков ежегодного издания «Философия творчества». В них представлены воззрения на феномен творчества ведущих отечественных философов, занимающихся данной темой, так что это можно назвать репрезентативным срезом представлений о творчестве современного российского философского сообщества, а в некотором приближении и общества в целом.

В первом сборнике 2015 г. охвачен широкий спектр проблем – от логической составляющей творческой деятельности до прикладных методик анализа креативности, но социальная тематика оказалась на периферии внимания участников конференции. Работы, представленные во втором сборнике 2016 г., рассматривают, прежде всего, когнитивные и социокультурные параметры творческой деятельности человека, а основное внимание авторов сосредоточено на специфических проблемах творчества в таких предметных сферах, как философия, наука и литературно-художественное творчество. В центре внимания издания 2017 г. находятся процессы творчества в соотнесении с жизненным миром человека, его языком, наукой, культурой и повседневностью, а в разных статьях отражена специфика процессов смыслообразования в таких предметных сферах человеческой деятельности, как философия, наука и искусство. Как можно заметить из тематик представленных в сборниках работ, они рассматривают самые разные аспекты проблематики творчества, но вот социально-философский аспект затрагивается лишь, так сказать, по касательной. Тем не менее, некоторые из представленных в сборниках работ содержат ряд значимых с точки зрения социальной философии идей, которые стоит критически рассмотреть.

Начать стоит с вопроса о критериях различения творческого и нетворческого. Один из критериев, предлагаемых А. В. Смирновым, уже был представлен выше: творчество связывается со свободой, недетерминированностью. Это можно интерпретировать как противопоставление творческой деятельности, т. е. креации, созидания чего-то

нового, не имеющего прототипов, действиям алгоритмическим, совершаемым по неким шаблонам, репродукции уже кем-то созданного ранее. Этот критерий имеет смысл учитывать, но он обладает некоторым недостатком – двусмысленностью, которая приводит самого А. В. Смирнова к последующей неопределенности. С одной стороны, по его мнению, творческими являются практически все повседневные действия. Он приводит пример с речью, когда задается род чего-либо: «Чисто формальные, как обычно считают, операции, которые описываются самыми простыми формальными законами логики, требуют от нас творческого акта» [12, с. 28]. Так что каждый акт речи является творческим актом. То есть, обладая свободой воли, мы все на этом основании имеем отношение к творчеству. С другой стороны, подлинно творит только Творец-Бог, так как творит из ничего, а не перекомбинирует то, что уже есть. Получается, что данный критерий можно либо задать по максимуму, повысив планку так, что никто из людей не является творцом, либо по минимуму, занижив планку так, что каждый человек является творцом постоянно.

Для религиозной антропологии и метафизики это полезный подход, но для социальной философии он, очевидно, не годится. Если творчество «высшего» порядка доступно только для Бога, то для социальной философии этого уровня как предмета изучения в принципе не существует. А творчество «человеческого» уровня – слишком человеческое, так как доступно, по А. В. Смирнову, практически всем людям, причем постоянно, и не требует ни выдающихся способностей, ни специальных знаний, навыков и умений, ни особых социальных условий. Социальную же философию интересует такого рода творчество, которое доступно человеку в принципе, но которого в данном обществе может и не быть вовсе. Это позволит увидеть те институты, с помощью которых какое-то общество его подавляет, какое-то игнорирует, какое-то поощряет. Иначе говоря, задача состоит в том, чтобы разграничить разные категории людей, разные социальные практики, институты, типы культуры на творческие (или способствующие творчеству) и нетворческие (не способствующие творчеству).

Более полезными с социально-философской точки зрения представляются критерии, предлагаемые В. М. Розиним. «Продумывая представления о творчестве у разных авторов, я пришел к выводу, что они связывают творчество, во-первых, с личностью, но особой, получившей название “креативной” (а в наше время также с творческим коллективом), во-вторых, с открытием нового (новой реальности, закона, метода и прочее), в-третьих, с тем, что можно назвать изобретением (искусством, придумкой, хитростью человека), наконец, в-четвертых, с социальной оценкой. Последняя характеристика творчества очень любопытна: в зависимости от оценки общества сходные в плане творчества явления в одних случаях объявляются именно творчеством, а в других не творчеством, иногда даже игрой больного воображения» [10, с. 103].

Особенно интересен последний параметр, который говорит о том, что и в научном, и в бытовом дискурсе *творческое* – это в значительной мере конвенция, оценка с точки зрения определенного сообщества, культуры.

Отнесение чего-либо к творчеству или сумасшествию – это проявление власти или идеологической позиции. Это указание на значимость «социальной оценки» говорит нам о том, что, по большому счету, творческое определяется конвенцией, однако другие критерии позволяют избежать чистого субъективизма. Хотя нет жестких и строго квантифицируемых параметров творчества, имеются определенные маркеры, позволяющие обозначить некое явление как творческое, оставаясь при этом в рамках традиций словоупотребления и с приемлемой объективностью. Итак, творчеством занимаются не «все и всегда», а особые творческие люди, когда изобретают и создают, открывают нечто новое; причем кто здесь творческий человек, а кто – хулиган или сумасшедший решает общество, точнее сообщества, ведущие между собой борьбу за навязывание своих определений.

Дополнить картину нам помогает подход Ю. М. Резника, который предлагает разделение видов и субъектов деятельности по степени выраженности творческого начала. Но сначала стоит уточнить один момент. Давая свое определение творческой сущности человека, Ю. М. Резник говорит, в частности, о том, что «смысл творчества как альтернативно-возможного бытия состоит в бесконечном совершенствовании природы человека, обретении им целостности» [9, с. 192]. При этом «творчество есть глубинный экзистенциальный акт восхождения человека к своей бытийной целостности, реализуемый через его трансцендирование, т. е. обретение им трансперсонального состояния» [9, с. 192]. Очевидно, это определение более соответствует антропологическому (с религиозным уклоном), а не социально-философскому подходу, что стоит учесть при дальнейших рассуждениях.

Итак, по его мнению, «далеко не каждому человеку доступно творчество во всех измерениях, и не каждый может творить непрестанно. Творчество – это удел не избранных, а талантливых. Причем, это касается и других продвинутых людей – ученых, художников, артистов и пр. Увы, многие из них занимаются не творчеством в смысле трансформации собственного бытия, а имитацией творчества или, в лучшем случае, – инновационной деятельностью. Различие между ними состоит в том, что инновационные действия связаны с производством новых товаров и услуг, обладающих потребительскими свойствами, которые востребованы на рынке, а имитационные создают лишь видимость творческой активности и не дают реальных результатов. По степени выраженности творческих качеств субъекты обладают разным потенциалом: гении, одаренные люди, таланты, способные люди, исполнители, у которых встречаются отдельные элементы творчества, а также имитаторы, не лишенные творческих задатков» [9, с. 192–193]. Т. е. вместо бинарного разделения на творческое и нетворческое мы можем обнаружить более широкий спектр видов и субъектов деятельности – от творческих в «высоком» смысле духовного самотворчества до инновационных, т. е. творческих в том измерении, которое, собственно, нам и интересно – социально-экономическом.

Размышляя о субъектах творчества, нельзя не затронуть еще один дискуссионный вопрос, а именно – вопрос о коллективном творчестве. И здесь мы сталкиваемся с противоположными позициями, представленными

Ю. М. Резником и А. А. Ивиным. По мнению последнего, «мыслят не только индивиды, мыслят также общества и цивилизации. Коллективный разум – это мышление обширных, исторически устойчивых обществ и цивилизаций. Коллективное мышление составляет фундамент всей социальной жизни. Без результатов творчества коллективного разума общественная жизнь была бы невозможна» [5, с. 270]. А. А. Ивин приводит перечень ряда феноменов, являющихся, по его мнению, примерами проявлений коллективного творчества: «Естественные языки, интуитивная логика, мораль, основные социальные институты, идеология, религия, фольклор, деньги, рынок, государство, ключевые социальные идеалы и нормы и так далее до бесконечности – все это открыто не индивидуальным, а коллективным разумом, является результатом коллективного творчества» [5, с. 270]. Отсюда следует его трактовка роли личности как субъекта творчества: «Общество держится не на гениальных индивидах, открывающих грандиозные социальные идеи. Оно держится само по себе, опираясь, прежде всего, на собственное коллективное мышление. Что касается энтузиастических социальных идей, высказываемых особо одаренными индивидами и увлекающими за собой миллионы людей, то эти идеи чаще всего первоначально зарождаются в форме социальных мифов, порождаемых коллективным разумом. Индивиды лишь придают этим мифам отточенную форму» [5, с. 271]. Ю. М. Резник полностью отвергает подобное представление: «Творить может только отдельный человек, а не коллектив. Термин “творческий коллектив” выражает бессмыслицу или идеологему прежних времен. Творчество персонально или индивидуально. Никакого коллективного творчества в природе не существует, хотя возможно социальное творчество индивида» [9, с. 192].

Даже признавая наличие эмерджентных свойств у коллектива людей по отношению к простой совокупности индивидов, стоит заметить, что А. А. Ивин заходит слишком далеко в своей интерпретации роли коллективного разума и творчества. По сути, его тезис о «коллективном разуме общества» представляется мистификацией социальной реальности. Так что в данном конкретном случае стоит согласиться с индивидуалистической критикой (позиция Ю. М. Резника) холистической реификации социальной действительности (к чему ведет тезис А. А. Ивина). Тезис о «незначимости гениальных индивидов» представляется не только ложным, но и вредным с практической точки зрения. Из него можно сделать политический вывод, что государству лучше уничтожить всяких там гениев, поскольку они, как правило, амбициозны, активны и самостоятельны; лучше пусть вместо них открытиями занимаются анонимные «народные массы», чей коллективный разум и без гениев сделает по указанию партии все, что надо. Хотя СССР обвиняют в тоталитаризме, но при Советах никогда до такой крайности не доходили. Это было бы реальным воплощением антиутопии грубого коммунизма.

Тем не менее, полностью отвергнуть правомерность применения термина «коллективное творчество» представляется неверным. Коллективное творчество изучать надо, но исходя из каких-то других методологических позиций. Речь, в частности, идет о деятельности креативных сообществ –

творческих коллективов, занимающихся не «высоким» творчеством как духовным саморазвитием, а разнообразной инновационной деятельностью, когда итоговый инновационный продукт является результатом синергии творческих усилий коллектива.

Теперь перейдем к вопросу об условиях, способствующих развитию творчества. Е. Н. Шульга, ссылаясь на исследования современных психологов, указывает «на существование зависимости между способностью личности проявлять свои творческие наклонности и средой (климат, социальное окружение, отсутствие или наличие подавляющих личность факторов). При изучении этих факторов было выявлено, что благоприятные климатические условия могут обуславливать расцвет творчества, например, в сфере искусства, а неблагоприятные – сдерживать его, стимулировать деятельность преимущественно прикладного характера, направленную, в первую очередь, на выживание людей и в меньшей степени – на досуг и украшение быта» [16, с. 81]. При этом то, какие именно условия будут являться благоприятными факторами для активизации творческих способностей данного конкретного индивида по большей части зависит от его личных склонностей. То есть, иначе говоря, то, что способствует успешной творческой деятельности одного человека, не годится для другого.

Ю. М. Резник также указывает на значимость факторов среды, прежде всего социальной, которая распадается, по его мнению, на две конфликтующие между собой сферы – «систему» и «жизненный мир». Под системой подразумевается общество в узком смысле слова, т. е. совокупность институтов, обладающих способностью принудительного регулирования поведения людей. Не все социальные отношения являются «общественными», поскольку «“система” не является единственной формой социального бытия человека. С ней соотносятся другие способы организации его жизни, основанные преимущественно на добровольном членстве. Это – “сеть” и “ассоциация”, которые распространены в жизненном мире» [9, с. 200]. «Очевидно, что системный и жизненный миры суть взаимодополняющие стороны современного социума, между которыми происходит перманентная борьба за сферы влияния на человека» [9, с. 198]. При этом «творчеству в жизненном мире противостоит система как внешне обусловленный или заданный способ бытия человека. Системность... [есть] свойство системы, которое приводит к формальным ограничениям, унификации и регламентации любой человеческой деятельности, в т. ч. и творчества. Продуктом же системного “творчества” являются инновации (инновационная деятельность), предназначенные для продажи и продвижения новых продуктов и услуг в условиях рыночной экономики» [9, с. 198]. И далее Ю. М. Резник неоднократно и настойчиво проводит это различие между подлинным творчеством, возможным только в рамках жизненного мира, и псевдотворческой инновационной деятельностью, стимулируемой системой: «Творчество возможно только за пределами или на границе деятельности “системы”. Жизненный мир креативен, а “система” консервативна по своей сути. Последняя ограничивает творческие возможности человека, используя средства

институционального насилия и принуждения» [9, с. 202]. И далее: «“Система” инициирует инновации, а подлинное творчество подвластно только автономному человеку и исключительно в жизненном мире» [9, с. 203]. Наконец, подводя итог этим рассуждениям, он делает вывод: «Различие между системными инновациями и творчеством человека состоит также в следовании той или иной парадигме существования. Инновации характерны для *парадигмы развития*, где приемлемы лишь те результаты, которые соответствуют критериям эффективности деятельности... Подлинное творчество в жизненном мире соответствует *парадигме становления* и возможно только как *жизнетворчество*» [9, с. 204]. Таким образом, он признает за подлинное творчество только те его формы, которые не относятся к предмету социальной философии, а инновационную деятельность, которая собственно и интересует социальную философию, относит к второсортным, псевдотворческим видам деятельности.

Уровень развития жизненного мира любого социума, согласно Ю. М. Резнику, прямо пропорционален уровню либеральности его политической системы. Соответственно и творческий потенциал социума определяется степенью его либеральности, поскольку «в обществах с авторитарными режимами побеждает “системный” и “унитарный” человек, а в обществах либеральной демократии – “полифонический” человек. Унитарность характеризует моноидентичность человека и его категорическую и однозначную приверженность идеям целого. Полифоничность (множественная идентичность) не тождественна демократичности. Скорее наоборот, она дает дополнительные преимущества и свободы различным меньшинствам, уважение к которым объявляется священным требованием либеральной демократии» [9, с. 207–208]. По сути, это повторение популярных неолиберальных штампов о пользе толерантности, шизоидности и т. п. Так, например, по мнению К. Нордстрема и Й. Риддерстрале, для достижения рыночного успеха в условиях гибкого спроса современным корпорациям требуется максимальная изобретательность и инновационность. Такие качества фирмы достигаются за счет гетерогенности состава работников. Фирме требуется рост многообразия, порождающего конструктивное несогласие. Так что не стоит ожидать каких-либо инноваций в компаниях, в которых 90 % всех сотрудников одного пола, примерно одного возраста, с одинаковым образованием и обладают сходными взглядами и привычками [7, с. 133–137]. Особенно полезны инновационным фирмам, по их мнению, представители нетрадиционных сексуальных ориентаций, а вот приверженность каким-либо традиционным ценностям, ограничивающая безбрежную инновационность, напротив, крайне вредна.

Тезис Ю. М. Резника приводит его к определенным противоречиям. Во-первых, любая политическая система, даже самая либеральная – это все-таки именно *система*. А он сам признает, что «ни одна “система” не заинтересована в развитии творческой активности человека, так как это ограничивает ее эксплуатационные и манипулятивные возможности. Кроме того, “системе” нужны добросовестные и послушные (лояльные) исполнители. Поэтому она исключает из своих рядов аутентичных и независимых людей, имеющих

рефлексивно-критическое начало и развитое творческое воображение» [9, с. 199]. Так что непонятно, почему вдруг либеральная система должна, вопреки своим системным свойствам, порождать творческих людей, стремящихся к духовному саморазвитию и жизнетворчеству. Во-вторых, те неолиберальные авторы [1; 7], которые проповедуют индивидуализм, шизоидность и прочую поддержанную Ю. М. Резником полифонию и толерантность, обосновывают полезность данного типа культуры именно способностью ее провоцировать развитие креативного класса и производимых им инноваций. Также непонятно, на каком собственно основании либеральный режим воспринимается как благоприятный для жизненного мира, в отличие от политических режимов любого другого типа. Ю. Хабермас [см.: 15], когда говорит об угрозах для жизненного мира, указывает не только на государственный бюрократизм (как это делает Ю. М. Резник), но и на капиталистический рынок, который колонизирует жизненный мир путем монетаризации.

Умозрительно мы можем спорить об этом до бесконечности, но обращение к фактам не дает достаточных оснований для определенных выводов. Так, эпоха Александра I и Николая I отмечена творческими достижениями трех столь разных, но одинаково выдающихся в сферах своей деятельности персонажей, как А. С. Пушкин, Н. И. Лобачевский и Серафим Саровский. Едва ли кто-то возьмется объяснять их успехи особенностью самодержавного режима. Однако же сложно будет привести многочисленные примеры столь же выдающихся творцов эпохи расцвета российского либерализма 1990-х гг. Можно предположить, что творчество гениев мало зависит от среды, во всяком случае неизвестно, какие социальные институты способны его породить. Массовое потребление, характерное для развитых либеральных стран современности, является, видимо, не самой благоприятной предпосылкой для развития «высокого» творчества. Во всяком случае, не припоминается еще кто-либо, помимо Ю. М. Резника, кто указывал бы на подобное преимущество либеральных обществ. Обычно речь идет об их преимуществах в плане поощрения инновационной креативности, что также является спорным утверждением, но, по крайней мере на первый взгляд, выглядит более убедительным. Интенсивность же духовных поисков и жизнетворчества была выше, по всей видимости, в прошлые века, во вполне себе авторитарных странах, когда талантливые люди были реже вовлечены в популярные сейчас политические и экономические игры.

Вообще чрезмерный обличительный пафос в отношении общественной системы является следствием характерной для гуманитарной интеллигенции оторванности от жизни, порождающей специфический наивный максимализм. В реальности без функционирования этой самой системы наша цивилизованная жизнь была бы невозможной, и вместо дискуссий на философские темы мы занимались бы выживанием при помощи натурального хозяйства. О том, что происходит с обществами при разрушении «злодейской» бюрократической системы можно судить по репортажам из стран, подобных Сомали и книг жанра постапокалипсис. Следовательно, сама эта система является вовсе не

безусловно враждебной творчеству силой, а необходимой предпосылкой, тем, что обеспечивает минимально необходимые условия. Вместе с тем остается открытым вопрос, может ли и желает ли система какого-либо типа не только обеспечивать материальные условия для жизнедеятельности творческих людей, но и как-либо стимулировать развитие и реализацию творческого потенциала населения?

В свою очередь, сетевые сообщества и ассоциации, на которые возлагает надежды Ю. М. Резник, скорее всего, действительно способны выступать благоприятной средой для творчества, хотя далеко не все и не всегда. К тому же не всякое сетевое творчество стоит приветствовать. Скажем, террористические сети определенно поощряют творческий подход в реализации своих целей. Но в данном случае нам морально ближе «репрессивная система», карающая творческих «борцов за высокие идеалы».

Итак, что такое творчество и кто такие творческие люди с точки зрения социальной философии? Для социальной философии не требуется привлечения мистических концептов, связывающих гениальность с действием Божественного дара, даймона или музыки, равно как и примитивных материалистических интерпретаций, связывающих гениальность с генетическими особенностями. Поиск глубинных оснований гениальности, как и сама гениальность, т. е. нечто уникальное, не поддающееся планированию и активации по требованию, не относятся к предмету изучения социальной философии. Ее скорее интересуют одаренные и талантливые люди, обладающие развитой творческой и эвристической (а не только алгоритмической) операциональностью мышления, занимающиеся какой-то более-менее регулярной, систематической, полезной с точки зрения общества, профессиональной, по сути, творческой деятельностью. То есть в центре ее внимания находится не самотворчество (духовное саморазвитие) и не случайно-спонтанное любительское творчество «по случаю», а институционализированная профессиональная инновационная деятельность. Соответственно, с определенным допущением (в рамках социально-философского, а не философско-антропологического подхода) можно поставить знак равенства между творчеством и креативностью, а значит, творческими людьми и креативным классом. Также социальную философию интересует отношение к творчеству в обществах разных типов (по уровням развития производительных сил, политическим системам, религиям и идеологиям): какие виды творчества поощряются, допускаются, игнорируются, ограничиваются или запрещаются обществом и государством. Соответственно возникает вопрос, касающийся современной России: нужны ли нам творцы (или лучше готовить квалифицированных потребителей и дисциплинированных исполнителей), если да, то какие и как их производить? Поиск ответов на указанные вопросы требует дополнительных исследований.

2. Альтернативные модели инновационной политики

В нашей статье 2012 года приводились аргументы «за» и «против» поощрения развития в России собственного креативного класса. В частности,

говорилось о том, что «основному аргументу его сторонников о необходимости его развития для обеспечения прогресса общества может быть противопоставлен опыт XX века, свидетельствующий об огромных успехах модели “государства развития”. Так в СССР, Германии и США в периоды острых геополитических противостояний именно государственные проекты обеспечили мощный научно-технический рывок» [13, с. 95]. Также имеются многочисленные примеры того, как представители творческих профессий выступают в качестве социально-деструктивных элементов, подрывающих стабильность общества. И, тем не менее, был сделан вывод, что «развитие креативного класса необходимо, так как если нация не формирует собственный, национально ориентированный креативный класс, то она неизбежно становится объектом манипуляции извне. Но даже если креативный класс не является таковым, все равно лучше, если процессы сетевизации, практически неизбежные для любой страны, включают в себя процесс его формирования. Именно наличие на территории страны узловых центров пересечения сетей креативного класса, городов, где концентрируются его представители, позволяет нации извлекать некоторую пользу из увеличения сетевых потоков» [13, с. 95].

Встает вопрос, какой путь выбрать для осуществления инновационного развития, какого рода социальная система будет поощрять инновационную креативность и эффективно использовать ее результаты? Основными противоположными вариантами выступают неолиберальный и мобилизационный пути развития. Первый исходит из принципов «вашингтонского консенсуса» и предполагает опору на частную инициативу, предельное сужение вмешательства государства в инновационные процессы, вплоть до отказа от модели развивающего государства (государства развития). Мобилизационный путь развития подразумевает в своей крайней форме становление государства единственным субъектом, организующим и направляющим инновационное развитие путем предоставления плановых заданий научно-исследовательским и инженерно-конструкторским учреждениям. Более мягким вариантом мобилизационного подхода является модель бюрократического развивающего государства. Это можно также назвать третьим путем между либеральным и чисто этатистским мобилизационным подходами, находящимся, тем не менее, ближе ко второму. Сначала в Японии, затем в Южной Корее и, в последние десятилетия, в Китае бюрократическое развивающее государство [БРГ] сложилось благодаря плановикам из правительства, предоставившим ряд стимулов и субсидий некоторым фирмам для конкуренции на международных рынках. Бюрократическое развивающее государство «легко представить в виде скоординированной деятельности объединенной группы правительственных чиновников, которые часто работали под одной крышей» [2; 21].

Несколько лет тому назад автор настоящей статьи склонялся скорее к неолиберальному варианту инновационной политики, признавая наличие своих плюсов и минусов у всех вариантов. Основанием для этого выступал относительно удачный опыт развития высокотехнологического производства

США и относительно неудачные примеры Советского Союза, с его чисто мобилизационной моделью, вошедшего в последние годы своего существования в состояние глубокого застоя, а также японского бюрократического развивающего государства, переживающего последние 30 лет затяжную стагнацию. «Примеры СССР и Японии, при всех различиях между этими странами, показывают ограниченность эффективности модели государства развития. Причем со временем коэффициент полезного действия государственных органов в этом вопросе становится все ниже. По всей видимости, в СССР были достигнуты пределы дееспособности этатистской модели научно-технического и культурного развития. Попытки осуществления масштабных прорывных проектов современным российским государством заведомо обречены на провал, как вследствие общего кризиса модели государства развития, так и в силу частных причин – катастрофической коррумпированности и некомпетентности российской бюрократии» [13, с. 96].

В связи с чем делался вывод, что для современной России лучше подойдет неолиберальная модель: «Сейчас более вероятным успешным субъектом развития представляется не специальная государственная организация, а сетевые структуры креативного класса, наподобие тех, что сконцентрированы в Кремниевой долине в США. При этом государство, по сути, не в состоянии не только управлять деятельностью этих сетей, но и эффективно “производить” креативный класс. Для того чтобы сформировался человек с требуемыми качествами, государственные структуры мало годятся, и приказным порядком здесь ничего не добиться. Получается, что основной стратегией государства в этом вопросе остается следование принципу *laissez-faire*» [13, с. 96].

На фоне выглядящих крайне эффектными успехов ряда американских инновационных стартапов – яркого воплощения успешности идеи сетевых проектов креативного класса, такой поход казался тогда наиболее перспективным. Также убедительными выглядели прогнозы В. Иноземцева [6] о практически неизбежном торможении развития Китая и Кореи, неспособных перейти к траектории устойчивого и самоподдерживающегося инновационного развития, когда их экономический рост наткнется на потолок возможности копирования западных технологий.

С тех пор, однако, авторскую позицию пришлось скорректировать с учетом двух значимых обстоятельств. Первое из них – это более близкое знакомство с реальной, а не декларативной практикой осуществления инновационной политики в США. Оказалось, что не стоит принимать за чистую монету неолиберальные лозунги, которые используют американцы, – такой вариант они продвигают в других странах, но сами не спешат прибегать к неолиберальным рецептам полного отказа от проведения активной государственной инновационной политики. В США участие государства в развитии скрывается, что обусловлено господством идей рыночного фундаментализма. Однако они «все же имеют некую политику развития за рамками оборонного сектора и сектора национальной безопасности. Ее существование свидетельствует о невероятном динамизме складывающейся экономики знаний, которая способна идти против течения, олицетворяемого

враждебной политической философией» [2, с. 20]. Ф. Блок пишет о существовании в США модели скрытого сетевого развивающего государства [СРГ]. «Скрытым» оно является, поскольку его существование замаскировано от глаз наблюдателей из-за границы и собственной общественности. Сама же модель сетевого развивающего государства сосредоточена на содействии предприятиям в разработке продуктов и методов производства, которых еще не существует. Модель бюрократического развивающего государства для этого не подходит, поскольку она нацелена на догоняющее развитие, на подражание какому-либо признанному в мире лидеру, чью технологию нужно скопировать и улучшить.

Ф. Блок описывает сетевое развивающее государство следующим образом. «В отличие от исключительной опоры БРГ на стимулирование предприятий, СРГ обладает гораздо большей свободой действий; в нем представители государственного сектора тесно сотрудничают с частными предприятиями, выделяя и поддерживая наиболее перспективные направления для инноваций» [2, с. 21]. «Появление СРГ невозможно без сообщества людей, сведущих в технологиях. Для этого необходимы предшествующие инвестиции в высшее образование и производство научно-технических знаний. Опираясь на механизмы оценки и производства новых знаний, СРГ стремится сделать так, чтобы технологическое сообщество работало с большей отдачей над переводом научных исследований в реально существующие продукты. СРГ представляет собой ряд правительственных инициатив, призванных повысить производительность труда ученых и инженеров своей страны» [2, с. 22].

Второе обстоятельство, вынудившее скорректировать отношение к неолиберальной модели инновационной политики, – практика социально-экономического и научно-технического развития последних лет. «Прогрессивный инновационный стартапер» Илон Маск из воплощения идеала креативного инноватора постепенно становится воплощением образа авантюриста. Уход промышленного производства в Китай привел к тому, что и инженерная школа Китая начала во многом опережать американскую, переживающую катастрофический застой, несмотря на активное переманивание специалистов со всего мира. Китай демонстрирует успехи в опережающем развитии даже информационных технологий (например, 5G), которые еще недавно казались незыблемой монополией Америки. Российский Росатом успешно соревнуется с западными конкурентами на поле технологий мирного атома. США пока лидируют в производстве ряда высокотехнологичных продуктов, в частности, в гражданском авиастроении, но и здесь у них наблюдаются нарастающие проблемы. Европейские же участники во многих сферах высокотехнологической конкурентной гонки вообще не участвуют. Так, например, в европейских странах не получили распространения поисковые системы для интернета отечественного производства – в отличие от США, Китая и России.

Стоит привести еще один вариант критики либеральной модели, исходящий из лагеря сторонников демократического социализма. А. В. Бузгалин [см.: 3] предлагает марксистский взгляд на взаимоотношение

развития постиндустриального общества и творчества, подвергая критике взгляды В. Л. Иноземцева. По мнению А. В. Бузгалина, концепция постиндустриального общества действительно отражает некоторые значимые процессы социальных изменений, однако она не способна уловить кризисные моменты в развитии современных стран. Формирующаяся модель капиталистического постиндустриализма ведет общество в тупик, порождая факторы, тормозящие дальнейший прогресс. По его мнению, экспансия массовой культуры выступает субститутотом свободного гармоничного развития личности, а перепроизводство фиктивных благ – субститутотом развития креатосферы. Под влиянием рыночных факторов «в мире образовался и растет превратный (фиктивный) сектор – сфера, где не создаются ни утилитарные материальные, ни культурные ценности, где преимущественно производятся и воспроизводятся фиктивные блага, предназначение которых – обслуживание транзакций, трансформация одних превращенных форм в другие» [3, с. 30]. Таким образом, «ключевой проблемой прогресса человеческого сообщества... в XXI в. становится освобождение творческой деятельности от форм, которые ей навязываются в превратном секторе, выдавливание этого сектора и использование высвобождаемых ресурсов для прогресса креатосферы – мира культуры, общедоступной творческой деятельности и, соответственно, сфер, в которых создаются культурные ценности, идет процесс формирования, воспитания, обучения и развития человека как свободной, всесторонне развивающейся личности» [3, с. 31].

В. П. Рязанов согласен с А. В. Бузгалиным в том, что капиталистические отношения тормозят развитие креатосферы. Ее развитие «на собственной основе и с опорой на индивидуально-общественную форму собственности и нерыночную мотивацию труда сталкивается с системой капиталистического хозяйствования, которая доминирует в сфере материального производства» [11, с. 142]. Также он рассматривает аргументы А. В. Бузгалина и соглашается с ними в вопросе о необходимости обобществления интеллектуальной собственности, причем не в форме государственной собственности, как это было в СССР, а в форме «всеобщей собственности» или «собственности каждого на все». Еще один отечественный исследователь, М. Ю. Павлов, также поддерживает мнение о том, что индивидуально-частная собственность все больше становится тормозом развития – «та защита ИЧС [индивидуально-частной собственности], которая раньше для инноватора была полезной, сегодня ему вредит» [8, с. 146], – а соответственно и предложенный А. В. Бузгалиным вариант развития креатосферы через развитие собственности каждого на все.

Таким образом, обнаруживается еще один, пятый, пока еще потенциальный вариант проведения инновационной политики – через переход к общественной форме собственности. Вариант интересный, возможно перспективный, но пока еще мало опробованный. Можно привести примеры инновационных проектов, реализованных на чисто сетевой основе без использования капиталистических и бюрократических механизмов, например Linux, MySpace, «Геном человека» и др. Однако пока представляется

сомнительным, что на такой основе можно построить большую часть экономики, в том числе организовать осуществление инновационных проектов, связанных с реальным сектором экономики, например, создание и запуск в серию нового самолета. Представляется, что России не стоит ставить на себе подобные смелые эксперименты – лучше подождать, пока кто-нибудь другой проведет такой эксперимент на себе, и делать окончательный выбор после оценки его результатов.

Заключение

Итак, большинство философов [см.: 10] связывает творчество с личностью, наделенной особыми, «творческими» способностями, создающей, изобретающей нечто новое. При этом что именно, в конечном счете, будет признано творческим – определяется социальной оценкой, конвенцией. Творческие способности можно ранжировать по степени выраженности: наивысшими творческими качествами обладают гении, затем одаренные люди, таланты, способные люди, исполнители с отдельными элементами творчества [см.: 9]. При этом вместо бинарного разделения на творческое и нетворческое мы можем обнаружить более широкий спектр видов и субъектов деятельности – от творческих в «высоком» смысле духовного самотворчества до инновационных, т. е. творческих в узком социально-экономическом измерении. Соответственно подлинным, «высшим» творчеством стоит признать творчество, относимое к сфере философской антропологии – трансформацию собственного бытия в форме духовного самотворчества.

Социальную философию скорее интересуют одаренные и талантливые люди, систематически занимающиеся какой-то полезной с точки зрения общества, профессиональной творческой деятельностью. То есть в центре ее внимания находится не самотворчество (духовное саморазвитие) и не случайно-спонтанное любительское творчество, а институционализируемая профессиональная инновационная деятельность. *То есть креативность – это тот подвид творчества, которым занимаются представители креативного класса и который интересует социальную философию.* Инновационные действия креативного класса связаны с производством новых товаров и услуг, обладающих потребительскими свойствами, которые востребованы на рынке.

Существует зависимость между способностью личности проявлять свои творческие наклонности и средой, в первую очередь социальной. Однако то, какие именно условия будут являться благоприятными факторами для активизации творческих способностей данного конкретного индивида, по большей части зависит от его личных склонностей. Вместе с тем можно отметить некоторую общую закономерность. Традиционные общества в целом склонны ограничивать инновационную деятельность, отдавая предпочтение устоявшимся практикам, в отличие от современных обществ, ориентированных на поощрение инновационной активности. С другой стороны, для духовного самотворчества более благоприятны, видимо, условия традиционного общества, где потребности людей в проявлении своих творческих задатков не

мобилизуются рыночными силами или государством для достижения прагматических целей.

Государственная инновационная политика – это метод, которым государство пытается поощрять инновационную активность в стране. В статье рассмотрены пять альтернативных вариантов проведения государственной инновационной политики, которые можно ранжировать по степени усиления активной роли государства:

1) неолиберальная модель, которую можно назвать нулевым вариантом, поскольку роль государства в ней сводится к минимуму;

2) модель сетевого развивающего государства, где активная роль государства сочетается с инициативами частных корпораций и сетевых инновационных сообществ;

3) модель бюрократического развивающего государства – примерно то же, что и предыдущий вариант, но основные инициативы исходят от государства, а частные структуры выступают преимущественно в роли исполнителей;

4) этатистская модель, подразумевающая мобилизационный вариант развития, когда государство является единственным активным агентом инновационной политики;

5) наконец, имеется не опробованная пока на практике модель, основанная на принципах «всеобщей собственности». Пока не вполне ясно, каково место этой модели в силу ее слабой конкретной проработанности. Возможно, подразумевается анархический коммунизм, когда ни государство, ни частные корпорации не выступают агентами развития, и эту функцию берет на себя гражданская самоорганизация. Либо же подразумевается демократический социализм, где государство и частные корпорации все же выступают агентами развития, наряду с сетевыми некоммерческими инновационными структурами.

Сейчас, как и в 2012 году, автор продолжает считать, что мобилизационная модель развития не годится для современной России, поскольку несет с собой слишком много негативных побочных последствий и слабо соответствует вызовам информационной эпохи. С другой стороны, неолиберальную модель инновационной политики также стоит признать неудовлетворительной. По всей видимости, на настоящий момент наиболее конкурентоспособными моделями инновационной политики выступают модели бюрократического развивающего государства и сетевого развивающего государства. Обе они не лишены своих недостатков и, как представляется, конечная успешность их реализации зависит в первую очередь от конкретного воплощения в жизнь, в частности, от грамотности и заинтересованности реализующих их государственных специалистов. С точки зрения автора, для России сейчас все же лучше подходит модель сетевого развивающего государства. Проблемы современных США связаны не с ее недостатками, а с другим обстоятельством – деиндустриализацией вследствие выноса производства за рубеж. Когда в 1980-е годы представители американского правительства и научного сообщества (в частности Э. Тоффлер) ездили в Китай договариваться о развитии разделения труда между США и КНР, то они предполагали, что перенос промышленности в Китай сделает его американским сборочным цехом – не более того, а Америка

получит дополнительный импульс постиндустриального развития. Однако практика показывает, что успешное постиндустриальное развитие может быть лишь сверхиндустриализацией, а не деиндустриализацией, поскольку надежным базисом постиндустриального развития выступает развитый сектор промышленного производства.

Список литературы

1. Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. – СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. – 252 с.
2. Блок Ф. Против течения: возникновение скрытого развивающего государства в соединенных штатах // ПрогнозиΣ. – 2008. – № 3 (15). – С. 18–58.
3. Бузгалин А. В. «Постиндустриальное общество» – тупиковая ветвь социального развития? // Вопросы философии. – 2002. – № 5. – С. 26–43.
4. Ефименко Д. В. Концепция общества знания как теория социальных трансформаций: достижения и проблемы // Вопросы философии. – 2010. – № 1. – С. 49–61.
5. Ивин А. А. Коллективный разум и социальные образцы как продукт его творчества // Философия творчества 2015. Материалы Всероссийской научной конференции, 8–9 апреля 2015 г. Институт философии РАН, г. Москва / Под ред. Н. М. Смирновой, А. Ю. Алексеева. – М.: ИИнтелЛЛ, 2015. – С. 270–279.
6. Иноземцев В. Л. За пределами экономического общества. – М.: Academia – Наука, 1998. – 614 с.
7. Нордстрём К., Риддерстрале Й. Бизнес в стиле фанк. Капитал пляшет под дудку таланта. – СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. – 279 с.
8. Павлов М. Ю. Креативная экономика: как остановить утрату знаний // Социологические исследования. – 2018. – № 3. – С. 144–148.
9. Резник Ю. М. Творчество и его системные ограничения в жизненном мире человека (структурно-типологический анализ) // Философия творчества. Ежегодник. Выпуск 3. Творчество и жизненный мир человека / Ред.: Смирнова Н. М., Бескова И. А. – М.: ИИнтелЛЛ, 2017. – С. 188–210.
10. Розин В. М. Творчество как форма жизни личности и культуры // Философия творчества 2015. Материалы Всероссийской научной конференции, 8–9 апреля 2015 г. Институт философии РАН, г. Москва / Под ред. Н. М. Смирновой, А. Ю. Алексеева. – М.: ИИнтелЛЛ, 2015. – С. 103–114.
11. Рязанов В. Т. Креативный труд и собственность каждого на все: возможности и проблемы // Социологические исследования. – 2018. – № 3. – С. 138–143.
12. Смирнов А. В. Творчество и логика: к вопросу о концептуализации границ между творческим и нетворческим // Философия творчества 2015. Материалы Всероссийской научной конференции, 8–9 апреля 2015 г. Институт философии РАН, г. Москва / Под ред. Н. М. Смирновой, А. Ю. Алексеева. – М.: ИИнтелЛЛ, 2015. – С. 25–30.

13. Трубицын О. К. Формирование креативного класса и закат «государства развития» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2012. – № 2 (18). – С. 92–98.

14. Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые создают будущее. – М.: ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2016. – 384 с.

15. Хабермас Ю. Политические работы. – М.: Праксис, 2005. – 368 с.

16. Шульга Е. Н. Философия креативности: важнейшие вехи изучения творчества // Философия творчества. Ежегодник. Выпуск 2: Когнитивные и социокультурные измерения / Ред. Смирнова Н. М., Майданов А. С. – М.: ИИнтеЛЛ, 2016. – С. 59–85.

References

1. Bard A., Soderqvist J. Netocracy: The New Power Elite and Life After Capitalism [*Netokratiya. Novaya pravayaschaya elita i zhizn posle kapitalizma*]. Saint Petersburg, Stokgolmskaya shkola ekonomiki v Sankt-Peterburge, 2004, 252 p.

2. Blok F. Against the Tide: The Emergence of a Hidden Developmental State in the United States [Protiv techeniya: vzniknovenie skrytogo razvivayushego gosudarstva v soedinennykh shtatakh]. *Prognosis* (PrognosiΣ), 2008, № 3 (15), pp. 18–58.

3. Buzgalin A. V. “Post-Industrial Society” – a Dead-End Branch of Social Development? [“Postindustrialnoe obschestvo” – tupikovaya vetv sotsialnogo razvitiya?]. *Voprosy filosofii* (Problems of Philosophy), 2002, № 5, pp. 26–43.

4. Efimenko D. V. The Concept of Knowledge Society as a Theory of Social Transformations: Achievements and Problems [Kontseptsiya obschestva znaniya kak teoriya sotsialnykh transformatsiy: dostizheniya i problemy]. *Voprosy filosofii* (Problems of Philosophy), 2010, № 1, pp. 49–61.

5. Ivin A. A. Collective Intelligence and Social Patterns as a Product of His Creativity [Kollektivnyy razum i sotsialnye obraztsy kak produkt ego tvorchestva]. *Filosofiya tvorchestva 2015. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, 8–9 aprelya 2015 g., Institut filosofii RAN, g. Moskva* (Philosophy of Creativity 2015. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference, 8–9 April 2015, Institute of Philosophy of RAS, Moscow). Moscow, IInteLL, 2015, pp. 270–279.

6. Inozemcev V. L. Outside the Economic Society [*Za predelami ekonomicheskogo obschestva*]. Moscow, Academia – Nauka, 1998, 614 p.

7. Nordström K., Ridderstråle J. Funky Business: Talent Makes Capital Dance [*Biznes v stile fank. Kapital plyashet pod dudku talanta*]. Saint Petersburg, Stokgolmskaya shkola ekonomiki v Sankt-Peterburge, 2005, 279 p.

8. Pavlov M. Yu. Creative Economy: How to Stop the Loss of Knowledge [Kreativnaya ekonomika: kak ostanovit utratu znaniy] *Sotsiologicheskie issledovaniya* (Sociological Research), 2018, № 3, pp. 144–148.

9. Reznik Yu. M. Creativity and Its System Limitations in the Human Life World (Structural and Typological Analysis) [Tvorchestvo i ego sistemnye ogranicheniya v zhiznennom mire cheloveka (strukturno-tipologicheskiy analiz)]. *Filosofiya tvorchestva. Ezhegodnik. Vypusk 3: Tvorchestvo i zhiznenny mir*

(Philosophy of Creativity. Yearbook. Issue 3: Human Creativity and Life). Moscow, IInteLL, 2017, pp. 188–210.

10. Rozin V. M. Creativity as a Form of Life of Personality and Culture [Tvorchestvo kak forma zhizni lichnosti i kultury]. *Filosofiya tvorchestva 2015. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, 8–9 aprelya 2015 g., Institut filosofii RAN, g. Moskva* (Philosophy of Creativity 2015. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference, 8–9 April 2015, Institute of Philosophy of RAS, Moscow). Moscow, IInteLL, 2015, pp. 103–114.

11. Ryazanov V. T. Creative Work and Everyone's Ownership of Everything: Opportunities and Problems [Kreativnyy trud i sobstvennost kazhdogo na vse: vozmozhnosti i problem]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* (Sociological Research), 2018, № 3, pp. 138–143.

12. Smirnov A. V. Creativity and Logic: To the Question of Conceptualization of the Boundaries between Creative and Non-Creative [Tvorchestvo i logika: k voprosu o kontseptualizatsii granits mezhdu tvorcheskim i netvorcheskim]. *Filosofiya tvorchestva 2015. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, 8–9 aprelya 2015 g., Institut filosofii RAN, g. Moskva* (Philosophy of Creativity 2015. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference, 8–9 April 2015, Institute of Philosophy of RAS, Moscow). Moscow, IInteLL, 2015, pp. 25–30.

13. Trubicyn O. K. Formation of the Creative Class and the Decline of the “State of Development” [Formirovanie kreativnogo klassa i zakat “gosudarstva razvitiy”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* (Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science), 2012, № 2 (18), pp. 92–98.

14. Florida R. The Rise of the Creative Class. Revisited [*Kreativnyy klass. Lyudi, kotorye sozdayut budushee*]. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber, 2016, 384 p.

15. Habermas J. Political Works [*Politicheskie raboty*]. Moscow, Praksis, 2005, 368 p.

16. Shulga E. N. Philosophy of Creativity: The Most Important Milestones in the Study of Creativity [Filosofiya kreativnosti: vazhneyshie vekhi izucheniya tvorchestva]. *Filosofiya tvorchestva. Ezhegodnik. Vypusk 2: Kognitivnye i sotsiokulturnye izmereniya* (Philosophy of Creativity. Yearbook. Issue 2: Cognitive and Sociocultural Dimensions). Moscow, IInteLL, 2016, pp. 59–85.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 316.324.8

Место в истории и характерные черты постиндустриального, информационного общества^{*1}

Исаев Борис Акимович – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра истории и философии, профессор, доктор социологических наук, профессор, Санкт-Петербург, Россия.

Email: isaevboris@yandex.ru

190000 Россия, Санкт-Петербург, Большая Морская ул., д. 67,
тел.: 8(812)708-42-05.

Аннотация: Место постиндустриального, или информационного, общества в человеческой истории определили такие авторитетные исследователи, как З. Бжезинский, М. Дюверже, Д. Белл, Р. Инглхарт, Д. Нейсбит, А. Турен, Э. Тоффлер и др. К его основным чертам относятся переход от экономики товаров к экономике услуг; рост роли знаний, компетентности, которые становятся инструментами власти; деперсонализация экономической и персонификация политической власти; падение роли идеологии; возрастание интереса к непосредственному участию широких масс в политике и принятии решений, к проведению досуга в условиях рационализированной повседневной работы; повышение интереса людей к совершенствованию, овладению другими специальностями, к качеству жизни, а не только к обыкновенному материальному благополучию.

Результаты: В XXI в. постиндустриальное общество все больше приобретает черты информационного общества, к которым относятся: массовое производство все более совершенных персональных компьютеров, бурное развитие IT технологий, глобализация на этой основе экономики, культуры и человеческой деятельности, создание социальных сетей, электронных правительств, электронных партий и общественных движений, появление новых субкультур, интенсификация потоков переселенцев и туристов. Информационное общество по сравнению с индустриальным станет более информированным, гуманным, демократичным и комфортным, но несет в себе угрозы дезинформации и усиления контроля за населением.

* © Б. А. Исаев, 2019.

¹ Статья написана на основе главы 10.4 «Основные отличительные черты постиндустриального, информационного общества» // Исаев Б. А. Политическая история. Демократия: учебник для академического бакалавриата. – М.: Издательский дом Юрайт, 2017. – С. 422–441.

Выводы: Современное информационное общество прошло в своем становлении ряд этапов и представляет собой сообщество наиболее развитых держав, к которому постепенно присоединяются развивающиеся страны.

Ключевые слова: постиндустриальное, информационное общество; место в истории постиндустриального общества; характеристики постиндустриального, информационного общества.

Post-Industrial, Information Society and Its Place in Human History

Isaev Boris Akimovich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of History and Philosophy, Professor, Doctor of Sociology, Saint Petersburg, Russia.

Email: isaevboris@yandex.ru

Bolshaya Morskaya st., 67, Saint Petersburg, 190000 Russia,
tel.: 8 (812) 708-42-05.

Abstract

Background: Many well-known researchers such as Z. Brzezinski, M. Duverger, D. Bell, R. Inglehart, D. Naysbit, A. Turen, E. Toffler et al. have determined the place of post-industrial, or information society in human history. Its main characteristics include the transition from the economy of goods to the economy of services; the key role of knowledge, competence, which become tools of power; depersonification of economic and personification of political power; the decline of ideology; increased interest in the direct participation of the masses in politics and decision-making, in leisure activities; increasing people's interest in improving, mastering other qualifications, in the quality of life, but not ordinary material well-being.

Results: In the XXI century post-industrial society is gradually transforming into information society. The main characteristics of the latter include: mass production of personal computers, the rapid development of IT technologies, globalization of the economy, culture and human activity on this basis, the creation of social networks, e-governments, e-parties and social movements, the emergence of new subcultures, the intensification of flows of immigrants and tourists. In contrast, information society is to become more informed, humane, democratic and affluent, but it carries the threat of misinformation and increased control over the population.

Conclusion: Modern information society has passed a number of stages and is a community of the most developed powers, to which developing countries are gradually joining.

Keywords: post-industrial, information society; place in the history of post-industrial society; characteristics of post-industrial, information society.

Все страны мира, безусловно, испытывают влияние изменяющейся внешней среды. Кроме того, внутренние изменения, происходящие в каждой стране, накапливаясь в экономических, социальных, политических, культурных

структурах, в конце концов вызывают значительные сдвиги во всех сферах, меняя качественное состояние всего общества. Отсюда следует, что на смену индустриальному обществу неизбежно должно было прийти какое-либо новое экономическое, культурное и политическое состояние социума.

Новое качественное состояние и новые характеристики общества социальные философы, социологи, другие обществоведы начали фиксировать уже в 1960-х гг. Одним из первых опубликовал свое исследование на эту тему Збигнев Бжезинский. В работе «Между двумя эрами: роль Америки в технотронную эру» (1970) [см.: 2] он утверждал, что человечество прошло в своем развитии две эры (аграрную и индустриальную) и входит в третью эру – **технотронную** (то есть технонаправленную – Б. И.). Технотронным он назвал «общество, формирующееся в своих культурных, психологических, социальных и экономических аспектах под воздействием технологии и электроники, особенно в области компьютерной техники и коммуникаций». [2, р. 8]. Технотронное общество, по мнению Бжезинского, приобретает следующие характеристики:

- промышленность товаров уступает место экономике услуг;
- растет роль знаний, компетентности, которые становятся инструментами власти;
- поэтому тому, кто хочет «быть на плаву» в таком обществе, необходима учеба и самообразование в течение всей жизни;
- жизнь широких слоев в таком обществе скучна (днем рационализированное производство, вечером – телевизор), отсюда – важная роль проведения досуга: развитие шоу-бизнеса, индустрии игр и развлечений, спорта, туризма и т. д.;
- существенно возрастает роль университетов, научных центров, которые непосредственно определяют изменения и направляют всю жизнь общества;
- падает роль идеологии при возрастании интереса к общечеловеческим ценностям;
- повышается роль телевидения, которое вовлекает в общественную и политическую жизнь широкие массы, ранее пассивные;
- становится актуальной участие широких слоев в принятии социально важных решений;
- экономическая власть деперсонифицируется; на ведущие позиции на производстве выходят менеджеры (менеджер – не владелец, а наемный управленец), а предприятия теперь принадлежат тем, кто владеет акциями;
- повышается интерес к качеству жизни, а не только к обыкновенному материальному благополучию.

Главным фактором социально-политических изменений, ведущих в постиндустриальное, информационное общество, Бжезинский считал научно-технический и экономический прогресс, который он называет технотронным прогрессом. В этом смысле он продолжил традицию движения технократов, зародившегося еще в 1920–1930 гг. в США. Лидеры этого движения – Говард Скотт и Гарольд Лэб полагали, что общественное производство может регулироваться на принципах научно-технической рациональности, носителями

которых должны выступать организованные в национальном масштабе профессиональные сообщества ученых, экономистов, инженеров, педагогов, архитекторов, экологов, врачей. В 1940-х гг. идеи Лэба и Скотта развивал Джеймс Бёрнхем. В монографии «Революция менеджеров» (1941) [3] он утверждал технократию, то есть власть управляющих производством, как социально-политическую силу, способную не только обеспечить устойчивое индустриальное развитие, но и создать качественно новую политическую систему постиндустриального общества.

В этом же ключе технократического развития постиндустриального общества рассуждал французский правовед и политолог Морис Дюверже, который ввел понятие *«технодемократия»*. Технократии, как правления только рационалистически мыслящей элиты, по Дюверже, не существует, однако после доминирования либеральной демократии (1870–1914) и ее кризиса (1918–1939) возникла новая форма политической организации общества и государства, которая включила в себя технократические элементы в сочетании с уцелевшими элементами либеральной демократии (политические свободы, плюралистическая идеология, гуманистические культурные традиции) и с новой олигархией в лице собственников производства, людей из техноструктуры корпораций и правительственных чиновников. При этом собственники производства (капиталисты) и люди техноструктуры (менеджеры-технократы) стремятся не только управлять своими корпорациями, но и через государственные структуры участвовать в управлении страной, определять перспективы ее развития. Вместе с государственными чиновниками они участвуют в долгосрочном планировании и принятии важных политико-экономических решений. Из этих трех групп управленцев (капиталисты-собственники, менеджеры-технократы и государственные менеджеры) и образуется *управляющая (экономическая) техноструктура*. Другая структура технодемократии – *политическая техноструктура* – образуется в процессе сотрудничества министров, лидеров партий, руководителей профсоюзов и групп давления, высших государственных чиновников, ведущих экспертов в процессе подготовки важных государственных решений. В результате деятельности экономической и политической техноструктур, их взаимодействия и, в какой-то мере, срастания образуется технодемократическая организация общества, которую Дюверже уподобил двуликому Янусу – божеству древних римлян. Работа Дюверже о технодемократии так и называется «Янус. Два лица Запада» (1972) [см.: 4].

И все же большинство исследователей того времени называют эру, следующую за индустриальной, постиндустриальной, а социум, соответствующий этой эре – постиндустриальным обществом.

Одним из пионеров концепции постиндустриального общества, получившей обоснование в книге «Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования» (1973) стал американский исследователь Даниел Белл. Он противопоставил понятие «постиндустриальное общество» понятиям «доиндустриальное» и «индустриальное» общество. Если доиндустриальное общество являлось в основном *добывающим* и базировалось

на сельском хозяйстве, добыче полезных ископаемых, рыболовстве, заготовке леса и других ресурсов, вплоть до природного газа или нефти, а индустриальное общество носит, прежде всего, *производящий* характер, используя энергию и машинную технологию для производства товаров, то постиндустриальное общество является *обрабатывающим*, здесь обмен информацией и знаниями происходит в основном при помощи телекоммуникации и компьютеров [см.: 5, С. СL].

Белл полагал, что в 1970-х гг. современное индустриальное общество вследствие бурного развития науки и технологий (именно они выступают основными движущими силами) вступило в новую стадию – стадию *постиндустриального общества*. Это общество, по сравнению с индустриальным, приобрело *новые признаки*, а именно.

1. *Центральная роль теоретического знания*. Каждое общество всегда опиралось на знания, но только в наши дни систематизация результатов теоретических исследований и материаловедения становятся основой технологических инноваций. Это заметно, прежде всего, в новых, наукоемких отраслях промышленности – производстве компьютеров, электронной, оптической техники, полимеров – производстве, ознаменовавшем своим развитием последнюю треть XX столетия.

2. *Создание новой интеллектуальной технологии*. Новые математические и экономические методы, такие, как компьютерное нелинейное программирование, цепи Маркова, стохастические процессы и т. п. служат технологической основой моделирования, имитации и других инструментов системного анализа и теории решений, позволяющих находить более эффективные, «рациональные» подходы к экономическим, техническим и даже социальным проблемам.

3. *Рост класса носителей знания*. Наиболее быстро растущая группа общества – класс технических специалистов и профессионалов. В Соединенных Штатах эта группа вместе с менеджерами составляла в 1975 г. 25 % рабочей силы – 8 млн. человек. К 2000 г., утверждал Белл, класс технических специалистов и профессионалов будет самой многочисленной социальной группой. Так на самом деле и произошло.

4. *Переход от производства товаров к производству услуг*. В 1970-х гг. уже 65 % работавших в США было занято в сфере услуг и эта цифра продолжала расти. Сфера услуг существовала и в доиндустриальном, и в индустриальном обществах, но в постиндустриальном обществе появились новые виды услуг, прежде всего услуги в гуманитарной области (в здравоохранении, образовании и социальном обеспечении), а также услуги технических специалистов и профессионалов (например, при проведении исследований и оценок, работе с компьютерами, осуществлении системного анализа). В настоящее время соотношение сфер экономики США таково: сельскохозяйственная сфера – 1 %, промышленная – 21 %, сфера услуг – 78 % ВВП [см.: 6].

5. *Изменения в характере труда*. Если в доиндустриальном обществе жизнь представляла собой взаимодействие человека с природой, когда люди,

объединяясь в малые группы, тяжким трудом добывали себе пропитание и полностью зависели от капризов внешней среды; если в индустриальном обществе труд представлял собой уже взаимодействие человека с преобразованной природой, когда в процессе производства товаров люди становятся придатками машин, то в постиндустриальном обществе труд является, прежде всего, взаимодействием между людьми (между чиновником и посетителем, врачом и пациентом, учителем и учащимися, между членами исследовательских групп, сотрудниками контор или работниками бригад обслуживания). Тем самым из процесса труда и повседневной практики исключаются природа, искусственно созданные предметы, а остаются лишь люди, которые учатся взаимодействовать друг с другом. В истории человеческого общества это совершенно новая, не имеющая аналогов ситуация.

6. *Роль женщин.* В индустриальном обществе трудились в основном мужчины. Постиндустриальное общество (например, услуги в гуманитарной сфере) предоставляет широкие возможности занятости для женщин. Женщины впервые получили надежную основу для достижения экономической независимости.

7. *Наука достигает своего зрелого состояния.* Возникшее в XVII в., то есть еще в доиндустриальном обществе, научное сообщество являлось уникальным социальным институтом. В отличие от других харизматических сообществ (религиозных групп, мессианских политических движений) оно не «рутинизирует» свои убеждения и не возводит их в ранг официальных догм. В постиндустриальном обществе значительно укрепилась связь науки и технологий; наука во многом определяет социальные потребности.

8. *Ситусы как политические единицы.* В предыдущем состоянии общества главную роль играли классы и страты, то есть горизонтальные единицы общества, вступающие друг с другом в отношения превосходства-подчинения. В постиндустриальном обществе, по Беллу, более важными узлами политических связей стали ситусы (от лат. situ – положение, позиция), или вертикально расположенные социальные единицы. Состояние постиндустриального общества и его политику определяет не классовая борьба, а соперничество между ситусами.

9. *Меритократия* (от лат. meritos – польза). В постиндустриальном обществе человек может занять свое положение не столько по праву наследования или собственности (как в доиндустриальном и индустриальном обществе), сколько вследствие образования и квалификации, на основе личных достижений и пользы, приносимой обществу.

10. *Конец ограниченности благ.* Большинство социалистических и утопических теорий приписывало все болезни общества дефициту товаров и конкуренции людей за недостающие блага. В постиндустриальном обществе, считает Белл, исчезнет дефицит благ, будет только дефицит информации и времени.

11. *Экономическая теория информации.* В индустриальном обществе при производстве индивидуальных товаров предпочтение должно отдаваться конкурентной системе, в противном случае предприятия теряют активность или

становятся монополистами. В постиндустриальном обществе появилась возможность оптимально инвестировать в знание, производство которого носит коллективный характер – возможность, позволяющая более широко распространять и использовать его. Постиндустриальное общество – это общество знания [см.: 5].

Подчеркнем, что, согласно Беллу, изменения и усовершенствования в идеальных структурах (в знаниях, представлениях людей о новых технологиях) влекут за собой изменение социальной структуры общества. В схематичном виде Белл рисует такую социально-политическую структуру постиндустриального общества.

Социальная структура общества.

I. *Статусные группы: ось стратификации основывается на знании (горизонтальные структуры):*

А. Класс профессионалов – четыре сословия:

1. Научное;
2. Технологическое (прикладные типы знания: инженерные, экономические, медицинские);
3. Административное;
4. Культурологическое (художественная и религиозная деятельность);

Б. Техники и полупрофессионалы;

В. Служащие и торговые работники;

Г. Ремесленники и полуквалифицированные рабочие («синие воротнички»).

II. *Ситусные группы: сферы приложения профессиональной деятельности (вертикальные структуры):*

А. Экономические предприятия и коммерческие фирмы;

Б. Правительство (юридическая и административная бюрократия);

В. Университеты и научно-исследовательские институты;

Г. Социальная сфера (больницы, службы быта и т. д.);

Д. Военные.

III. *Контролирующая система или политическая организация общества:*

А. Высший эшелон власти:

1. Аппарат президента;

2. Лидеры законодательной власти;

3. Руководители бюрократии;

4. Высшее военное руководство;

Б. Политические группы – социальные объединения и группы давления:

1. Партии;

2. Элиты (научная, академическая, деловая, военная);

3. Мобилизованные группы:

а) функциональные группы (деловые, профессиональные, группы, выделяемые на основе специфики труда);

б) этнические группы;

в) узконаправленные группы:

– функциональные (мэры городов, бедняки и т.д.);

– группы носителей специфических интересов (молодежь, женщины, и т. д.) [5, с. 501].

Белл подчеркнул, что «новая социальная система, в отличие от того, что утверждает К. Маркс, не всегда зарождается в недрах старой, но в ряде случаев вне ее. Основу феодального общества составляли дворяне, землевладельцы, военные и священнослужители, чье богатство было связано с собственностью на землю. Буржуазное общество, зародившееся в XIII веке, сложилось из ремесленников, купцов и свободных профессионалов, чья собственность состоит в их квалификации или их готовности идти на риск... оно зародилось вне феодальной землевладельческой структуры, в свободных общинах или городах, которые к тому времени уже освободились от вассальной зависимости. И эти маленькие самоуправляющиеся общины стали основой европейского торгового и индустриального общества. Такой же процесс происходит в настоящее время. Корни постиндустриального общества лежат в беспрецедентном влиянии науки на производство... Исходя из этого можно сказать, что научное сословие – его форма и содержание – является монадой, содержащей в себе прообраз будущего общества» [5, с. 504–505].

Согласно Беллу, социальная структура постиндустриального общества по сравнению с индустриальным не упростится, а еще более усложнится. Если теоретики-утописты, мечтавшие о всеобщем социальном равенстве, видели прогресс в искусственном выравнивании социальных статусов разных социальных групп, то реалии постиндустриального общества не только усложнили, но и продолжают усложнять его социальную структуру. Эта тенденция вытекает из процесса бурного развития знания и образования, постоянного усложнения и всё возрастающего разнообразия человеческой деятельности, разделения труда, умножения специальностей и специализаций.

Борьба традиционных классов из экономической сферы переместилась в политическую. Именно здесь продолжается перераспределение произведенного продукта и группы специфических и этнических интересов (бедные и черные) стремятся путем получения помощи от правительства восполнить свой невысокий статус в экономической сфере.

Второе важное изменение в социальной структуре постиндустриального общества заключается в формировании кроме *статусных*, то есть горизонтальных, еще и *ситусных*, или вертикальных структур. Из-за этого разброса представителей каждой социальной группы по разным ситусным группам вероятность чистого корпоративного сознания, способного к яркому политическому выходу (например, лоббированию своих классовых интересов) имеет тенденцию к уменьшению.

Все это *демократизирует* общество. Положение человека в нем больше определяет не капитал, а его знания, умения и качество той пользы, которую он приносит людям. Изменится, по мнению Белла, само существо общества, которое следует называть не капиталистическим, в котором власть принадлежит владельцам средств производства, а *меритократическим*, в котором властью обладают люди, приносящие не личную, а общественную пользу, работающие не для получения собственной прибыли, а для умножения

общественного богатства. В этом смысле, то есть в смысле распределения и перераспределения власти, понятие «меритократия» сближается у Белла с понятием «демократия».

Развитие общества, по мнению Белла, определяет взаимодействие трех его основных сфер: технико-экономической, политической и культурной. Основные изменения происходят, прежде всего, в технико-экономической сфере. Но эта сфера сама испытывает сильное влияние развивающейся науки, знания, а уже затем оказывает воздействие на политику и культуру [см.: 5, с. CXLIV].

Переход к постиндустриальному обществу, по мнению Белла, уже начался, и его черты достаточно отчетливо просматривались в Америке 1970-х годов. Другие развитые страны также движутся в направлении постиндустриализма. Кроме США в конце XX в. постиндустриальными должны стать Западная Европа, Япония и СССР.

Другие авторы при разработке концепции постиндустриального общества делают упор на аксиологическом аспекте. По их мнению, главный *сдвиг происходит в изменении ценностей*, на которые ориентируются люди постиндустриального общества. Кеннет Кенистон, например, утверждает, что значительная масса молодежи современных развитых стран стремится к «поиску мира, расположенного по ту сторону материализма, к отказу от карьеризма и стяжательства» [7, с. 128].

Вообще философы и политические культурологи, говоря об обществе, следующим за индустриальным, предпочитают рассуждать в категориях «модерн» – «постмодерн» или «материалистическое общество» и «постматериалистическое общество».

«Модернизация, – утверждает Рональд Инглхарт, – не финальный этап истории. Становление передового индустриального общества ведет еще к одному совершенно особому сдвигу в базовых ценностях – когда уменьшается значение характерной для индустриального общества инструментальной рациональности. Преобладающими становятся ценности постмодерна, неся с собой ряд разнообразных социетальных перемен, от равноправия женщин до демократических политических институтов (выделено мной – Б. И.) и упадка государственно-социалистических режимов» [8, с. 6–23].

Сдвиг обществ *к ценностям постмодерна* – не случайный поворот истории или излом политического развития. Этот сдвиг, с точки зрения Инглхарта, соизмерим с переходом человечества от аграрного общества к индустриальному, когда изменялось мироотношение, сформированное неподвижно-устойчивой аграрной экономикой, опиравшейся на религиозный характер жизни, традиции, наследуемый статус, обязательства перед общиной. Модернистское мироотношение несло с собой светский образ жизни, социальную мобильность, стимулирование инноваций, индивидуализм. В настоящее время, по Инглхарту, постиндустриальные общества изменяют свои социально-политические траектории в двух кардинальных отношениях.

1. *В отношении системы ценностей.* С принятием модернистских, материалистических, индустриальных ценностей экономический рост стал

приравниваться к прогрессу, то есть к главному критерию преуспевания общества. Но в настоящее время это все более ставится под сомнение, а место критерия преуспевания занимает акцентирование качества жизни. Такие нормы индустриализма, как дисциплина, самоотвержение, достижения в обществе уступают место нормам постиндустриализма: широкой свободе, выбору жизненного стиля, круга общения, индивидуальному самовыражению.

2. *В отношении институциональной структуры.* Постиндустриальные, постмодернистские ценности изменяют социальные отношения внутри индустриальных, иерархических, бюрократизированных организаций, служивших опорой индустриализму. Меняются и государство, и политические партии, и сборочные линии массового конвейера, и структура промышленных корпораций и торговых фирм. Все они подошли как к пределам своей эффективности, так и к пределам их массового притяжения.

Основным содержанием ценностно-структурного сдвига, утверждает Инглхарт, является ***переход от материалистических ценностей к ценностям постматериальным.*** С переориентацией на ценности постматериализма заметные изменения происходят в политической системе и политической культуре, а именно:

– падает уважение к власти и политическим авторитетам как выразителям отживающих ценностей, как символам уходящей эпохи;

– усиливается акцент на политическое участие и на переход от участия через политические партии к более автономным и индивидуальным его видам, как например, обмен мнениями через Интернет вместо дебатов в партийных клубах, организация протестных акций через Интернет вместо участия в акциях, организованных партиями и профсоюзами, индивидуальное голосование через Интернет вместо участия во всеобщем голосовании на избирательных участках;

– целью политического участия становится не достижение материального достатка и безопасного существования, а самовыражение, демонстрация собственного стиля жизни, отличного от стиля, навязываемого массовой культурой;

– усиливается тяга индивидов к самовыражению, которое проявляется во всем облике, манере поведения людей, постматериальных ценностях, характере общения, в отношении к людям, ориентированным преимущественно на материальные ценности;

– политические конфликты носят все менее классовый характер и фокусируются вокруг проблем культуры и качества жизни.

Эти изменения способствуют:

– в обществах с авторитарной политической культурой – демократизации, но в обстановке слишком быстрых перемен и неуверенности в завтрашнем дне – также и вспышкам ксенофобии;

– в демократических обществах – развитию демократической культуры по пути большей партиципаторности и ориентированности на конкретные проблемы.

Ядром теории постматериалистической культуры Инглхарта является концепция межгенерационной (межпоколенной) перемены ценностей, согласно которой человечество будет переходить от современных индустриальных и материалистических ценностей к ценностям постматериалистическим постепенно, от поколения к поколению.

Весьма интересным является и сравнительный анализ Инглхарта модернизации и постмодернизации. Он полагает, что в эпоху постиндустриализма процесс модернизации сменился процессом **постмодернизации**. Эти процессы различаются по четырем важным моментам.

1. Социальные преобразования в процессе постмодернизации теряют линейный и поступательный характер, то есть не следуют одному направлению и постоянному приращению вплоть до конца истории. Напротив, рано или поздно они достигают поворотной точки. В последние десятилетия они идут в совершенно новом направлении.

2. Предыдущие варианты теории модернизации носили детерминистский характер: марксизм делал упор на экономический детерминизм, а теория Вебера склонялась к детерминизму культурному. С точки зрения теории постмодернизации, взаимосвязи между экономикой, с одной стороны, и культурой и политикой – с другой, носят взаимодополняющий характер, как это происходит между различными системами биологического организма. Бессмысленна постановка вопроса о том, что определяет деятельность человеческого организма: мускульная система, система кровообращения, нервная система или система дыхательных путей; каждая из них играет свою, жизненно важную роль. Аналогичным образом политические системы, равно как и экономические, требуют поддержки со стороны культурной системы, в противном случае им пришлось бы опираться на откровенное принуждение. И напротив, культурная система, несовместимая с экономикой, вряд ли окажется жизнеспособной. Если все указанные системы не будут поддерживать друг друга на взаимной основе, им грозит отмирание.

3. Сторонники постмодернизации не согласны с теми, кто приравнивает модернизацию к вестернизации. В какой-то исторический момент модернизация действительно была чисто западным явлением, однако сегодня вполне очевидно, что этот процесс обрел глобальный характер и что в определенном смысле его возглавили страны Восточной Азии. Отсюда вытекает предложение сторонников постмодернизации модифицировать тезис Вебера о роли протестантской этики в экономическом развитии.² Вебер правильно понял роль протестантизма, принесшего, в отличие от других религий, сдерживавших экономическое развитие, рационализм и холодную расчетливость в ходе модернизации Европы. Однако рационализмом и холодной расчетливостью для развития экономики, как выяснилось, могут овладеть и представители других религий. А индустриализация, начавшаяся на Западе, сегодня представляется как один из вариантов модернизации.

² Речь идет о работе М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма».

4. Демократия отнюдь не является феноменом, имманентно присущим фазе модернизации, как считают сторонники этой теории. Возможны и альтернативные последствия, причем наиболее ярким их примером служит фашизм и коммунизм. Однако демократия действительно становится все более вероятным явлением по мере перехода от стадии модернизации к постмодернизации. На этой второй стадии осуществляется совершенно особый комплекс преобразований, которые до такой степени повышают вероятность утверждения демократии, что, в конечном счете, приходится «дорого платить за то, чтобы ее избежать».

Постмодернизация предусматривает отказ от акцента на экономическую эффективность, бюрократические структуры власти и научный рационализм, которые были характерны для модернизации, и знаменует переход к более гуманному обществу, где самодеятельности, многообразию и самовыражению личности предоставляется больший простор [10, с. 267–269].

Постмодернизация предоставляет каждому члену общества делать собственный нравственный, социальный и политический выбор и в то же время требует от государственных институтов и общественных структур создавать реальные возможности этого выбора. Таким образом, постмодернизация, как и индустриальная модернизация, создает новые массовые политические и социальные институты, но, в отличие от индустриальной модернизации, дает возможность не только массового участия в политическом процессе, но и *индивидуального выбора стиля поведения, круга общения, новых постматериальных ценностей*, новых партий и иных организаций, ставящих новые проблемы.

К концу XX в. все больше авторов, исследуя черты постиндустриализма, делают упор на такой его характеристике, как все возрастающая роль информации. Многие из них прямо называют следующее за индустриальным обществом **информационным**.

Так, например, Джон Нейсбит обнаружил следующие главные изменения или *мегатренды* современного постиндустриального и информационного общества:

– мы перешли *от индустриального общества к обществу, в основе которого лежит производство и распределение информации;*

– мы движемся в сторону дуализма «технический прогресс (high tech) – душевный комфорт (high touch)», когда каждая новая технология сопровождается компенсаторной гуманитарной реакцией;

– нам более не доступна роскошь работы в пределах изолированной, самодостаточной национальной экономической системы; необходимо признать, что мы являемся составной частью мировой экономики;

– мы из общества, управляемого сиюминутными соображениями и стимулами, превращаемся в общество, ориентированное на гораздо более долгосрочные перспективы;

– в городах и штатах, в небольших организациях и подразделениях мы снова открыли способность действовать новаторски и получать результаты – снизу-верх;

– во всех аспектах нашей жизни мы переходим от надежд на помощь учреждений и организаций к надеждам на собственные силы;

– мы обнаруживаем, что формы представительной демократии в эпоху мгновенно распространяющейся информации устарели и их необходимо дополнить формами демократии участия;

– мы перестаем зависеть от иерархических структур и делаем выбор в пользу неформальных сетей. Это особенно важно для предпринимательской среды;

– увеличивается число американцев, живущих на Юге и на Западе, покинувших для этого старые промышленные центры Севера;

– из общества, скованного жесткими рамками выбора «или – или», мы быстро превращаемся в свободное общество с многовариантным поведением [см.: 11, с. 8–9].

Демократия участия и расчет в большей мере на собственные силы, чем на помощь государственных организаций, многовариантность поведения, так же, как и опора на постматериальные ценности, создает возможности не только массового участия в политике, но и индивидуального выбора политических союзников и политических программ, политических лидеров и политических партий.

Французский исследователь Ален Турен назвал общество, следующее за индустриальным, *коммуникационным или программированным обществом*, ибо оно в результате бурного развития науки и технологий получает возможность использовать сложные системы информации и *коммуникации*, а также обладает значительно большей *степенью мобилизованности*, чем индустриальное общество. В индустриальном обществе индивиды были вовлечены в управляемые системы коллективной организации почти только в сфере занятости, хотя иногда и – в гораздо меньшей мере – в связи с жилищем. Для постиндустриального, программированного общества характерно то, что оно внедряет большие централизованные системы управления в самые различные области общественной жизни, в том числе в информационную, образовательную, научно-исследовательскую сферы, даже в области потребления и здравоохранения. Централизация решений и управления этими и другими сферами позволяют создавать долгосрочные программы, программировать развитие всех сфер общества. Новое общество будет обществом программируемых коммуникаций, однако оно не уменьшает, а, наоборот, существенно увеличивает возможности выбора, ибо программированное общество ничего общего не имеет с обществом унификации и концентрации принятия решений, с обществом политического и идеологического контроля. Программированные общества заставляют людей, товары и идеи циркулировать в гораздо большей мере, чем это делали предыдущие общества. В политической сфере постиндустриальное программированное общество, как выразился Турен, «позволяет и поощряет большую взаимозависимость между механизмами господства». Если в индустриальном обществе основой протеста и, следовательно, политического процесса была идея справедливости, то в индустриальном, программированном

обществе такой основой станет идея счастья, то есть «всеохватывающее понятие социальной жизни, основанной на учете потребностей индивидов и групп в обществе». Следовательно, и политическая арена в программированном обществе связана уже не с рабочим движением, как в индустриальном обществе, а с актором, владеющим многими ролями, с «актером», с конкретным человеком. Это не снижает, а даже повышает конфликтогенность программированного общества, но одновременно повышает его устойчивость. Как выразился Турен, «пламя может вспыхнуть в любом месте, но обществу меньше, чем прежде угрожает огромный пожар» [12].

Мануэль Кастельс определяющую черту постиндустриального, информационного общества видит в наличии сетей. **Сетевая структура общества** представляет собой комплекс взаимосвязанных узлов, к которым относятся рынки ценных бумаг и обслуживающие их вспомогательные учреждения, когда речь идет о сети глобальных финансовых потоков, советы министров различных европейских государств, когда речь идет о политической сетевой структуре, поля коки и мака, подпольные лаборатории, тайные аэродромы, уличные торговцы наркотиками и финансовые учреждения, занимающиеся отмыванием денег, когда речь идет о производстве и распространении наркотиков, телеканалы, студии, журналистские бригады, технические телевизионные средства, когда речь идет о глобальной сети новых средств информации, составляющей основу для выражения культурных форм и общественного мнения в информационный век.

Сети, как полагает Кастельс, оказались институтами, способствующими развитию целого ряда областей, а именно:

- капиталистической экономики, основывающейся на инновациях, глобализации и децентрализованной концентрации;
- сферы труда с ее работниками и фирмами, основывающейся на гибкости и адаптируемости;
- сферы культуры, характеризующейся постоянным расчленением и воссоединением различных элементов;
- сферы политики, ориентированной на мгновенное усвоение новых ценностей и общественных умонастроений;
- социальной организации, поставившей своей задачей «завоевание пространства и уничтожение времени».

Одновременно становление сетевого общества выступает в качестве источника далеко идущей перестройки отношений власти. Подсоединенные к сетям «рубильники» (например, когда речь идет о переходе под контроль финансовых структур той или иной империи средств информации, влияющей на политические процессы) выступают в качестве орудий осуществления власти, доступных лишь избранным. Кто управляет таким рубильником, тот и обладает властью [см.: 13, с. 494–505].

В 1980 году Элвин Тоффлер издал свою очередную книгу «Третья волна». Он рассуждал, как Белл и Бжезинский, в духе «пришествия третьей эры» (первая волна – аграрная, вторая – индустриальная, третья волна – постиндустриальная).

Черты будущей постиндустриальной цивилизации, по его мнению, уже в наше время достаточно хорошо просматриваются и заключаются в:

– переходе общества к новой более широкой энергетической базе, использовании разнообразных источников энергии (энергии водорода, солнца, приливов и отливов, геотермальных вод, биомассы, молнии, новых форм ядерной энергии и др.);

– переходе к новой, более дифференцированной технологической базе, включающей менее громоздкие и экологически безопасные технологии, созданные с использованием результатов развития биологии, генетики, электроники, материаловедения, глубоководных исследований и открытий в космосе;

– переходе к новому информационному и компьютеризованному обществу;

– росте значения информации, которая приобретет большую ценность, чем когда-либо, и перестроит систему образования и научных исследований, реорганизует СМИ;

– исчезновении культурного доминирования нескольких СМИ; в постиндустриальной цивилизации будут преобладать интерактивные, демассифицированные средства, обеспечивающие максимальное разнообразие и даже персональные информационные запросы;

– будущее телевидение даст начало «индевидио» – вещанию в узком диапазоне, передающем образы, адресованные одному человеку; появятся и другие, новые средства передачи информации от индивида к индивиду;

– заводы и фабрики постиндустриальной цивилизации будут мало похожи на предприятия индустриального общества; их основной функцией будет практически безотходное высокотехнологичное производство целостного продукта на заказ, а не производство массовой продукции; управлять таким производством будут не рабочие и инженеры, а сами потребители, находящиеся на большом расстоянии;

– уменьшении монотонности труда, исчезновении конвейеров, снижении уровня шумности; работники будут приходить и уходить в удобное для них время, многие будут выполнять свою работу на дому; они станут более независимы и самостоятельны в своих решениях;

– уменьшении потока бумаг, пересылаемых из кабинета в кабинет; главным станет процесс совместного принятия решений;

– замене дешевыми средствами коммуникации дорогостоящего транспорта;

– центром цивилизации станет не офис, и даже не университет, а дом, семья, в которой любой ее член может получить любую профессиональную, образовательную или развлекательную информацию;

– основании новой системы распределения власти, в которой нация как таковая утратит свое значение, зато гораздо большее значение приобретут другие институты: от транснациональных корпораций до местных органов власти;

– появлении новых религиозных течений, новых научных теорий, новых видов искусства, обладающих большим разнообразием, чем в обществе индустриальной эпохи;

– достижении обществом более высокого уровня разнообразия;

– возникновении нового понимания человеком природы [см.: 14, с. 559–568].

В постиндустриальном обществе, по Тоффлеру, *инновации в технике и вызванные ими изменения* достигнут таких темпов, что за ними не будет поспевать биологическая природа человека. Люди не приспособившиеся, не успевающие за прогрессом, остаются на обочине этого процесса, как бы выпадают из общества, а поэтому противостоят, мстят ему, испытывают страх, шок от будущего. Отсюда такие социальные явления как вандализм, мистицизм, апатия, наркомания, насилие, агрессия. Выход из такого положения Тоффлер видит в изменении мышления, переходе к новым формам социальной жизни. Новые формы социальной жизни придут, по его мнению, после перехода к производству детей по заданным физическим и интеллектуальным характеристикам. Тогда изменятся такие социальные структуры, как семья, брак, такие понятия, как «материнство», «секс». Изменятся социальные роли мужчины и женщины. Появятся новые формы социальной жизни, такие как групповые браки и коммуны.

Несмотря на появившийся пессимизм в отношении выживания постиндустриального общества в ухудшающейся экологии, возможностей его развития и приспособления к нему человека, большинство исследователей постиндустриализма предпочитает придерживаться оптимистического тона. Так, бурно развивающиеся компьютерные и телекоммуникационные технологии навели Эдуарда Корниша на мысль о грядущем *киберобществе*. Кибернетическое общество Корниша имеет черты, весьма напоминающие постиндустриальное, информационное, технотронное общество, описанное его коллегами и лишённое алармистских настроений, а именно:

– в ближайшие десятилетия компьютерная сеть и сеть телекоммуникаций вообще существенно расширятся, что окажет важное влияние на жизнь человечества;

– компьютеры возьмут на себя большинство наших ментальных функций, подобно тому, как машины в прошлом взяли на себя большую часть тяжелой физической работы; новая техника поможет человечеству решить многие проблемы, которые раньше ставили его в тупик;

– информационные технологии, созданные в развитых странах, быстро распространяются по всему миру; компьютеры входят в миллионы домов каждый год; в тех странах, где развитие информационных технологий еще не достигло таких высот, как в развитых государствах, их рост в процентном отношении будет еще больше;

– информационные технологии будут принимать все более портативные и миниатюрные формы; недалеко то время, когда человек сможет носить в своем кармане эквивалент сотен современных суперкомпьютеров;

– новые информационные технологии будут приспособлены к специфическим потребностям людей, их индивидуальным вкусам; телефон, телевизор и компьютер могут быть объединены в одном приборе;

– старые изобретения в области информационных технологий не будут вытеснены своими более современными соперниками и даже преуспеют; кино, телевидение и компьютер – каждый в свое время – угрожали книге уничтожением, но книгоиздатели по сей день издают и продают книги, в том числе книги о кино, телевидении и компьютерах.

Эти новации в технике и технологиях вызовут колоссальные изменения в культурной, экономической, социальной и политической сферах, а именно:

– человеческая деятельность будет глобализирована за счет дешевых коммуникаций, фантастически сокращающих расстояния и устраняющих барьеры между людьми; люди, живущие за тысячи миль друг от друга, уже сегодня имеют возможность работать вместе, делать покупки на расстоянии, невзирая на государственные границы;

– глобализация экономики означает, что металлический болт, сделанный в Малайзии, должен точно соответствовать гайке, произведенной в Таиланде, чтобы соединить отдельные части, изготовленные в Южной Африке и Чили; глобализация экономики будет все более усиливаться в соответствии с требованиями глобального рынка;

– глобализация культуры приведет к уменьшению роли локальных культур; сегодня существует несколько тысяч языков, и в течение XXI в. исчезнут 90 % из них; глобальные компьютерные сети и телекоммуникации превратят английский в доминирующий международный язык; людям, если они захотят выйти в своей деятельности за национальные рамки, придется выражать свои мысли на английском, который, в конце концов, может стать родным для большинства населения Земли;

– вместе с тем появятся новые культуры и новые языки; речь идет о технических, научных, производственных, спортивных и т. д. сообществах, формирующих свой жаргон и свои обычаи;

– информационные технологии освободят людей от необходимости селиться поблизости от работы, что увеличит поток переселенцев в сельскую местность, ближе к природе и интересной культурной среде;

– большое количество времени, проводимое человеком у телевизора и компьютера, приводят к отвыканию от социального общения, распаду социальных и родственных связей, что ведет к его ожесточению, учащению случаев асоциального поведения;

– информационные технологии значительно расширяют возможности интерактивного обучения, обогащают методологию преподавания, дают возможность значительно расширить число образовательных программ;

– развитие информационных технологий будет ограничивать контроль над киберпространством политических систем и государств, ибо люди, не прибегая к их помощи, смогут напрямую общаться друг с другом;

– компьютерные сети предоставят исчерпывающую информацию о законодательстве, управлении, политике государства, кандидатах от

политических партий и самих партиях, об организации выборов, итогах голосования и т. д.; уже сегодня решается проблема создания так называемого электронного правительства [см.: 15, с. 88–97];

– компьютеры окажут помощь в проведении самих выборов;

– информационные технологии сделают многие страны более открытыми: уже сегодня диссиденты и борцы за права человека используют Интернет и электронные средства связи для разоблачения нарушений конституций и законов;

– но информационные технологии уже сегодня используются для дезинформации граждан как правительствами, так и их политическими противниками, в том числе и террористами; в этом случае главная задача граждан будет заключаться в том, чтобы уметь отличить правду от лжи;

– уже сегодня телекоммуникационная аппаратура и компьютеры создают условия для усиления контроля за населением; важно, чтобы средства такого контроля использовались правительствами для общественно необходимых целей и не нарушали права человека [см.: 16, с. 191–206].

Не все черты постиндустриального, информационного общества носят однозначно позитивный характер. Как и сам постиндустриализм, представляющий весьма противоречивое, непоследовательное и неоднозначное явление, его социально-политическая система также противоречива и неоднозначна. Но само движение человеческого общества от индустриализма к постиндустриализму, к новому качественному состоянию экономики и культуры, политического процесса, информационной сферы, к новым ценностям, безусловно, является общим результатом развития цивилизации, носит объективный и необратимый характер.

Постиндустриальное, информационное общество занимает свое место в истории человеческого общества, следуя за индустриальным. Современное информационное общество прошло в своем развитии сельскохозяйственную и индустриальную эры и представляет собой сообщество наиболее развитых держав, к которому постепенно присоединяются развивающиеся страны.

Литература

1. Исаев Б. А. Политическая история. Демократия: учебник для академического бакалавриата. – М.: Юрайт, 2017. – 476 с.
2. Brzezinski Z. Between Two Ages: America's Role in the Technetronic Era. – New York.: The Viking Press, 1970. – 355 p.
3. Burnham J. The Managerial Revolution. – New York: Day, 1941. – 285 p.
4. История политических и правовых учений / Под общ. ред. В. С. Нерсесянца. – М.: Норма, 1999. – 727 с.
5. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Академия, 1999. – 783 с.
6. Сектора и отрасли экономики США в 2018–2019 гг. // Как уехать за границу в самостоятельное путешествие или на ПМЖ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://visasam.ru/emigration/economy/razvitie-ekonomiki-ssha.html> (дата обращения 31.05.2019).

7. Keniston K. *Youth and Dissent: The Rise of a New Opposition*. – New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1971. – 403 p.
8. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // *Полис*. – 1997. – № 4. – С. 6–23.
9. Вебер М. *Протестантская этика и дух капитализма*. – М.: РОССПЭН, 2006. – 648 с.
10. Инглегарт Р. Модернизация и постмодернизация // *Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология* / Под редакцией В. Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. 261–291.
11. Нейсбит Д. *Мегатренды*. – М.: Издательство АСТ; Ермак, 2003. – 380 с.
12. Турен А. От обмена к коммуникации: рождение программированного общества // *Новая технократическая волна на Западе* / сост. и вст. статья П. С. Гуревича. – М.: Прогресс, 1986. – С. 410–430.
13. Исаев Б. А. Понятие и типология политических режимов // *Социально-гуманитарные знания*. – 2009. – № 3. – С. 88–97.
14. Корниш Э. *Кибербудущее* // *Впереди XXI век: Перспективы, прогнозы, футурологи. Антология современной классической прогностики. 1952–1999* / ред.-сост. и авт. предисл. акад. И. В. Бестужев-Лада. – М.: Academia, 2000. – С. 191–206.
15. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // *Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология* / Под редакцией В. Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. 494–505.
16. Тоффлер Э. *Третья волна*. – М.: Издательство АСТ, 1999. – 784 с.

References

1. Isaev B. A. *Political History. Democracy* [*Politicheskaya istoriya. Demokratiya*]. Moscow, Yurayt, 2017, 476 p.
2. Brzezinski Z. *Between Two Ages: America's Role in the Technetronic Era*. New York, The Viking Press, 1970, 355 p.
3. Burnham J. *The Managerial Revolution*. New York, Day, 1941, 285 p.
4. Nersesyants V. S. (Ed.) *History of Political and Legal Studies* [*Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy*]. Moscow, Norma, 1999, 727 p.
5. Bell D. *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting* [*Gryadushee postindustrialnoe obschestvo. Opyt sotsialnogo prognozirovaniya*]. Moscow, Akademiya, 1999, 783 p.
6. Sectors and Branches of the US Economy in 2018–2019 years [*Sektora i otrasli ekonomiki SShA v 2018–2019 gg.*]. Available at: <https://visasam.ru/emigration/economy/razvitie-ekonomiki-ssha.html> (accessed 31 May 2019).
7. Keniston K. *Youth and Dissent: The Rise of a New Opposition*. New York, Harcourt Brace Jovanovich, 1971, 403 p.
8. Inglehart R. *Postmodern: Changing Values and Changing Societies* [*Postmodern: menyayuschiesya tsennosti i izmenyayuschiesya obschestva*]. *Polis* (Polis. Political Studies), 1997, № 4, pp. 6–23.

9. Weber M. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism [*Protestantskaya etika i dukh kapitalizma*]. Moscow, ROSSPEN, 2006, 648 p.
10. Inglehart R. Modernization and Postmodernization [Modernizatsiya i postmodernizatsiya]. *Novaya postindustrialnaya volna na Zapade. Antologiya* (New Post-Industrial Wave in the West. Anthology). Moscow, Academia, 1999, pp. 261–291.
11. Naisbitt J. Megatrends [*Megatrendy*]. Moscow, Izdatelstvo AST; Ermak, 2003, 380 p.
12. Touraine A. From Exchange to Communication: The Birth of Programming Society [Ot obmena k kommunikatsii: rozhdenie programmirovannogo obschestva]. *Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade* (New Technocratic Wave in the West). Moscow, Progress, 1986, pp. 410–430.
13. Isaev B. A. The Concept and Typology of Political Regimes [Ponyatie i tipologiya politicheskikh rezhimov]. *Sotsialno-gumanitarnye znaniya* (Social and Humanitarian Knowledge), 2009, № 3, pp. 88–97.
14. Cornish E. The Cyber Future [Kiberbuduschee]. *Vpered i XXI vek: Perspektivy, prognozy, futurologi. Antologiya sovremennoy klassicheskoy prognostiki. 1952–1999* (Ahead of XXI Century: Prospects, Forecasts Futurologists. Anthology of Contemporary Classical Prognostication). Moscow, Academia, 2000, pp. 191–206.
15. Castells M. The Formation of a Society of Network Structures [Stanovlenie obschestva setevykh struktur]. *Novaya postindustrialnaya volna na Zapade. Antologiya* (New Post-Industrial Wave in the West. Anthology). Moscow, Academia, 1999, pp. 494–505.
16. Toffler A. *The Third Wave*. Moscow, Izdatelstvo AST, 1999, 784 p.

УДК 316:654:321.7

Многоликая демократия*

Плющ Александр Николаевич – Институт социальной и политической психологии Национальной Академии педагогических наук Украины, лаборатория методологии психосоциальных и политико-психологических исследований, ведущий научный сотрудник, доктор психологических наук, Киев, Украина.

Email: plyushch11@mail.ru

04070, Украина, г. Киев, ул. Андреевская 15,

тел.: +38 (044) 425-24-08.

Авторское резюме

Состояние вопроса: В современном мире многие страны заявляют о своей приверженности демократии и демократическим ценностям. При этом интерпретации природы демократии не только существенно разнятся, но и могут противоречить одна другой. Понимание демократии не является на сегодня очевидным, что вызывает кризис использования этого понятия в политологических исследованиях.

Задача исследования: Исходя из многообразия существующих взглядов, в статье проводится анализ содержания понятия «демократия» и возможных способов интерпретации этого понятия.

Методология: Использован синергетический подход, в рамках которого общество одновременно рассматривается как социальный организм, система взаимодействующих субъектов и текст коллективного автора, (ре)конструируемый на основе имеющегося у него социокультурного проекта. В рамках этого подхода понимание демократии включает в себя характеристики институционального дизайна общества; правила, принципы, ценности, на которых базируется функционирование политической системы; проект будущего общественного устройства, принятый всеми субъектами общества.

Результаты: Рассмотрение общества как текста, у которого есть коллективный автор с собственным проектом, приводит к расширенному пониманию демократии. Она представляет собой не только характеристику общества, но и способ организации его коллективного автора, а также инструмент совершенствования проекта общества. Из такого понимания демократии вытекает ряд важных следствий. Демократия не является моделью идеального устройства общества, востребованной во всех ситуациях. У этого понятия всегда существует конкретный автор, функционирующий в определенных исторических условиях и находящийся на определенной стадии развития. В условиях изменяющегося мира демократия рассматривается как незавершенный проект, как постоянно обновляемый текст. При этом следование демократии предполагает наличие в культуре субъектов

* © А. Н. Плющ, 2019.

метакультурной позиции, позволяющей интегрировать тексты всех субъектов в метатекст.

Выводы: От демократии как проекта индивидуальных субъектов общества можно перейти к демократии как к проекту коллективных субъектов, имеющих практический опыт построения демократии, придерживающихся соответствующих принципов при взаимодействии с другими коллективными субъектами и опирающихся на метакультурную позицию, присутствующую в их культуре. Переход к демократии – не самоцель, а путь формирования сообщества, создающего необходимые условия для жизнедеятельности людей, уровень зрелости которых позволяет им быть соавторами проектов коллективных субъектов, в свою очередь, конструирующих общество демократии.

Ключевые слова: демократия; синергетический подход; общество; текст; коллективный автор; социокультурный проект; метакультурная позиция.

Many-Sided Democracy

Plyusch Alexander Nikolaevich – Institute of Social and Political Psychology of the National Academy of Pedagogical Sciences of Ukraine, Laboratory for the Methodology of Psychosocial and Political-Psychological Research, Leading Researcher, Doctor of Psychology, Kiev, Ukraine.

Email: plyushch11@mail.ru
15 Andreevskaya str., Kiev, 04070, Ukraine,
tel.: +38 (044) 425-24-08.

Abstract

Background: In the modern world, many countries demonstrate their commitment to democracy and democratic values. At the same time, the interpretations of the democracy nature are not only very different, but can also contradict one another. Understanding of democracy is not obvious today, which causes a crisis of using this concept in political science studies.

Research aim: Due to the diversity of existing views, the article analyzes the content of the “democracy” concept and possible ways to interpret it.

Methodology: A synergistic approach has been used, within which society is simultaneously viewed as a social organism, a system of interacting subjects, a (re)constructed text of a collective author based on their socio-cultural project. Within this approach, an understanding of democracy includes the characteristics of the society institutional design; rules, principles, values on which the functioning of the political system is based; a project of the future social order, accepted by all subjects of society.

Results: Considering society as a text, which has a collective author with their own project, leads to an expanded understanding of democracy. It is not only a characteristic of society, but also a way of organizing its collective author, and a tool for improving the society project. There are several implications of this understanding. Democracy is not a model of the ideal structure of society in all

situations. The concept of “democracy” always has a concrete author who functions under certain historical conditions and is at a certain stage of development. In a changing world, democracy is viewed as an incomplete project, as a constantly updated text. At the same time, the commitment to democracy presupposes the existence in the subjects’ culture a metacultural position, which allows for integrating the texts of all subjects into the metatext.

Conclusion: From democracy as a project of individual subjects of society, you can pass to democracy as a project of collective subjects with practical experience in improving democracy, adhering to relevant principles when interacting with other collective subjects and relying on the metacultural position present in their culture. The transition towards democracy is not an end in itself, but a way of developing a community that creates the necessary conditions for the people’ activity, their maturity level allowing them to be co-authors of projects of collective subjects, in turn, constructing democratic society.

Keywords: democracy; synergistic approach; society; text; collective author; socio-cultural project; metacultural position.

Постановка проблемы

Жизнь, как всегда, вносит коррективы в теоретические конструкции. Вроде бы все было ясно с торжеством «демократии», обозначился «конец истории», и для всех обществ наметилась столбовая дорога, транзит к «демократическим» преобразованиям, который был вопросом времени. Вместе с тем на сегодня не существует эталонной демократии как состоявшегося общества, осуществившегося проекта. В постиндустриальном мире десятки новых демократий никак не могут окончательно укорениться, а многие устоявшиеся «демократические» общества переживают серьезные трансформации, и результаты этих трансформаций пока никто не берется предсказать [см.: 2; 9].

В современном мире термин «демократия», безусловно, имеет позитивную коннотацию. Чтобы считаться полноправным участником современного глобального сообщества, государство должно обладать демократическим статусом, поскольку демократия является единственной политически приемлемой глобальной идеологией [см.: 20]. Подавляющее большинство стран заявляют о своей приверженности демократии и демократическим ценностям, хотя при этом интерпретации природы демократии не только существенно разнятся, но и могут противоречить одна другой. Под лозунгом распространения демократии могут продвигаться практики, не имеющие ничего общего с традиционными представлениями о демократии как о власти, означающей «правление народа, посредством народа, в интересах народа» [24]. Демократии в разных странах носят ярко выраженный национальный характер и не могут рассматриваться в отрыве от традиционной культуры народа, который выбрал демократическую форму правления в своем государстве [см.: 4].

Понимание демократии не является на сегодня очевидным, что вызывает кризис использования этого понятия в политологических исследованиях. В связи с этим возникает вопрос: политологические понятия – это научные термины или идеологические конструкты [см.: 2], выступающие в качестве политического инструмента [см.: 11]? Анализ содержания понятия «демократия» и возможных способов интерпретации этого понятия является **целью** статьи.

Задание метода

Начнем наш анализ с обоснования теоретического инструмента исследования. Процессы демократии обусловлены устройством общества, в котором они протекают. В соответствии с типами научной рациональности (классический, неклассический, постнеклассический) [см.: 28] выделим следующие подходы, отличающиеся чувствительностью оптики рассмотрения общества как целостности.

В рамках подхода, условно называемого *классическим*, общество рассматривается как целостность, как единый социальный организм. В таком обществе выделяется центр, который в качестве институциональной структуры осуществляет управление жизнедеятельностью всей системы. Обычно этой структурой является государство (в простейших обществах эту функцию может выполнять единичный субъект – монарх, правитель и т. д.).

Социологический подход характеризуется тем, что общество анализируется как множество социальных групп, объединенных в единое целое (систему, или с нарастанием сложности – в «систему систем») [см.: 19; 30]. Взаимодействия субъектов общества воспроизводят его структуру, которая находится в состоянии динамического равновесия. Управление обществом включает в себя обеспечение функционирования отдельных групп и общества в целом, что предполагает системную организацию органов управления, подобную структуре социума.

В рамках *нарративного* (или, в более широком контексте, социокультурного) подхода общество рассматривается как (ре)конструируемый текст (текст, коллективный автор, замысел) [см.: 22; 31]. Общество как коллективный субъект (метасубъект) воспроизводит свое предназначение во времени путем непрерывного обновления модели самоорганизации (социокультурного проекта) общества, то есть теоретические представления предоставляют возможность субъектам конституировать формы организации общества, а не просто отображать их как объективную данность [см.: 31]. Текстовая модель общества предполагает первоначальное задание его автора, который конструирует общество.

В нашем исследовании мы будем использовать *синергетический* подход, в рамках которого интегрируются все вышеперечисленные подходы [см.: 23]. Для исследователя сложноорганизованное общество одновременно разворачивается как целостность, система, текст, что позволяет анализировать его в трех измерениях как статичное образование; подвижную, находящуюся в состоянии динамического равновесия структуру взаимодействующих

субъектов; процесс (ре)конструирования общества предполагаемым автором (самоорганизующимся коллективным субъектом).

Исследование проблемы

Содержание понятия «демократия». Воспользуемся традиционным определением демократии как одного из способов организации общества, позволяющего реализовать «власть народа». Понимание природы организации общества будет обуславливать содержание того, что вкладывают в понятие демократии. Существующие многочисленные воззрения на природу содержания демократии в соответствии с заданным методом исследования сгруппируем в три подхода, обозначение которых достаточно условно.

В рамках классического институционального подхода выделяются атрибутивные характеристики демократии как формы организации общества. Спецификой этого подхода является институционально-структурный детерминизм в понимании организации демократического общества, которое рассматривается как всецело зависящее от конфигурации и функционирования политических институтов и практик [см.: 10; 13]. Их наличие обеспечивает демократичность общества и происходящих в нем процессов. Такая интерпретация делает акцент на институциональном дизайне социальной системы, меняющейся в зависимости от этапов развития общества, конкретных исторических условий и социокультурных контекстов.

Неоинституциональный подход предполагает расширительное определение институтов как формальных и неформальных «правил игры», воздействующих на «базовые политические ценности» общества и задающих порядок взаимоотношений и взаимодействий его субъектов. Новый институционализм не является противопоставлением классическому институциональному подходу, он дополняет его новым взглядом на факторы воспроизводства демократических институтов, смещая акцент от формальных структур к функционированию демократической политической системы [см.: 4; 13]. В этом случае демократия задается совокупностью правил, норм и ценностей, регламентирующих социальные практики и взаимодействия субъектов общества («контекстуальный» детерминизм).

В рамках нарративного (социокультурного) подхода институты демократии рассматриваются как «невидимые» конструкции «взаимных представлений» и «разделяемых ожиданий» субъектов общества [см.: 9; 26; 33], которые и обуславливают конструирование конкретных форм его организации. Эти проекты устройства общества служат надинституциональными «когнитивными схемами» социального порядка, укорененными в сознании субъектов как экспликация их идей. На основе этих проектов выстраиваются модели общества, стратегии его жизнедеятельности, определяются легитимность существующего порядка и возможные способы его трансформации. В рамках этого подхода можно говорить о социокультурном детерминизме, когда под демократией понимается то, что общество считает демократией (замысел текста конструируемого общества). В отличие от институциональных подходов к демократии, изучающих ее формы как

относительно стабильные характеристики, в нарративном подходе демократия рассматривается как гибкий дискурсивный конструкт, постоянно трансформирующийся в ходе социальных взаимодействий (модель общества, развертывающаяся в «непредсказуемое будущее» [см.: 1]).

Можно сказать, что развертывание концепции «демократии» следует за одновременным пониманием природы организации общества, которому она присуща. Демократия как институциональная характеристика общества дополняется пониманием демократии как набора правил, принципов, ценностей организации политической системы, конструируемой на основе взаимодействия субъектов общества, и расширяется путем трактовки демократии как «достижимого проекта» общественного устройства, принятого всеми субъектами общества [см.: 4; 10; 15].

Формы осуществления демократии. На следующем этапе исследования реконструируем логику исторической интерпретации форм осуществления демократии как управленческой функции. Первоначально, с момента возникновения в античности, демократия рассматривалась как *прямое* правление всех граждан, позволяющее им участвовать в управлении и отстаивать собственные интересы. Небольшой нюанс: с момента своего возникновения это понятие означало форму правления не всех участников общественной жизни, демократия была предусмотрена только для граждан, представляющих избранных членов социума (женщины, рабы, составляющие значительную часть общества, были бесправны) [см.: 18; 27]. Прямые формы политического волеизъявления возможны только в строго ограниченных пределах – ограниченных масштабом управляемой системы, например, в древнегреческих городах-государствах, в общинах или на уровне местного самоуправления [см.: 6].

В сложноорганизованных обществах представительство интересов индивидуальных субъектов неразрывно связано с вытеснением граждан из политики и установлением контроля над властью со стороны социальных структур, опосредующих волеизъявление субъектов. Например, в эпоху модерна, когда в Европе главной политической формой стало национальное государство, осуществление власти делегируется политическим институтам. *Представительская* демократия основана на концепции компетентного и ответственного представительства народа в органах государственной власти. Отстаивание интересов народа и принятие политических решений доверяется высокопрофессиональному меньшинству – элите, которая в состоянии рационально использовать демократические механизмы, сохраняя при этом свободу и возможность принятия решений. Назначение демократии сводится к методу отбора (*репрезентативная* демократия) наиболее одаренной и компетентной властвующей элиты (*элитарная* демократия), способной взять на себя ответственность по управлению государством [см.: 7; 27]. Исторический опыт показывает, что в любой стране такие представители склонны отдаляться от народа и вести собственную политическую игру, отвечающую исключительно их групповым интересам. И таким образом представительская

(*опосредованная*) демократия может вырождаться в олигархию, когда власть сосредоточена в руках небольшой группы людей, или *полиархию*, при которой политические группы конкурируют друг с другом [см.: 10]. В сложноорганизованных обществах народ по отношению к власти распадается на различные функциональные группы: непосредственно осуществляющие властные функции и делегирующие полномочия по их осуществлению.

В эпоху постмодерна, когда в политическую жизнь вовлекаются широкие слои населения, расширяется круг субъектов, стремящихся участвовать в процессах управления обществом. Наряду с прямыми выборами власти граждане имеют права и возможности активного участия в принятии политических решений, в политическом процессе, а также в контроле над реализацией принятых решений (*партиципаторная демократия*) [см.: 7; 10; 16]. Появление и нарастание роли электронных систем в структуре массовых коммуникаций вызвало к жизни идеи «кибердемократии», при которой наличие традиционных для демократии процедур неразрывно связывается с уровнем технической оснащенности власти и гражданских структур системами интерактивного взаимодействия (Интернет, социальные сети).

При этом предусматривается обеспечение представительства интересов меньшинства, не способного получить доступ к рычагам государственного управления (*консоциальная демократия*). Предполагается диалог власти и граждан, что подразумевает включенность в политическое управление общественного мнения и полную подотчетность ему властных структур (*рефлексирующая демократия*). Конструирование общественного мнения, придающего легитимность власти, происходит в результате многообразных коммуникаций граждан, когда интересы отдельных групп реализуются на основе взаимных компромиссов с учетом баланса общественных интересов (*делиберативная, коммуникативная, плюралистическая демократия*) [см.: 3; 10; 29]. Создается модель демократического правления, предполагающая сосуществование разнообразных субъектов с присущими им несхожими мировоззрениями и соответствующая ментальности общества, его представлениям о справедливом правлении.

Общество постмодерна, непрерывно изменяющееся во времени, предполагает множественность определений демократии и, соответственно, первоначальное согласование субъектами общества понимания демократии перед воплощением теоретических конструкций в социальную практику. Традиционные представления о демократии как о существующей нормативной форме организации общества трансформируются в представления о *конструируемой* демократии, формы организации которой определяются в процессах коллективных политических действий в ходе самоорганизации общества. Эти действия включают совместное конструирование модели демократии и ее воплощение на практике.

Способы самоорганизации коллективного автора совместной модели демократии опираются на различные парадигмы коммуникации субъектов общества (субъект-объектную, субъект-субъектную, метасубъекта), обуславливающие состав лиц, принимающих решения, и степень их участия

[см.: 17]. В рамках субъект-объектной парадигмы коммуникации автором модели является один субъект (или социальная структура), который самостоятельно осуществляет ее конструирование, другие участники рассматриваются как пассивные объекты, принимающие эту модель. При использовании субъект-субъектной парадигмы коммуникации автором модели будет являться групповой субъект, при организации которого в имплицитной форме заложены существующие в группе социальные взаимоотношения, когда учитывается «социальный вес» каждого автора, определяющий то, в какой мере его проект входит в состав совместной модели. Опора на парадигму коллективного субъекта (метасубъекта) означает, что при конструировании совместной модели демократии каждый субъект идентифицирует себя с представителем метасубъекта, являясь (со)автором совместной модели. Участвовать в ее конструировании могут все субъекты общества, получившие признание других субъектов как соавторы коллективного проекта.

Совместное конструирование модели демократии в сколь-нибудь крупных сообществах приводит к тому, что использование парадигм коммуникации субъектов, при которых коллективным автором модели демократии является один субъект или все участники, является ограниченным. Модель только одного автора может вызывать неприятие многих, согласование моделей всех субъектов предполагает значительные ресурсные затраты. В связи с этим в большинстве случаев конструирование коллективного автора будет опираться на субъект-субъектную парадигму коммуникации. Это перекликается с законом Михельса, в котором утверждается, что любая форма социальной организации вне зависимости от её первоначальной автократичности либо демократичности, неизбежно вырождается во власть немногих избранных – олигархию [см.: 21].

Демократия как прямое правление всех граждан (в простейших социумах) сменяется опосредованным управлением (в сложноорганизованных обществах), когда граждане делегируют властные полномочия отдельным представителям народа. Общество, составленное из представителей различных культур, использующих различные модели демократии, предполагает согласование этих моделей демократии до начала политических действий. В этом случае инструментом конструирования коллективного автора, который интегрирует различные понимания демократии в целостный текст, выступает демократия. Происходит двухступенчатое управление процессом конструирования автора совместного понимания демократии, который определяет формы и виды осуществления демократии в обществе. К пониманию демократии как способа организации общества добавляется ее понимание как способа конструирования коллективного автора определения демократии.

Демократия как власть народа. На основе избранного метода исследования и в соответствии со стандартным определением демократии как власти народа проанализируем возможность осуществления им этой функции в обществах разного типа. Под народом будем понимать совокупность индивидуальных (равнозначных) субъектов, а под обществом – организацию субъектов, образующих метасубъекта.

Демократия предполагает возможность всех субъектов общества принимать участие в управлении. Вместе с тем, определяя демократию только по субъекту власти, можно прийти к парадоксальному выводу, что между разными видами демократии и диктатурой может не быть принципиальных различий: их программы действий не упоминаются, а отличия состоят в том, что субъектом власти являются разные по численности группы людей. Увеличение количества людей во власти не обязательно означает, что цели власти являются оптимальными для развития общества, демократия может быть по-своему деспотичной и жестокой в своих действиях [см.: 5].

Проследим роль народа в управлении обществом в зависимости от сложности организации этого общества. Если общество – простейший социальный организм, у которого нет функционального органа управления, то наблюдается тождество народа и общества, при этом народ непосредственно осуществляет властные функции. Уже в случае сложноорганизованного организма, в котором за отдельные функции отвечают различные органы, за принятие решений, относящихся к поведению целостного организма, отвечает отдельный орган. В этом случае говорить о всеобщем доступе к управлению не приходится, существует специализированный орган, который действует в интересах всего организма.

Когда организация общества представляет систему (иерархическую структуру), возникает аналогичная ситуация. В классической системе существует два контура управления: центр (группа избранных), принимающий решения относительно целого, и субъекты, делегирующие центру полномочия. В простейших социальных системах (малых группах) все субъекты одновременно могут быть представлены в обоих контурах управления, в многоуровневых сложноорганизованных системах происходит разделение субъектов по управленческим функциям. Делегирование полномочий подразумевает соучастие в управлении, и вместе с тем дальнейшую дифференциацию структуры общества, в связи с тем, что у центра (группы избранных) появляется доступ к дополнительным ресурсам по сравнению с возможностями индивидуальных субъектов. Злоупотребление этим ресурсом в собственных интересах может приводить к кризисным ситуациям, в которых происходит изменение состава группы избранных, но воспроизводится существующая (иерархическая) форма организации общества («дракон умер – да здравствует дракон»). В системной модели сложноорганизованного общества его структуры управления воспроизводят системную организацию, в рамках которой имплицитно подразумевается неоднородность субъектов общества по отношению к выполнению властных функций [см.: 32].

Только в простейших социальных системах возможна демократия как власть всех субъектов общества, когда народ тождествен обществу. Во всех других типах систем демократия принципиально невозможна, поскольку существует дифференциация субъектов общества по объему властных функций, когда народ как совокупность равнозначных субъектов представляет часть существующего сложноорганизованного общества. Вместе с тем создается парадоксальная ситуация, когда на верхнем уровне системы

управления в рамках группы избранных демократия потенциально возможна. Это служит оправданием системной организации общества как достижимой «демократии», а также для индивидуальных субъектов создается стимул для продвижения по ступенькам иерархической структуры, которая предоставляет возможность попадания в круг избранных. В интересах правящей верхушки устремления масс можно направить на конкуренцию за право попадания в этот круг, а не на совершенствование форм организации общества, потому что для индивидуального субъекта достижение «демократии» (не для всех) делается возможным и в рамках существующей модели социальной организации.

Если общество представляет собой текст, то в связи с тем, что первоначально задается автор текста, демократия предполагает, что (коллективным) автором текста является народ, который конструирует общество на основе имеющихся у него представлений о демократии. Подразумевается, что в культуре и практиках субъектов, входящих в состав коллективного автора этого общества, наличествует демократия. В теоретическом плане именно текстовая модель общества потенциально содержит возможность для всех его субъектов участвовать в написании совместного текста, когда коллективный автор в совместном тексте может интегрировать тексты всех субъектов.

Учитывая, что автором совокупного текста поколений (реконструируемого текста общества) является не только живущее поколение [см.: 5], оно, исходя из понимания демократии, не может претендовать на исключительность своих взглядов. В связи с этим, представления о демократии должны быть заложены в социокультурной матрице общества, проявляясь в различных социальных практиках его субъектов. Изменяющиеся условия жизнедеятельности приводят к непрерывному обновлению представлений о демократии как о возможной модели общества. Идет речь о «демократизации демократии», под которой понимается непрерывный процесс социальной самоорганизации граждан, подразумевающий наполнение теоретической модели конкретными формами организации самоуправления, соответствующими природным условиям, этапу развития общества, исторической эпохе [см.: 8]. В истории любого общества нет неизменяемой демократии и нет ее непрерывной версии – это один из возможных этапов в непрерывном процессе модернизации общества, то есть не может произойти никакого успешного завершения демократической реформации общества по какому-либо образцу. В кризисных ситуациях общество обращается к базовым установкам культуры, выстраивая на их основе скорректированный формат управления. Представления о демократии как части культуры общества являются одним из инструментов его самоорганизации, который предоставляет возможность решать стоящие перед обществом задачи в конкретных исторических условиях и на определенных этапах своей истории.

В связи с тем, что целевые установки предполагают определенные действия по их достижению, они являются одной из форм власти [см.: 11]. Демонстрация приверженности демократии является возможностью стать частью коллективного автора этого общества, то есть быть допущенным к власти и ее ресурсам. В связи с этим, заявления о приверженности демократии

могут объясняться стремлением к власти. Попадание в систему власти субъектов, не придерживающихся демократии, а только декларирующих приверженность к ней (подобная смена взглядов может произойти и в период пребывания во власти), может вести к вырождению демократии. В случае несовпадения ожиданий общества от результатов демократического правления происходит дискредитация этого способа управления и отказ от демократии как модели предполагаемого общества.

Усложнение понимания организации общества приводит к развертыванию понимания демократии как власти народа. В рамках предложенного подхода народ в качестве субъекта власти может представлять собой общество в целом, быть частью существующего общества или одним из его поколений. Демократия как власть всех субъектов общества возможна только в простейших социальных образованиях, не имеющих функциональных органов власти. В сложноорганизованных обществах «демократия для всех» принципиально невозможна, поскольку существует дифференциация субъектов общества по контурам управления. «Народ», осуществляющий управление обществом, составляет только его часть, для остальных представителей общества существует «потенциальная возможность» стать частью «народа», в связи с этим их устремления могут быть направлены на вхождение в состав группы «власть имущих», и только войдя в эту группу они будут приобщены к «демократии». Если общество понимается как (ре)конструируемый текст, в котором народ составляет одно из поколений общества, то демократия изначально рассматривается как проект поколения, в соответствии с которым организована его жизнедеятельность. Этот проект имеет смысл только в конкретных исторических рамках данного поколения, изменяясь вместе со сменой обстоятельств. Можно сказать, что у каждого поколения свой проект «демократии». В этом случае власть народа (как одного из поколений) создает исторический прецедент, представляющий из себя имплементацию проекта демократии, конструируемого этим поколением. Если же под народом будем иметь в виду историческую общность людей, то под демократией будет пониматься инструмент развития социокультурного проекта общества, позволяющий интегрировать тексты всех поколений в целостный метатекст.

Обсуждение результатов

На основе предложенного синергетического подхода мы проанализировали содержание понятия демократии, возможные формы ее осуществления, трактовку демократии как власти народа. Содержание понятия «демократия» обусловлено имплицитным пониманием природы общества, когда в различных проекциях оно рассматривается как целостность (социальный организм); система (организация субъектов); текст, конструируемый на основе представлений предполагаемого коллективного автора. Понятие «демократия» включает в себя задание базовых институтов общества, принципов взаимодействия субъектов общества (функционирования его политической системы), представлений коллективного автора о проекте общественного устройства. В зависимости от сложности организации общества

(простое, сложноорганизованное, конструируемое) демократия проявляется в следующих формах: прямая, опосредованная, конструируемая в процессе общественной деятельности. Непосредственная власть народа осуществима только в простейших обществах, не имеющих функциональных органов власти. В сложноорганизованных обществах, в которых власть имеет системную природу, управляет часть общества, опираясь на делегированные народом полномочия. Эта часть общества, перенимая полномочия народа и подменяя его функции, создает общество иллюзорной демократии, когда все остальные индивидуальные субъекты общества стремятся попасть в разряд власть имущих «демократов». Народ в модели общества, рассматриваемого как текст поколений, составляет одно из многочисленных поколений общества. Демократия как возможный проект общества распадается на множество проектов демократий, принадлежащих разным поколениям, и не всегда применимых в других исторических условиях.

Рассмотрение общества как текста (текст, коллективный автор, проект) приводит к расширенному пониманию демократии. Она представляет собой не только характеристику общества, но и способ организации его коллективного автора, и инструмент совершенствования проекта общества. Демократия предоставляет возможность конструировать усложняющийся социокультурный проект путем вовлечения в его состав всех субъектов общества и становясь при этом инструментом саморазвития данного общества. Рассмотрим несколько следствий такого понимания.

Демократия не является моделью идеального устройства общества, востребованной во всех ситуациях. Мысль вообще-то не новая еще со времен Платона, но её приходится напоминать из-за абсолютизации «позитивной» коннотации демократии в идеологическом мейнстриме сегодняшнего дня. На основе исторического опыта общество конструирует собственную модель демократии («правление народа, посредством народа, в интересах народа»), которая открыта для изменений и не является завершённой. Способ организации общества должен соответствовать этапу его развития, стоящим перед обществом задачам и определяться по полученным результатам. Одна и та же форма организации власти может быть как демократией, так и нет – в зависимости от того, какую часть общества устраивают полученные результаты. Единоначалие не всегда означает тоталитаризм и диктатуру. Если субъекты власти руководствуются интересами народа (всего общества) и результаты, оцениваемые народом, соответствуют заявленным целям, то это вполне демократическое общество, безотносительно к форме государственного правления страной. Если результаты правления не устраивают субъектов общества, делегирующих свои властные полномочия, то, несмотря на демократическое обозначение и декларации власть имущих, оно не соответствует своему статусу. Прямолинейная установка, что при любых условиях «демократия» лучше, чем ее отсутствие, дает явные сбои [см.: 12].

У понятия «демократия» всегда существует конкретный автор, функционирующий в определенных исторических условиях и находящийся на определенной стадии развития. В связи с таким

пониманием это понятие не может выступать в роли универсального конструкта. Применение этого понятия из-за существования многочисленных версий его толкования предполагает предварительное согласование его понимания всеми авторами. Демократия как возможность участия всех субъектов общества в управлении возникает только в очень простых структурах, не имеющих специальных органов управления. Во всех остальных случаях, когда приходится создавать структуру (структуры) управления, демократия превращается в различные варианты представительской демократии, то есть власти немногих (избранных). Достаточно часто «групповой эгоизм» управленческой структуры, объединяющей субъектов, попавших в круг избранных, превалирует над интересами всего общества. При представительской демократии усилия масс направляются не на изменение парадигмы управления, когда управляют немногие, а на пробуждение желания – попасть в круг этих немногих. Большинство активных индивидуальных субъектов нацеливаются на продвижение по ступенькам социальной структуры, а не на совершенствование существующего устройства общества. Если общество рассматривается как текст народа (коллективного автора), то при демократии этот текст составлен из текстов разнообразных коллективных субъектов, составляющих народ, и опирающихся на собственную культуру и практики. В таком обществе «демократия» представляет собой разнообразие проявлений «демократии».

В условиях изменяющегося мира демократия рассматривается как незавершенный проект, как постоянно обновляемый текст. Это касается и процесса построения общества, и создания коллективного автора понятия демократия, и развития представлений о возможной модели общества, позволяющей осуществить «власть народа». Демократия – это конструирование демократии, которое предполагает участие коллективных субъектов, в культуре и в практиках которых демократия присутствует, в управлении обществом, определении демократии, коррекции социетального проекта демократии. Нарастание сложности организации общества предполагает появление новых коллективных субъектов и обновление моделей демократии. Демократия выступает в качестве инструмента саморазвития общества, позволяющего привлечь к обновлению модели общества потенциал всех его успешных коллективных субъектов, учитывая уникальность каждого из них. Причём этот инструмент, предусматривающий участие всех субъектов общества в конструировании социетального проекта, в общем, не гарантирует принятия безошибочных решений. Этот инструмент также может использоваться в собственных целях субъектами, попавшими в число авторов социетального проекта. Поэтому предполагается постоянная коррекция социетального проекта демократии, «демократизация демократии» путем привлечения к обновлению проекта все новых коллективных субъектов.

Демократия, предполагающая равноправие индивидуальных субъектов как совместное участие в управление обществом, возможна только в примитивных обществах. В более сложноорганизованных обществах она трансформируется в «демократию» для избранных, в круг которых устремляются субъекты,

намеревающиеся участвовать в процессах социального управления. Демократия как идея равноправия коллективных субъектов может вести к «групповому эгоизму» этих субъектов, если отсутствует метакультурная позиция коллективного метасубъекта [см.: 25], позволяющая интегрировать культуры отдельных коллективных субъектов. От демократии как проекта индивидуальных субъектов общества переходим к демократии как к проекту коллективных субъектов, имеющих практический опыт построения демократии, придерживающихся этих принципов при взаимодействии с другими коллективными субъектами и опирающихся на метакультурную позицию, присутствующую в их культуре.

Заключение

В рамках текстовой модели общества предлагается двухэтапное его построение, когда вначале задается автор, который создает текст общества. Подобная логика приводит к двухконтурному пониманию природы власти, когда осуществляется управление и субъектами, и обществом в целом. Появление нового контура управления предполагает возможность построения более сложной системы управления, соответствующей сложности организации общества. Эта многоуровневая система управления делает неосуществимым равноправное участие всех индивидуальных субъектов общества во власти.

Вместе с тем, как текст конструируется на основе замысла автора, так и демократия как организация модели управления социумом обусловлена представлениями его коллективного автора о модели устройства будущего общества. Но будущее – это не только цель, к которой мы стремимся, это и то, что мы строим на пути к ней, каким способом создаем коллективного автора. Модель общества может быть «универсальной», когда в обществе нет инакомыслящих авторов, «эгоистичной», для группы избранных авторов («золотого миллиарда») [см.: 14] или может быть попыткой приближения к модели справедливого сообщества равноправных коллективных субъектов, согласовывающихся имеющийся у них опыт построения собственных обществ. Сложноорганизованное демократическое общество представляет собой не совокупность индивидуальных субъектов, а сообщество коллективных субъектов, участники которых имеют частный опыт построения собственных социокультурных проектов демократии, а теперь пытаются построить ее более сложную модель в рамках совместного текста.

Идеальная модель конструируемой демократии как повседневного и непосредственного участия в управлении всех граждан неосуществима. Демократия на практике – это ситуация, когда в процессы управления вовлечен максимально широкий круг участников, и общество не пытается ограничить их количество, а создает условия для конструирования его субъектами сложноорганизованного сообщества коллективных субъектов. Фантом, иллюзия, мечта – можно выбрать любое из этих обозначений «демократии», которые отражают различные грани понимания одного из возможных способов управления социумом в сложноорганизованном обществе. Субъекты, управляющие процессом моделирования социокультурного проекта устройства

будущего сообщества, могут использовать эту многозначность в своих целях, редуцируя целостное понимание до отдельных его проекций.

Для социального состояния постмодерна характерна ситуация, когда управление базируется на доступе к коммуникативным ресурсам производства смыслов, благодаря чему можно управлять конструированием целей общественного развития. Контроль над интерпретацией раскрученного бренда «демократия» принадлежит его владельцам, успешным странам Запада [см.: 24], что позволяет им оценивать другие страны на соответствие критериям демократии. У понятия «демократия» нет универсального, вечного значения, нет ни одной законченной версии демократии, все они находятся в процессе конструирования. Поэтому абсолютизировать любую из ее форм, пригодных только для конкретных обществ в определенных исторических условиях, по крайней мере, «недемократично».

Демократия позволяет сосуществовать инакомыслящим коллективным субъектам с разными картинками мира, с разными мировоззрениями. Она становится инструментом конструирования сложноорганизованного сообщества, применение которого позволяет управлять разнообразием целей развития. Построение демократии как проекта сложноорганизованного общества предполагает необходимый уровень сложности ментальной организации субъектов, который предоставляет им возможность выходить в метакультурную позицию, позволяющую интегрировать позиции всех участников проекта. Причем этот уровень ментальной сложности должен присутствовать у всех субъектов общества: индивидуальных, коллективных, общества в целом. Сам по себе уровень сложности ментальной организации не определяет следование демократии, если ее понимание не заложено в представлениях субъектов общества. Сформированные представления о демократии служат основанием для организации собственной жизнедеятельности субъектов и их коммуникаций с другими субъектами, являясь для них «путеводной звездой». Переход к демократии – не самоцель, а путь формирования сообщества, создающего необходимые условия для жизнедеятельности людей, уровень зрелости которых позволяет им быть соавторами проектов коллективных субъектов, в свою очередь, конструирующих общество демократии.

Список литературы

1. Автономова Н. С. Философский язык Жака Деррида. – М.: РОССПЭН, 2011. – 510 с.
2. Ачкасов В. А. Транзитология – научная теория или идеологический конструкт? // Полис. Политические исследования. – 2015. – № 1. – С. 30–37. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.01.03>.
3. Баранов Н. А. Современная демократия: эволюционный подход. – СПб.: БГТУ, 2007. – 208 с.
4. Бегунов Ю. К., Лукашев А. В., Пониделко А. В. 13 теорий демократии. – СПб, Бизнес-Пресса, 2002. – 240 с.

5. Бердяев Н. А. Демократия, социализм и теократия // Смысл творчества: опыт оправдания человека. – Харьков: Фолио; М: АСТ, 2002. – 688 с.
6. Бло И. Прямая демократия. Единственный шанс для человечества. – М.: Книжный мир, 2015. – 304 с.
7. Грачев М. Н., Мадатов А. С. Демократия: методология исследования, анализ перспектив. – М.: АЛКИГАММА, 2004. – 128 с.
8. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. – М.: Весь мир, 2004. – 116 с.
9. Даль Р. Введение в теорию демократии. – М.: Наука, 1992. – 158 с.
10. Даль Р. Демократия и ее критики. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. – 576 с.
11. Дейк Ван Т. А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникациях. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с.
12. Журавлев А. Л., Юревич А. В. Социально-психологические факторы вступления молодежи в ИГИЛ // Вопросы психологии. – 2016. – № 3. – С. 16–29.
13. Зазнаев О. И. Вторая молодость «долгожителя»: концепт «политический институт» в современной науке // Проблемы политической науки. – Казань: Центр инновационных технологий, 2005. – С. 3–29.
14. Кара-Мурза С. Г. Концепция «золотого миллиарда» и Новый мировой порядок. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kara-murza.ru/books/articles/oro1.html> (дата обращения 14.03.2019).
15. Лебедева Т. П. Либеральная демократия как ориентир для посттоталитарных преобразований // Полис. Политические исследования. – 2004. – № 2. – С. 76–84. DOI: 10.17976/jpps/2004.02.08.
16. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 142 с.
17. Лепский В. Е. Эволюция представлений об управлении (методологический и философский анализ). – М.: Когито-Центр, 2015. – 107 с.
18. Лукин А. В. Возможна ли другая демократия? // Полис. Политические исследования. – 2014. – № 1. – С. 10–27. DOI: 10.17976/jpps/2014.01.01.
19. Луман Н. Общество как социальная система. – М.: Логос, 2004. – 232 с.
20. Лэйн Д. Мираж демократии // Полис. Политические исследования. – 2014. – № 6. – С. 127–148. DOI: 10.17976/jpps/2014.06.10.
21. Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии // Политология: хрестоматия. – М.: Гардарики, 2000. – С. 540–551.
22. Плющ А. Н. Синергетическая модель организации общества // Социологические исследования. – 2014. – № 10. – С. 14–22.
23. Плющ А. Н. Социально-психологические механизмы информационного влияния. – Нежин: Аспект-Поліграф, 2017. – 244 с.
24. Ржешевский Г. А. Демократия: миф, реальность или раскрученный бренд? // Полис. Политические исследования. – 2008. – № 5. – С. 90–99.
25. Соколов В. Н., Ячин С. Е. Состояние «Мета...». Метакультурное сообщество // Альманах «Восток». – 2007. – № 2 (43). – [Электронный ресурс].

– Режим доступа: http://www.situation.ru/app/j_art_1197 (дата обращения 22.10.2018).

26. Соловьев А. И. Государство как производитель политики // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 2. – С. 90–108. DOI: 10.17976/jpps/2016.02.08.

27. Сергеев В. М. Народовластие на службе элит. – М.: МГИМО Университет, 2013. – 265 с.

28. Степин В. С. Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с.

29. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. – СПб.: Наука, 2001. – 419 с.

30. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. – М.: Весь Мир, 2003. – 416 с.

31. Giddens A. The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration. – Cambridge: Polity Press, 1984. – 402 p.

32. Hobson J. M. The Eurocentric Conception of World Politics: Western International Theory, 1760–2010. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – 406 p.

33. Ostrom E. Governing the Commons. The Evolution of Institutions for Collective Action. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 298 p.

References

1. Avtonomova N. S. Philosophical Language of Jacques Derrida [*Filosofskiy yazyk Zhaka Derrida*]. Moscow, ROSSPEN, 2011, 510 p.

2. Achkasov V. A. Transitology – Scientific Theory or Ideological Construct? [Tranzitologiya – nauchnaya teoriya ili ideologicheskiy konstrukt?]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* (Polis. Political Studies), 2015, № 1, pp. 30–37. DOI: 10.17976/jpps/2015.01.03.

3. Baranov N. A. Modern Democracy: An Evolutionary Approach [*Sovremennaya demokratiya: evolyutsionnyi podkhod*]. St. Petersburg, BGTU, 2007, 208 p.

4. Begunov Y. K., Lukashev A. V., Ponidelko A. V. 13 Theories of Democracy [*13 teorii demokratii*]. St. Petersburg, Biznes-Pressa, 2002, 240 p.

5. Berdyaev N. A. Democracy, Socialism and Theocracy [Demokratiya, sotsializm i teokratiya]. *Smysl tvorchestva: opyt opravdaniya cheloveka* [The Meaning of Creativity: The Experience of Human Justification]. Kharkov, Folio; Moscow, AST, 2002, 688 p.

6. Blot Y. Direct Democracy. The Only Chance for Humanity [*Pryamaya demokratiya. Edinstvennyy shans dlya chelovechestva*]. Moscow: Knizhnyy mir, 2015, 304 p.

7. Grachev M. N., Madatov A. S. Democracy: Research Methodology, Analysis of Prospects [*Demokratiya: metodologiya issledovaniya, analiz perspektiv*]. Moscow, ALKIGAMMA, 2004, 128 p.

8. Giddens E. Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives. [*Uskolzayuschiy mir: kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn*]. Moscow, Ves mir, 2004, 116 p.
9. Dahl R. A Preface to Democratic Theory [*Vvedenie v teoriyu demokratii*]. Moscow, Nauka, 1992, 158 p.
10. Dahl R. Democracy and Its Critics [*Demokratiya i ee kritiki*]. Moscow, “Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya” (ROSSPEN), 2003, 576 p.
11. Dijk van T. A. Discourse and Power. Contributions to Critical Discourse Studies [*Diskurs i vlast: reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsiyakh*]. Moscow, Knizhnyi dom “LIBROKOM”, 2013, 344 p.
12. Zhuravlev A. L., Yurevich A. V. Social and Psychological Factors Motivating Young People to Join ISIS [*Sotsialno-psikhologicheskie faktory vstupleniya molodezhi v IGIL*]. *Voprosy psikhologii* (Questions of Psychology), 2016, № 3, pp. 16–29.
13. Zaznaev O. I. The Second Youth of the “Long-Lived”: The Concept of “Political Institution” in Modern Science [*Vtoraya molodost “dolgozhitelya”: kontsept “politicheskii institute” v sovremennoy nauke*]. *Problemy politicheskoi nauki* (Problems of Political Science). Kazan, Tsentr innovatsionnykh tekhnologiy, 2005, pp. 3–29.
14. Kara-Murza S. G. The Concept of the “Golden Billion” and the New World Order [*Kontseptsiya “zolotogo milliarda” i Novyy mirovoi poryadok*]. Available at: <http://www.kara-murza.ru/books/articles/oro1.html> (accessed 14.03.2019).
15. Lebedeva T. P. Liberal Democracy as Orienting Objective for Post-Totalitarian Transformations [*Liberalnaya demokratiya kak orientir dlya posttotalitarnykh preobrazovaniy*]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* (Polis. Political Studies), 2004, № 2, pp. 76–84. DOI: 10.17976/jpps/2004.02.08.
16. Lijphart A. A. Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration [*Demokratiya v mnogostavnykh obschestvakh. Sravnitelnoe issledovanie*]. Moscow, Aspekt Press, 1997, 142 p.
17. Lepskiy V. E. Evolution of Ideas about Management (Methodological and Philosophical Analysis) [*Evolyutsiya predstavlenii ob upravlenii (metodologicheskii i filosofskii analiz)*]. Moscow, Kogito-Tsentr, 2015, 107 p.
18. Lukin A. V. Is Other Democracy Possible? [*Vozmozhna li drugaya demokratiya?*]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* (Polis. Political Studies), 2014, № 1, pp. 10–27. DOI: 10.17976/jpps/2014.01.01.
19. Luhmann N. Society as a Social System [*Obschestvo kak sotsialnaya sistema*]. Moscow, Logos, 2004, 232 p.
20. Leyn D. Mirage of Democracy [*Mirazh demokratii*]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* (Polis. Political Studies), 2014, № 6, pp. 127–148. DOI: 10.17976/jpps/2014.06.10.
21. Mikhels R. Sociology of a Political Party in a Democracy [*Sotsiologiya politicheskoi partii v usloviyakh demokratii*]. *Politologiya: khrestomatiya* (Political Science: Reader). Moscow, Gardariki, 2000, pp. 540–551.

22. Plyusch A. N. Synergetic Model of the Organization of Society [Sinergeticheskaya model organizatsii obschestva]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* (Sociological Studies), 2014, № 10, pp. 14–22.

23. Plyusch A. N. Socio-Psychological Mechanisms of Information Influence [Sotsialno-psikhologicheskie mekhanizmy informatsionnogo vliyaniya]. Nezhin, 2017, Aspekt-Poligraf, 244 p.

24. Rzheshhevskiy G. A. Democracy: Myth, Reality, or Boosted Brand? [Demokratiya: mif, realnost ili raskruchennyy brend?]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* (Polis. Political Studies), 2008, № 5, pp. 90–99.

25. Sokolov V. N., Yachin S. E. Status “Meta...”. Metacultural Community [Sostoyanie “Meta...”. Metakulturnoe soobshchestvo] // *Almanakh “Vostok”* (Almanac «East»), 2007, № 2 (43). Available at: http://www.situation.ru/app/j_art_1197 (accessed 22.10.20189).

26. Solovev A. I. The State as Manufacturer of Policy [Gosudarstvo kak proizvoditel politiki]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* (Polis. Political Studies), 2016, № 2, pp. 90–108. DOI: 10.17976/jpps/2016.02.08.

27. Sergeev V. M. Democracy in the Service of the Elites [*Narodovlastie na sluzhbe elit*]. Moscow, MGIMO Universitet, 2013, 265 p.

28. Stepin V. S. Theoretical Knowledge [*Teoreticheskoe znanie*]. Moscow, Progress-Traditsiya, 2000, 744 p.

29. Habermas J. The Inclusion of the Other. Essays on Political Theory [*Vovlechenie drugogo. Ocherki politicheskoi teorii*]. St. Petersburg, Nauka, 2001, 419 p.

30. Habermas J. The Philosophical Discourse of Modernity [*Filosofskii diskurs o modern*]. Moscow, Ves Mir, 2003, 416 p.

31. Giddens A. The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration. Cambridge, Polity Press, 1984, 402 p.

32. Hobson J. M. The Eurocentric Conception of World Politics: Western International Theory, 1760–2010. Cambridge, Cambridge University Press, 2012, 406 p.

33. Ostrom E. Governing the Commons. The Evolution of Institutions for Collective Action. Cambridge, Cambridge University Press, 1990, 298 p.

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 001.9

Проблемы академической этики и российская наука*

Левин Виталий Ильич – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пензенский государственный технологический университет», доктор технических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, заслуженный деятель науки РФ, Пенза, Россия.

Email: vilevin@mail.ru
440039, Пенза, пр. Байдукова, 1-а,
тел.: +7 (8412) 49-55-35.

Авторское резюме

Состояние вопроса: В сентябре 2018 г. в Москве прошла I Российская конференция по качеству научной работы и академической этике. На ней была рассмотрена ситуация с соблюдением академической этики в стране и предложены меры по ее улучшению. Часть высказанных оценок и предложенных мер вызывают сомнения.

Результаты: По результатам конференции принят «Итоговый документ». Большинство его положений разумны и пригодны в качестве основы для дальнейшего обсуждения. Однако часть положений сомнительны или явно неприемлемы. Так, утверждается, что плагиат в науке отличен от плагиата в литературе и искусстве, что требует ввести новое понятие академического плагиата, наличие которого определяется без суда, исходя из логической аргументации и здравого смысла. Далее, утверждается, что из плагиата текста якобы следует плагиат содержащихся в нем идей и результатов, что неверно. Вводятся термины «тиражирование статей», «самоплагиат», «автоплагиат», которые неверно отражают суть явления «повторная публикация статьи». Также предложен ряд практически неосуществимых рекомендаций по этической политике научных журналов (например, недопустимость публикации статей с плагиатом без указания, кто и как должен определять наличие плагиата). Заключительные предложения «Итогового документа» либо неверны в своей основе, либо практически неосуществимы.

Выводы: Борьба с нарушением академической этики – важная актуальная задача российской науки. Для успеха в этой борьбе научное сообщество должно консолидироваться. Это станет возможным, когда удастся создать нормативный документ об академической этике, приемлемый для большинства научных работников.

* © В. И. Левин, 2019.

Ключевые слова: качество научной работы; академическая этика; нарушения этики.

Problems of Academic Ethics and Russian Science

Levin Vitaly Ilich – Penza State Technological University, Doctor of Technology, Professor, Leading Researcher, Honored Scientist of Russian Federation, Penza, Russia.

Email: vilevin@mail.ru

1-a, pr. Baidukova, Penza, 440039, Russia,
tel.: +7 (8412) 49-55-35.

Abstract

Background: In September 2018, the First Russian Conference on the quality of research and academic ethics was held in Moscow. It reviewed the situation with the observance of academic ethics in the country and proposed measures for its improvement. Some of the assessments and proposed measures are questionable.

Results: According to the results of the conference, the “Final Document” was adopted. Most of its provisions are reasonable and suitable as a basis for further discussion. However, some of them are doubtful or fully unacceptable. It is asserted that plagiarism in science differs from plagiarism in literature and art. It requires the introduction of a new concept of academic plagiarism, the existence of which is determined without trial and is based only on logical reasoning and common sense. Furthermore, it is claimed that plagiarism of the ideas and results contained in it allegedly follows the plagiarism of the text, which is incorrect. The terms “replication of articles”, “self-plagiarism”, “auto-plagiarism” are introduced, which incorrectly reflect the essence of the phenomenon “re-publication of an article”. In addition, a number of unfeasible recommendations for academic journals on the ethical policy were made. For example, the inadmissibility of publishing articles with plagiarism without specifying who and how should determine the presence of it. The conclusive proposals of the “Final Document” are either entirely incorrect or impracticable.

Conclusion: The fight against the violation of academic ethics is an important urgent task of Russian science. To succeed in this, the academic community must consolidate. This will become a reality when a normative document on academic ethics, which most researchers approve, is drawn up.

Keywords: quality of research; academic ethics; violations of ethics.

Введение

26 сентября 2018 г. в РГГУ (Москва) состоялась I конференция «Проблемы качества научной работы и академический плагиат». Участники конференции обсуждали важные проблемы, обозначенные в ее названии [см.: 1–3] и приняли «Итоговый документ» [см.: 4], который был предложен научному сообществу для обсуждения. Этот документ воспроизведен с комментариями и историей борьбы с плагиатом в России в статье [см.: 5]. Разумеется, учитывая огромный размах академического плагиата в современной России и связанные с ним

риски для российской науки, данный вопрос заслуживает глубокого и всестороннего обсуждения. Однако при обсуждении необходимо иметь в виду, что в отношении к данному вопросу сегодня в России сложилось, по крайней мере, три различных подхода. Первый подход сформулирован общественной организацией «Диссернет» и наиболее полно изложен в «Итоговом документе» [см.: 4]. Этот подход весьма радикален, он трактует плагиат широко и требует безусловного наказания плагиатора, вне зависимости от научного статуса, должности, прошлых заслуг и т. д. Его поддерживают многие ученые РАН. Второй подход сформулирован некоторыми руководителями диссертационных советов, он сводится к тому, что не всякое заимствование – плагиат, и не всякий плагиат, иное нарушение закона или академической этики заслуживает наказания. Этот подход поддерживает большинство руководителей и членов диссертационных советов, а также, по-видимому, руководители российских вузов. Третий подход характерен для административных руководителей высшего звена: руководства ВАК, Минобрнауки и т. д. Их позиция проста: плагиат, конечно, зло, и с ним надо бороться, но за исключением случаев, когда плагиатор (нарушитель) – важное для государства лицо, которое должно быть защищено любыми способами.

В данной статье обсуждается первый подход к академическому плагиату и другим нарушениям академической этики, который, по нашему мнению, в большей степени соответствует принципам правового государства. За основу обсуждения взяты материалы публикаций [см.: 4; 5], наиболее полно отражающие этот подход. Основное внимание уделено анализу недостатков излагающего этот подход «Итогового документа» [см.: 4], которые не позволяют использовать его на практике.

1. Общие положения

Большинство положений, высказанных в «Итоговом документе» в рамках первого подхода к академическому плагиату и другим нарушениям академической этики, представляются разумными, могущими составить основу окончательного документа типа декларации об академической этике. Однако есть положения, с содержанием или формой которых трудно согласиться. Эти положения должны быть предварительно обсуждены и, если потребуется, исправлены. Начнем обсуждение с некоторых общих положений, содержащихся в разделе «Преамбула» «Итогового документа» [см.: 4; 5].

1. «Фальсификация научных исследований, производство фальшивых диссертаций и публикация научных статей, содержащих плагиат, в России приняли угрожающие размеры, разрушая национальную систему академической аттестации и дискредитируя российскую научную периодику. С 2013 года выявлено около 8000 диссертаций и 5000 научных статей с плагиатом, вскрыты «диссеродельные фабрики» – диссертационные советы, на счету которых по несколько сотен фальшивых диссертаций, найдены «мусорные журналы», опубликовавшие десятки статей с плагиатом».

Сказанное, конечно, правда, но лишь небольшая часть всей правды, отражающая только результаты работы организации «Диссернет» за 2013–2018

годы. А вся правда заключается в том, что в настоящее время в России имеются, согласно оценкам [см.: 6], не 8000, а десятки тысяч защищенных диссертаций с плагиатом и другими нарушениями академической этики. При этом ежегодно к этой цифре добавляется несколько тысяч новых некондиционных диссертаций. Сходное положение существует со статьями, содержащими плагиат и другие нарушения академической этики. В таких условиях даже при наличии уникальной организации по выявлению нарушений «Диссернет» положение в российской науке будет катастрофически быстро ухудшаться. И если мы хотим сохранить эту науку, нужно выбрать принципиально другой, чем сегодня, более эффективный способ управления ею, с широким участием научного сообщества.

2. «Плагиат в науке отличается от плагиата в литературе и искусстве, и для его осмысления требуется ввести новое понятие академического плагиата. Его совершают не для коммерческой эксплуатации чужого произведения, а для повышения статуса в научном сообществе путем фальсификации учебных, исследовательских и квалификационных работ. Его аналогом является не кража, а подлог. Его общественный вред заключается не только в нарушении авторских прав, но и – в большей степени – в подрыве института научной репутации, компрометации ученых степеней и званий. Поскольку часто плагиат сопровождается образованием сетей коллективной фальсификации, объединенных корыстными интересами, его следует считать специфической формой академической коррупции».

С утверждениями, содержащимися в приведенном выше п. 2, трудно согласиться. Прежде всего, универсальное понятие плагиата введено уже давно как выдача чужого произведения, идеи, слов и т. д. за свои собственные (иначе говоря, кража чужого произведения, идеи, слов и т. д.) [см.: 6–8]. Далее, говоря о плагиате в литературе, искусстве и науке (академическом плагиате), авторы «Итогового документа» [см.: 4; 5] описывают хорошо известную классификацию давно введенного универсального понятия плагиата по областям его применения, но не вводят никакого нового понятия академического плагиата. Последнее хорошо известно как частный случай универсального понятия плагиата, относящийся к конкретной области его применения – науке. И звучит оно так: академический плагиат – это выдача чужого научного произведения, идеи, слов, и т. д. за свои собственные (т. е. кража чужого научного произведения, идеи, слов и т. д.). Если авторы «Итогового документа» [см.: 4; 5] действительно хотели ввести новое понятие академического плагиата, они, во-первых, должны были найти новый термин для этого понятия, а не использовать уже занятый термин «плагиат», и, во-вторых, дать определение введенного нового понятия. Однако ни того, ни другого в «Итоговом документе» нет. А приводимые в нем характеристики нового понятия по его цели (повышение статуса в научном сообществе) и последствиям (подрыв института научной репутации, компрометация ученых степеней и званий), не заменяют его определения. Далее, утверждение, что «плагиат в науке отличается от плагиата в литературе и искусстве» тем, что «его совершают не для коммерческой эксплуатации чужого произведения, а для

повышения статуса в научном сообществе», ошибочно. На самом деле плагиаторы в науке, как и их собратья в литературе и искусстве, повышая с помощью плагиата свой статус в своем профессиональном сообществе, одновременно с удовольствием обогащаются. Например, научные руководители, срабатывая плагиат-публикации для своих аспирантов, охотно взимают с них плату. Также ошибочно утверждение, что «аналогом плагиата является не кража, а подлог». Оно противоречит общепринятому определению плагиата как выдачи чужого произведения за свое собственное, т. е. краже [см.: 6–8]. Совершивший подлог совершает другое преступление – выдает подделанные результаты исследований за подлинные. Едва ли верно и утверждение, что «плагиат следует считать специфической формой академической коррупции». Ибо далеко не всегда плагиат производится организованными преступными академическими группировками – в значительно больших объемах его производят тысячи одиночных «академумельцев».

2. Положения, связанные с академическим плагиатом и научным подлогом

Обсудим теперь некоторые положения, содержащиеся в разделе «Академический плагиат, использование неавторских текстов как авторских и научный подлог» «Итогового документа» [см.: 4; 5].

1. «Академический (научный) плагиат по своей сути не тождественен плагиату как уголовно наказуемому деянию, ответственность за которое установлена ст. 146 УК РФ, или плагиату как нарушению авторских прав, ответственность за которое установлена положениями гражданского законодательства, и совпадает с этими понятиями лишь отчасти. Так, установление факта плагиата в первых двух случаях относится к исключительной компетенции суда, а наличие академического плагиата определяется исходя из логически непротиворечивой аргументации и здравого смысла в рамках открытой публичной дискуссии, как это принято в академическом сообществе».

Приведенная характеристика академического плагиата столь же неудачна, как и данная в разделе «Общие положения» «Итогового документа». Только теперь академический плагиат пытаются охарактеризовать не сутью определяющего его действия (кража интеллектуальной собственности), а инстанцией, устанавливающей его наличие и наказывающей за это (суд). Хотя инстанция вытекает из сути действия, а не наоборот. Кроме того, наличие академического плагиата может быть установлено и в суде – по заявлению потерпевшего автора с использованием тех же «логически непротиворечивой аргументации и здравого смысла, в рамках открытой дискуссии». При этом именно решение суда, а не мнение академического сообщества, будет иметь законную силу.

2. «Из плагиата текста следует плагиат содержащихся в этом тексте идей и научных результатов».

Приведенное утверждение ошибочно. Оно не выполняется в тех случаях, когда автор, совершивший заимствование чужого текста, делает это не для

использования содержащихся в нем идей и научных результатов, а для продвижения своих собственных идей и результатов. Например, пусть некий автор в своей статье привел текст из работы профессора А и полностью совпадающий с ним текст из более поздней работы профессора Б и на основании этого установил факт плагиата, совершенного Б. Можем ли мы обвинить автора статьи в плагиате идей и научных результатов профессоров А и Б только потому, что он «сплагиатил» (заимствовал без должного оформления) их тексты? Конечно, нет – ведь эти идеи и результаты ему абсолютно не нужны, т. к. у него собственная идея и результат: он поймал за руку профессора Б, совершившего плагиат.

3. «Под статьей с сомнительным авторством понимается: а) полная или частичная републикация текста соавторов, часть из которых не указана в качестве авторов нового текста; б) републикация статьи нескольких соавторов, к которым присоединились иные лица, не внесшие своего вклада (в виде нового текста) в статью».

Приведенное положение в некоторых случаях действительно может свидетельствовать о покупном или подаренном соавторстве, т. е. действиях, нарушающих академическую этику. Однако это далеко не всегда так. Например, кто-то из соавторов может по личным причинам сам отказаться от авторства (случай а) или соавторы при републикации своей статьи могут включить в качестве соавтора новое лицо, оказавшее им на этом этапе творческую помощь (случай б). Научные журналы не в состоянии разбираться в деталях межавторских взаимоотношений. Поэтому в большинстве случаев они публикуют хорошие статьи, не обращая внимания на списки авторов, т. е. действуют по принципу успешной конкуренции с другими журналами. Поэтому данное положение «Итогового документа» не имеет практического смысла.

4. «Под множественной публикацией статьи (тиражированием, самоплагиатом, автоплагиатом) понимается перепечатка автором (авторами) собственных работ, не оправданная какими-либо объективными причинами (внесение изменений в текст статьи, перевод на другой язык, обращение к иной читательской аудитории, включение текста статьи в тематическую подборку или антологию) и без указания источника первоначальной публикации».

Данное положение вызывает множество возражений. Во-первых, согласно нормам авторского права РФ, автор имеет право на обнародование своего произведения, при этом число публикаций, обеспечивающих это обнародование, никак не обговаривается. Таким образом, автор имеет право на опубликование своего произведения любое число раз. Всякие попытки ограничить его в этом нарушают его права и могут быть обжалованы в суде. Во-вторых, предлагаемые термины – тиражирование, самоплагиат, автоплагиат – искажают суть явления и потому неприемлемы. Так, термин «тиражирование» относится лишь к изготовлению не различимых между собой копий одной и той же статьи. В то время как при перепечатке статьи в другом журнале получается новая статья, отличающаяся от исходной, по крайней мере, новым редактированием и оформлением по правилам другого журнала. Что

касается терминов «самоплагиат» и «автоплагиат», то они и вовсе абсурдны: в переводе на русский язык они означают кражу у самого себя, что представляется невозможным. Правда, ходят слухи, что одному крупному российскому бизнесмену однажды это удалось. Однако источники этих слухов не заслуживают доверия. В-третьих, поскольку авторы обладают безусловным правом на повторную публикацию своих научных работ (см. выше), они не обязаны «оправдываться какими-либо объективными причинами», подобно тому, как не оправдываются писатели при многократных переизданиях своих книг. В-четвертых, существуют объективные причины, заставляющие научных работников и преподавателей вузов совершать кратные публикации. Для тех из них, кто всерьез занимается наукой (таких явное меньшинство), этой причиной является невозможность довести свои научные результаты до читателей с помощью однократной публикации из-за крайне низких тиражей наших научных журналов. Для тех же, кто занимается наукой по необходимости – защита диссертаций, участие в конкурсе на замещение должности и т. д. (таких абсолютное большинство) – эта причина заключается в низкой квалификации и отсутствии новых научных идей у авторов, позволяющих делать каждую статью полностью оригинальной, не повторяющей предыдущие статьи авторов. В-пятых, существуют «хищные журналы», которые перепечатывают лучшие статьи из других журналов без согласия их авторов и даже без их уведомления о состоявшейся публикации. Борьба против таких повторных публикаций приведет к наказанию ни в чем не виновных авторов.

3. Положения, связанные с этической политикой научных журналов

Рассмотрим некоторые положения из раздела «Этическая политика научных журналов» «Итогового документа» [см.: 4; 5].

1. «Для журналов, претендующих на статус научных, мы считаем неприемлемой следующую практику: наличие членов редколлегии / редсовета, имеющих отношение к необоснованному присуждению ученых степеней или к созданию некорректных публикаций».

Данное положение сформулировано некорректно и не пригодно для использования на практике. Во-первых, не определено точно понятие «имеющий отношение». Во-вторых, не раскрыт смысл термина «некорректная публикация». В-третьих, не указано, кто и как должен определять необоснованность присуждения ученой степени и некорректность публикации.

2. «Неприемлема практика публикации статей с плагиатом».

В этом положении не указано, кто и как должен определять наличие в статьях плагиата. Поэтому его практическое использование невозможно.

3. «Неприемлема практика тиражирования множественных публикаций».

В этом положении плохо продумала содержательная сторона дела. Когда научный журнал отказывается от повторной публикации слабой статьи, он и его читатели ничего не теряют. Когда же журнал отказывается от повторной публикации сильной статьи с новыми научными результатами, он теряет импакт-фактор, а его читатели – возможность ознакомиться с этими результатами и продвинуться в своих исследованиях. Ну, а если журнал не

хочет опубликовать статью, содержащую возможное открытие, только потому, что это повторная публикация, он наносит большой вред науке. Продвинутые редакторы журналов знают все это и принимают решение о публикации той или иной части статьи, исходя из прагматических соображений.

4. «Неприемлема практика публикации статей с сомнительным авторством».

Как уже говорилось выше (§ 3, п. 3), научные журналы не в состоянии отслеживать ситуацию с подлинностью авторского коллектива. Их задача – выявление и публикация сильных статей с новыми научными результатами. Слежка за возможными нарушениями авторства – это задача самих авторов, правоохранительных органов и отдельных бдительных, помогающих им академических работников.

5. «Редакции не должны ограничиваться автоматизированной проверкой на плагиат как для принятия статьи к публикации, так и для отказа в нем. Практика чисто автоматической проверки без участия экспертов вынуждает авторов, которые добросовестно оформляют все заимствования, вносить изменения в свои работы, отказываясь от правомерных заимствований».

Это положение справедливо. Однако оно упускает из виду важнейшее обстоятельство: именно автоматическая проверка на плагиат с помощью компьютеров позволяет авторам-плагиатчикам, хорошо владеющим информационными технологиями, практически полностью маскировать свои тексты, содержащие плагиат.

4. Положения, связанные с оценкой заимствований в диссертациях в рамках действующего законодательства

Проанализируем несколько положений из раздела «Оценка заимствований в диссертациях в рамках действующего законодательства» «Итогового документа» [см.: 4; 5].

1. «Оценка заимствований в диссертации не может зависеть от того, в какой части диссертации (введение, обзор, основная часть, заключение) обнаружен плагиат (неавторский текст, выдаваемый за авторский)».

С этим утверждением трудно согласиться. Академический плагиат – это, в первую очередь, присвоение чужих научных результатов, идей и т. д., а не чужих текстов. Но эти результаты и идеи содержатся обычно в основной части диссертации, а не в ее введении, обзоре или заключении. Поэтому на практике оценка заимствований в диссертации неизбежно зависит от того, в какой части диссертации обнаружено заимствование текста.

2. «Оценка заимствований в диссертации не может зависеть от того, установлен ли автор заимствованного фрагмента или речь идет о фрагменте, который, в свою очередь, мог быть заимствован у третьего лица».

Данное утверждение ошибочно. Действительно, если предполагаемый «подлинный» автор некоторого фрагмента в диссертации не установлен, его автором, в соответствии с принципом презумпции невиновности, должен быть признан сам автор диссертации. И на этом проблема возможного плагиата окончена.

3. «Наличие у диссертации каких-либо иных достоинств не может устранить дефект, связанный с нарушением любого из установленных в соответствии с законом требований».

Здесь составителей «Итогового документа» [см.: 4; 5] явно подвело отсутствие чувства меры. Действительно, представим себе диссертацию, содержащую признанное открытие, в которой в то же время обнаружены неточности в библиографических данных (неверно указан год издания, или издательство, или страница и т. д.). Стоит ли в этом случае придирааться к автору диссертации в связи с обнаруженными в ней дефектами или просто попросить его исправить дефекты и выразить благодарность за открытие? Ответ очевиден.

5. Предложения авторов «Итогового документа»

Некоторые из этих предложений вызывают возражения. Вот они.

1. «Лица, имеющие (имевшие) отношение к академическому плагиату, не должны допускаться к преподаванию, присуждению и лишению ученых степеней».

Данное предложение неработоспособно. Во-первых, не определено понятие «лица, имеющие отношение к академическому плагиату». Во-вторых, непонятно, кто именно наделен правом идентифицировать таких лиц. В-третьих, для недопущения к преподаванию лицо должно быть уволено с преподавательской должности, а для этого сначала надо доказать низкое качество его работы. В-четвертых, для недопущения к присуждению и лишению ученых степеней лицо должно быть выведено из состава диссовета, а для этого председатель совета должен обратиться в ВАК с предложениями об изменении состава совета и т. д.

2. «Множественная публикация статей должна влечь за собой публичное порицание, а созданные таким образом публикации – исключаться из всех учетных баз данных».

Это предложение неприемлемо. Согласно российскому законодательству об авторском праве, автор имеет право на обнародование своего произведения путем его опубликования никак не оговариваемое число раз (см. § 3). Таким образом, данное предложение фактически нарушает законные права авторов, более того, предлагает публично наказывать их, не имея на то достаточных оснований. Что касается предложения «исключать множественные публикации из всех учетных баз данных», то оно вызывает целый ряд неординарных мыслей. Например, исключить из всех учетных баз данных «Евгения Онегина» – ведь Александр Сергеевич Пушкин неоднократно его переиздавал, получая каждый раз немалые денежки фактически за одну и ту же работу.

3. «Максимальная объективность, беспристрастность и соответствие научной этике при рассмотрении заявлений о лишении ученых степеней в Президиуме ВАК может быть обеспечена путем участия в нем членов Президиума ВАК как можно более широкого круга научных специальностей».

Данное предложение сформулировано неточно. Дело не в широте круга специальностей членов Президиума ВАК, а в их порядочности. Широкий круг

специальностей членов Президиума ВАК не поможет, если эти члены не принципиальны и подвержены внешнему влиянию.

Заключение

Борьба с плагиатом и другими нарушениями академической этики (фальсификация, подлог, фиктивное авторство и т. д.) является важной и актуальной задачей российской науки. Для того чтобы добиться успеха в этой борьбе, российское научное сообщество должно консолидироваться и выступать как единое целое. Консолидация станет возможной, когда удастся создать некоторый нормативный документ об академической этике, приемлемый для подавляющего большинства научных работников. В ожидании этого момента необходимо постоянное обсуждение всех имеющихся в этой области предложений и учет всех имеющихся точек зрения.

Список литературы

1. Материалы международной научно-практической конференции «Проблемы качества научной работы и академический плагиат». Часть I. Пленарное заседание // Вольное сетевое сообщество «Диссернет». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.dissernet.org/publications/ivgi_rgggu_26.09.2018_itxt.htm (дата обращения 06.11.2018).

2. Материалы международной научно-практической конференции «Проблемы качества научной работы и академический плагиат». Часть II. Секция «Тексты» // Вольное сетевое сообщество «Диссернет». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.dissernet.org/publications/ivgi_rgggu_26.09.2018_ii.htm (дата обращения 06.11.2018).

3. Материалы международной научно-практической конференции «Проблемы качества научной работы и академический плагиат». Часть III. Секция «Журналы» // Вольное сетевое сообщество «Диссернет». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.dissernet.org/publications/ivgi_rgggu_26.09.2018_iii.htm (дата обращения 06.11.2018).

4. Материалы международной научно-практической конференции «Проблемы качества научной работы и академический плагиат». Итоговый документ // Вольное сетевое сообщество «Диссернет». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.dissernet.org/publications/ivgi_rgggu_26.09.2018_itog.htm (дата обращения 06.11.2018).

5. Заякин А. К итоговому документу Международной научно-практической конференции «Проблемы качества научной работы и академический плагиат» // Троицкий вариант. – № 22 (266). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://trv-science.ru/2018/11/06/k-itogovomu-dokumentu-conferencii-26-sep-v-rsuh/> (дата обращения 06.11.2018).

6. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Около 57000 слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – 16-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1984. – 798 с.

7. Словарь иностранных слов. – 18-е изд., стер. – М.: Русский язык, 1989. – 620 с.

8. Hornby A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. – Oxford: Oxford University Press, 1988. – 1041 p.

References

1. Materials of the International Scientific and Practical Conference “Problems of the Quality of Scientific Work and Academic Plagiarism”. Part I. Plenary Session [*Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii “Problemy kachestva nauchnoy raboty i akademicheskoy plagiata”*]. Chast I. Plenarnoe zasedanie]. Available at:

https://www.dissernet.org/publications/ivgi_rgggu_26.09.2018_itxt.htm (accessed 06 November 2018).

2. Materials of the International Scientific and Practical Conference “Problems of the Quality of Scientific Work and Academic Plagiarism”. Part II. “Texts” [*Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii “Problemy kachestva nauchnoy raboty i akademicheskoy plagiata”*]. Chast II. “Teksty”]. Available at: https://www.dissernet.org/publications/ivgi_rgggu_26.09.2018_ii.htm (accessed 06 November 2018).

3. Materials of the International Scientific and Practical Conference “Problems of the Quality of Scientific Work and Academic Plagiarism”. Part III. “Journals” [*Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii “Problemy kachestva nauchnoy raboty i akademicheskoy plagiata”*]. Chast III. “Zhurnaly”]. Available at: https://www.dissernet.org/publications/ivgi_rgggu_26.09.2018_iii.htm (accessed 06 November 2018).

4. Materials of the International Scientific and Practical Conference “Problems of the Quality of Scientific Work and Academic Plagiarism”. Final Document. [*Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii “Problemy kachestva nauchnoy raboty i akademicheskoy plagiata”*]. Itogovyy dokument]. Available at: https://www.dissernet.org/publications/ivgi_rgggu_26.09.2018_itog.htm (accessed 06 November 2018).

5. Zayakin A. To the Final Document of the International Scientific and Practical Conference “Problems of the Quality of Scientific Work and Academic Plagiarism” [K itogovomu dokumentu Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii “Problemy kachestva nauchnoy raboty i akademicheskoy plagiata”]. *Troitskiy variant* (Troitsky Option), № 22 (266). Available at: <https://trv-science.ru/2018/11/06/k-itogovomu-dokumentu-conferencii-26-sep-v-rsuh/> (accessed 06 November 2018).

6. Ozhegov S. I. Dictionary of the Russian Language: About 57 000 Words [*Slovar russkogo yazyka: Okolo 57000 slov*]. Moscow, Russkiy yazyk, 1984, 798 p.

7. Dictionary of Foreign Words [*Slovar inostrannykh slov*]. Moscow, Russkiy yazyk, 1989, 620 p.

8. Hornby A. S. *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*. Oxford, Oxford University Press, 1988, 1041 p.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК: 130.3

Богочеловек Ф. М. Достоевского и сверхчеловек Ф. Ницше*

Мефёд Марк Владиславович – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», кафедра философии, культурологии и социологии, бакалавр, Оренбург, Россия.

Email: fleainmyhead@gmail.com

460018, Россия, Оренбург, просп. Победы, д. 13,
тел.: +7 (3532) 77-67-70.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Содержательный разбор понятия сверхчеловека Ф. Ницше проводился и раньше. Ему были посвящены множество статей и в тот период, когда впервые вышли работы автора на западе, и когда российские философы в начале прошлого века открыли для себя этого автора. Понятие богочеловека Ф. М. Достоевского тоже было предметом исследования для многих, преимущественно русских религиозных философов.

Результаты: В процессе работы было выяснено: в концепции богочеловека утверждается, что смысл развития человеческой природы – в Боге, в приобщении к нему, в существовании человека с опорой на Бога и божественные заповеди. Во всем этом выражается, по мысли Ф. М. Достоевского, человеческая свобода. Сверхчеловек же, наоборот, – это человек, который отказался от Бога как гаранта нравственной жизни, но при этом не впал в животную дикость, а преодолел ее и начал самоопределяться, конструктивно преобразовывать себя и окружающую действительность. Основой для концептуального различия этих понятий служила почва, на которой они произрастали. У Достоевского это сам Бог, у Ницше – воля к власти. Можно выделить положительные черты, которые присущи сверхчеловеку: признание посюстороннего мира как единственного реально существующего и важного, свобода от догм христианства, которые сдерживали творческую свободу человека.

Область применения результатов: Актуальность нашего исследования обусловлена однозначно положительной презентацией религии, распространением мнения о ней как о чем-то необходимом и неизбежном. Эта точка зрения, на наш взгляд, во многом навязывается обществу. Представляется, что полученные результаты могут быть использованы в качестве аргументации противоположной позиции по данному вопросу.

* © М. В. Мефёд, 2019.

Выводы: Главным выводом из проделанной работы можно подытожить в утверждении: «Носителям разных, идейно противоположных взглядов нужно стараться понимать, что их мировоззрение не должно быть доминирующим. Они должны относиться терпимее к другим видениям этого мира». Второй, более частный вывод – своеобразная взаимосвязь, комплементарность концепций человека у Ф. М. Достоевского и Ф. Ницше. Первый разрабатывает подчеркнута религиозную, второй – подчеркнута светскую и антирелигиозную концепцию человека, пытаясь противоположными путями найти решения одних и тех же проблем человеческой личности в условиях европейской цивилизации XIX века.

Ключевые слова: богочеловек; человекобог; сверхчеловек; воля к власти; свобода.

Dostoevsky's Concept of "The God-Man" and Nietzsche's Concept of "The Overman"

Mefed Mark Vladislavovich – Orenburg State University, Department of Philosophy, Theory of Culture and Sociology, Bachelor of Arts, Orenburg, Russia.

Email: fleainmyhead@gmail.com

Prospekt Pobedy, 13, Orenburg, 460018, Russia,

tel.: +7 (3532) 77-67-70.

Abstract

Background: A substantive analysis of Nietzsche's concept of "the overman" was carried out before. Many articles were devoted to it when the author's works first appeared in the west and when Russian philosophers discovered this author for themselves at the beginning of the 20th century. Dostoevsky's concept of "the god-man" was also the subject of study for many philosophers, mostly Russian religious ones.

Results: In the course of the study, it was found out that Dostoevsky's concept of "the god-man" ascertains the fact that the meaning of the development of human nature is in God, in communion with God, in man's existence based on God and the divine commandments. In these ideas, according to F. M. Dostoevsky, human freedom is expressed. By contrast, the overman is a man who renounced God as the guarantor of moral life, but at the same time did not fall into animal wildness, but overcame this condition and began to self-determine, effectively transforming himself and the surrounding reality. The source of the conceptual difference of these ideas was the basis of their development. According to Dostoevsky, it is God, and according to Nietzsche, it is "the will to power". We have also identified the positive features that characterizes the overman: acceptance of this world as the only real and important one and freedom from the dogmas of Christianity, which restrain the creative freedom of man.

Research implications: The relevance of our research is due to the definitely positive presentation of religion, the spread of opinion about it as something

necessary and inevitable. This point of view, in our opinion, is partly imposed on society. It seems that the results obtained can be used as reasoning opposite position on this issue.

Conclusion: The following statement can be considered the main conclusion of the work done: “Bearers of different, ideologically opposing views have to understand that their conception of the world should not be dominant. They need to be more tolerant of other’s visions of this world”. The second, more special conclusion is a peculiar interconnection, the complementarity of F. M. Dostoevsky and F. Nietzsche’s concepts. The first philosopher develops an emphatically religious, the second one – an emphatically secular and anti-religious concept of man. They try in opposite ways to find solutions to the problems of personality in the 19th century European civilization.

Keywords: god-man; man-god; overman; will to power; freedom.

Актуальность настоящей статьи обусловлена нынешней политической риторикой российского государства. Оно пытается абсолютно всем навязать свою установку, касающуюся религии в целом и религиозного сознания в частности, являясь при этом институтом светским. Церковь же тем самым начинает играть заметную роль в политической жизни страны или, по крайней мере, пытается это сделать. Л. С. Васильев говорит о том, что православная церковь сейчас хочет вернуть себе утраченный политический и экономический вес [см.: 3, с. 102].

Мы же на примере двух противоположных концептов ярких и своеобразных мыслителей XIX века хотим показать то, каким человеческое существо представляется человеку верующему, а также то, что этот человек может существовать и без религии.

Самым ярким произведением Ф. М. Достоевского, вершиной его творчества, как мы считаем, является роман «Братья Карамазовы», написанный им на закате жизни. Здесь в форме развернутой метафоры во время диалога дух братьев Ивана Карамазова и Алёши Карамазова выстраивается соотношение между понятиями богочеловека и человекобога. Иван рассказывает своему брату легенду о Великом Инквизиторе, через которую и происходит осмысление писателем этих двух концептов [см.: 4].

По поводу данной легенды Н. А. Бердяев говорит: «“Легенда о Великом Инквизиторе” – вершина творчества Достоевского, увенчание его идейной диалектики. В ней нужно искать положительное религиозное мирозерцание Достоевского. В ней сходятся все нити, и разрешается основная тема, тема о свободе человеческого духа» [1]. Кроме того, здесь сталкиваются понятия с противоположными идейными зарядами: «свобода и принуждение, вера в Смысл жизни и неверие в Смысл, божественная любовь и безбожное сострадание к людям, Христос и антихрист» [1].

Человека все время кто-то тянет на свою сторону – это или Великий Инквизитор, или Иисус Христос. Христианство представляется Достоевскому религией, в которой формируется образ богочеловека. Великий же Инквизитор

отрицает богочеловека, который является местом соединения божественного и человеческого начала в свободе. Человек не выдерживает тяжелой ноши, великого испытания этой духовной свободы. Он требует удовлетворения желаний мирских, жаждет, чтобы зарезанный встал и обнялся с убившим его здесь и сейчас [см.: 4]. Добрая христианская свобода тяготит его, поэтому он и отрекается от нее.

Отказываясь от христианской свободы, человек отрекается как от трех искушений Христа, так и от тех положений, которые из них логически следуют.

Во-первых, Иисус «не захотел лишить человека свободы и отверг предложение» [4, с. 275] об обращении камней в хлеба. Он посчитал, что это уже не свобода, раз подчинение куплено материальной вещью. Да и не одним хлебом жив человек. Великий Инквизитор в ответ на это говорит, что «свобода и хлеб земной вдоволь вместе не мыслимы» [4, с. 275], поэтому рано или поздно человек, устав от тяжелой ноши свободы, попросит Антихриста поработить его, но при этом прокормить.

Во-вторых, искушение гордыней ничему не учит людей. Когда страшный дух сказал: «если Ты Сын Божий, бросься вниз, ибо написано: Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнёшься о камень ногою Твоею» (Мф. 4:6), то Христос не стал бросаться вниз, ибо потерял бы всю веру в Господа. А если бы сошел вниз, то поработил человека чудом, а этого он не хотел. Великий Инквизитор переманивает на свою сторону человека, основывая подвиг Иисуса на «чуде, тайне и авторитете», снимая с людей тем самым «страшный дар» [4, с. 279].

Третье же искушение заключается в искушении веры. Великий Инквизитор предлагает взять меч кесаря и, таким образом, «восполнить все, чего ищет человек на земле, то есть: пред кем преклониться, кому вручить совесть и каким образом соединиться наконец всем в бесспорный общий и согласный муравейник» [4, с. 280]. Но и здесь Христос непоколебим, ибо служит одному Ему (Лк. 4:8).

И вот, отойдя от заветов Христа и встав на сторону Великого Инквизитора, человек превращается из богочеловека в человекобога, который желает только хлеба земного, хочет лишь разнообразных чудес и теряет свободу и веру, переставая думать о Боге.

Таким образом, человек, стремящийся к человекобожеству, отражается в глазах Достоевского как падшее животное. Так как, оказавшись во власти Великого Инквизитора, человек начинает на основе своего собственного своеволия противостоять Господу, ибо его душу греет идея о том, что он сам себе бог. Однако эта борьба оборачивается лишь поработением: человек становится рабом антихриста.

Встав на сторону Антихриста, человек лишается божественной свободы, поэтому начинает руководствоваться своей собственной. Он превращается в самостоятельную тварь, которая живет, удовлетворяя сиюминутные и постоянно меняющиеся потребности. Великий Инквизитор, позволяя людям грешить («мы разрешим им грех, они слабы и бессильны, и они будут любить нас как дети за то, что мы им позволим грешить» [4, с. 281]), делает их

независимыми от нравственных норм. Эта независимость оборачивается для человекобога проблемой выбора между добром и злом. Так как человек отрекся от бытия, то есть от Бога, он потерял надежную точку опоры и теперь не знает, где хорошее, а где плохое.

Выходит, что человекобог – это индивидуалист. В. С. Соловьев пишет по этому поводу: «Я для себя – бог; все для меня имеет значение лишь как мое средство; я не признаю в другом лице границы своего эгоизма: единственная граница для меня есть граница моего могущества» [14, с. 97]. Исходя из этого, выбор между нравственным долгом и личным счастьем разрешается в пользу последнего. А раз человекобог нацелен только на себя, стремясь максимально расширить свои права и свободы, то это несет с собой распад общества, по выражению М. Уэльбека [см.: 15], на «элементарные частицы»; на общество, в котором каждый сам за себя. Правда, критика Уэльбека направлена на экономический либерализм, однако в данном случае содержательно происходит примерно то же самое, что и тогда, когда человек у Достоевского отрекается от Бога.

Еще одним примером демонстрации неправильного жизненного направления является роман «Бесы». Здесь Кириллов идет по пути человекобога. Атмосфера Апокалипсиса концентрированно выражена в этом персонаже.

В «Бесах», по мысли Бердяева, «ставится последняя проблема человеческой судьбы» [1]. «Будет новый человек, счастливый и гордый, – говорит Кириллов, как бы в бреду, – кому будет все равно: жить или не жить, тот будет новый человек. Кто победит боль и страх, тот сам бог будет. А тот Бог не будет» [5, с. 289]. «Кто смеет убить себя, тот Бог. Теперь всякий может сделать, что Бога не будет и ничего не будет» [5, с. 290]. Кириллов верит не в жизнь на небесах, а в земную вечную жизнь. Для него «мир закончит» тот, кому имя будет «человекобог». «Богочеловек?» – переспрашивает Ставрогин. «Человекобог, – отвечает Кириллов, – в этом разница» [6, с. 31]. Кириллов реализует этим поступком свою волю, то есть самоубийством он отдается в руки не божественной свободе, а своеволию.

Таким образом, в своем творчестве Достоевский продемонстрировал, что идея человекобога является только бунтом против божественной природы, присущей человеку.

Но у Достоевского есть альтернатива этому пути – путь богочеловечества, который противопоставляем человекобожью. Он имеет в себе смысл развития человеческой природы в Боге, в приобщении к нему.

Сопоставляя между собой эти два понятия в своих произведениях, мыслитель пытается определить меру онтологической самостоятельности человека. В конечном итоге он приходит к утверждению, что человек обретает свою реальную, истинную природу или бытие только посредством Божьих благ. Как пишет А. Л. Панищев, «только будучи мыслимым Богом через собственное помышление о Нем, через собственную веру в Него и через самоидентификацию своей самости с ним, человек обретает реальное вневременное онтологическое содержание» [13].

Приобщение человека к Богу возможно с помощью познания Христа. Христос, будучи единосущ вечному Отцу, является неким проводником и тропинкой, соединяющей вещественный мир с потусторонним, так как в нем содержатся обе природы: и человеческая, и божественная.

Богочеловек, таким образом, воссоединяется вне времени с Богом, к образу которого обращается непосредственно через Христа и ниспосланную им свободу.

Эта свобода, по мнению писателя, есть свобода человеческого духа, свобода совести. Христианство обращается к великому и всеобъемлющему понятию богочеловека и ждет от него исполнения заветов Христа. Богочеловек реализовывает все наставления Учителя и принимает всецело даруемую свободу.

А раз богочеловек следует заповедям, то счастье оказывается основанным на вере во всеобщее воскресение и преображение. Поэтому-то для него «личное счастье есть исполнение нравственного долга любви к ближнему, служения духу, а не плоти» [8].

В системе взглядов Достоевского богочеловек – это тот, кто верит в Бога, и тот, кто верит в самого человека, а также принимает полностью ту свободу, которой наделяет его Господь, и несет с огромной радостью и трепетом в сердце эту непосильную ношу.

Идея человекобога широко распространилась в западной философии Нового времени, так как в ней, говоря словами Ф. М. Достоевского, «умертвили бога». Человекобожеская цивилизация, по мнению великого русского писателя, придерживается установки индивидуальной ответственности: «каждый отвечает только за себя и за свою персонифицированную вину», как пишет Задворнов [8]. Идея же богочеловека несет с собой смысл того, что человек действует и живет через святость, принцип которой выражен в словах Дмитрия Карамазова: «Все за всех виноваты» [4, с. 633].

Мировоззренческие основания человекобога закладывались в европейском философском сознании, богочеловека – в русском. Если говорить о сверхчеловеке Ф. Ницше, то, как нам представляется, этот концепт является тем самым человекобогом, правда, моментами содержательно измененным.

Главной отличительной чертой концептов богочеловека и сверхчеловека является почва, на которой они произрастают. Разберемся же в том, что собой представляет эта почва.

Достоевский – это человек, строго придерживающийся христианских взглядов. Его мировоззрение религиозно по своей сути. Следовательно, и онтология его будет исходить из положений религии, являться религиозной.

В онтологии писателя подлинным бытием является Бог, как и в религиозных взглядах любого другого верующего. Категория бытия имеет психологическое значение, под которым подразумевается нравственный порядок. А это значит, что раз бытие есть Бог, то он и олицетворяет собой нравственный порядок, идеал. И раз так, то богочеловек Достоевского опирается на этот идеал, на божественное бытие. Богочеловек живет в нем,

самоопределяется через него, действует в соответствии с его законами и вообще все свое существование строит, опираясь и отталкиваясь от Бога.

У Ницше же сверхчеловек опирается на другую категорию, которая лежит в основе взглядов мыслителя; он воплощает в жизнь самого себя, отталкиваясь от воли к власти как от жизненного принципа, как от иррационального, имманентного и естественного начала всего того, что есть в мире.

Воля к власти для него равна воле к жизни или, если быть еще точнее, утверждению своей жизни. По этому поводу философ говорит: «Когда власть над природой добыта, то этой властью можно воспользоваться, чтобы трудиться над дальнейшим развитием самого себя: воля к власти как самоповышение и усиление» [12, с. 185].

Жизнь для мыслителя есть становление, которое присуще всему сущему. И познать ее можно только как становление. Становление жизни для него – это постоянная напряженная борьба, в которой нужно каждый раз выстаивать. Чтобы существовать, необходимо каждый раз прилагать к этому усилия. Ибо все, что стремится к жизни, хочет жить, должно обладать стремлением и усилием для того, чтобы каждый раз совершать этот акт борьбы. *Вот эту жажду человеческого становления, самосовершенствования, самореализации и самоактуализации человеческого существования мыслитель и схватывает в понятии воля к власти; жажду, когда человек призван сам управлять своими желаниями, тогда он должен хотеть властвовать над этой жизнью, принимать решения, исходя из собственных побуждений.*

Таким образом, отличие содержания рассматриваемых понятий состоит в разных онтологических основаниях, задаваемых в соответствии со взглядами их создателей. У Достоевского основа и начало всего – это Бог; у Ницше же – воля к власти.

С точки зрения Достоевского, сверхчеловек Ницше, являющийся, как мы выше упомянули, усовершенствованным образом человекобога, предстает ничтожной тварью. Это имеет место потому, что сверхчеловек отказывается от Бога, то есть в системе русского писателя он тем самым отвергает свою подлинную природу. Однако для сверхчеловека это не проблема, ибо одной из его задач является переоценка всех ценностей, которая невозможна при наличии Бога, являющегося их гарантом, ведь «Бог – наименование сферы идеи, идеалов» [18]. «Бог умер! Бог не воскреснет!» – говорит Ницше, добавляя, что «вера в христианского бога стала чем-то не заслуживающим доверия» [10].

Ницше атакует христианскую мораль и хочет представить человеческой подлинности новые требования. То, чем раньше являлась свобода, становится в его понимании «творчеством». На место долга он ставит животную «природу», место христианской милости божьей и избавления от греха занимает «невинность становления» человека. И напоследок, как пишет К. Ясперс, на место того, что общезначимо для людей, он ставит историческую индивидуальность [см.: 19].

С. П. Знаменский считает, что по своей сути учение Ницше о сверхчеловеке представляет собой критику «ненормальностей современного

уклада нравственной жизни» [9, с. 929], а также попытку указать «нормальный строй практической жизни и свойства истинной нравственности» [9, с. 929]. Ненормальный уклад нравственной жизни и основывался на христианской морали, от которой Ницше решает избавиться, о чем мы написали выше.

Однако эта революция, переоценка старых ценностей открывает новую опасность. Смерть Бога, победа над ним приносит еще более сильного врага – Ничто. Тотальный европейский нигилизм – «мировой яд» [7], по меткому замечанию Дугина, от которого тоже нужно избавиться и который нужно преодолеть. Собственно, сверхчеловек и делает это – или, по крайней мере, пытается сделать. На пустом месте после избавления от всех врагов он стремится установить новые ценности и законы, открывая тем самым новый путь, новую истину.

Казалось бы, что теперь, без Бога, человек станет полностью невоздержанным и распущенным, будто животное. Но в противовес этому мнению М. Хайдеггер пишет, что «сущность сверхчеловека – это не охранная грамота для буйствующего произвола. Это основанный в самом же бытии закон длинной цепи величайших самопреодолений, в течение которых человек постепенно созревает для такого сущего, которое как сущее всецело принадлежит бытию – бытию, что выявляет свою сущность воления как воля к власти» [18]. Продолжая мысль Хайдеггера, Знаменский указывает, что «идеалом практической деятельности, опирающейся на неиспорченные, природные инстинкты человека, является осуществление этого основного стремления человеческой природы», то есть воли к власти, которая проявляется во все своей полноте и совершенстве [9, с. 941].

Ницше пишет, что для улучшения природы человека нужно следовать «голосу здорового тела» [11, с. 22], то есть воли к власти – и это не означает возврат человека к животному состоянию. Это, наоборот, преодоление человеком животного в себе. Вместо того, чтобы утратить инстинкты и желания, сверхчеловек контролирует их, творя посредством этого сам себя. Он борется за человеческое в себе, в отличие от человека старого типа. Именно поэтому сверхчеловек есть нигилистично-историческая «сущность человечества, которое по-новому мыслит себя самого, то есть в данном случае как человечество, желающее именно себя», подчеркивает Хайдеггер [18, с. 257].

Таким образом, сверхчеловек предстает перед нами как «формальный нравственный образ» [16, с. 640], как нравственный идеал, по мнению С. Л. Франка. Он призывает людей к тому, чтобы преодолеть хотя бы частично самих себя. У Ницше он служит «тем безумием, которое должно быть привито людям», чтобы внушить всему обществу и каждому в отдельности жажду морального и интеллектуального самосовершенствования, приближающего человечество к этому образу.

Таким образом, по Ницше, человек ничего не сможет создать великого без сильных, подобных животным, страстей, без воли к власти. Только когда действия индивида основаны на нравственных импульсах, тогда они могут стать движущими моральными элементами.

Альтернативный подход Ницше заключается как раз в том, что если в системе Достоевского человек может потерять и в конечном итоге теряет все, отказавшись от Бога, то сверхчеловек только-только начинает с этой ступени свой путь наверх, к совершенству.

Сверхчеловек не впадает в отчаяние после смерти создателя. Он, говоря всему «да», теперь сам хочет действовать в своей жизни без опоры на постулаты религии.

Положительными аспектами этого преодоления являются следующие положения.

Во-первых, отказ от религии направляет взгляд сверхчеловека с потустороннего мира на посюсторонний. Он начинает заботиться не о своем неизвестном будущем, а о том, что происходит здесь и сейчас. Вместо отрицания этого мира он, наоборот, пытается им завладеть. Вместо презрения к своему телу и восхваления духа он превозносит тело, о чем мы говорили выше во втором разделе, и утверждает свои духовные потенции с помощью воли к власти.

И, во-вторых, свобода от оков христианства, которые сдерживали человека несколько тысячелетий, дарует свободу для раскрытия всех творческих потенций человека без рамок и ограничений.

* * *

На примере концептов Ф. М. Достоевского и Ф. Ницше было показано, что люди с соответствующими типами мировоззрения могут не понимать друг друга. Однако им следует быть более терпимыми по отношению друг к другу, принимая тот факт, что мы живем в мире, где господствует плюрализм. Государству тоже следует это понять и принять во внимание тот факт, что в нем живут люди с разными мировоззренческими установками.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского // Библиотека Русской религиозно-философской и художественной литературы «Вехи». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/berdyaev/dostoevsky/08.html> (дата обращения: 20.03.2019).
2. Библия: книги Священного Писания Ветхого и Нового завета. – М.: Российское Библейское общество, 1994. – 1378 с.
3. Васильев Л. С. История религий: в 2 т. // Т. 2: История религий. – М.: КДУ, 2016. – 432 с.
4. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 832 с.
5. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 12 т. // Т. 7: Село Степанчиково и его обитатели; Бесы; часть I. – М.: Мир книги, Литература, 2008. – 384 с.
6. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 12 т. // Т. 8: Бесы; части II и III. – М.: Мир книги, Литература, 2008. – 416 с.

7. Дугин А. Г. Фридрих Ницше – путь к Сверхчеловеку // Фридрих Ницше – 6000 футов над уровнем человека. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nietzsche.ru/biograf/analiz/dugin/> (дата обращения: 20.03.2019).
8. Задворнов А. Н. Человекобог и богочеловек: союз или противостояние // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2014. – Т. 2. – № 4. – С. 110–117.
9. Знаменский С. П. «Сверхчеловек» Ницше // Ницше: Pro et contra: Антология; под ред. Ю. В. Синеокой. – СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2001. – С. 924–965.
10. Ницше Ф. Веселая наука // Фридрих Ницше – 6000 футов над уровнем человека. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nietzsche.ru/works/main-works/svasian/> (дата обращения: 20.03.2019).
11. Ницше Ф. Собрание сочинений: в 5 т. // Т. 3: Так говорил Заратустра; По ту сторону добра и зла. – СПб.: ООО «Издательство «Пальмира»; М.: ООО «Книга по Требованию», 2017. – 480 с.
12. Ницше Ф. Собрание сочинений: в 5 т. // Т. 4: Воля к власти. – СПб.: ООО «Издательство «Пальмира»; М.: ООО «Книга по Требованию», 2018. – 382 с.
13. Панищев А. Л. Русский Ренессанс: человек между Богом и бесом. – М.: Академия естествознания, 2007. – 232 с.
14. Соловьев В. С. Сочинения: в 2 т. // Т. 2. – М.: Мысль, 1990. – 762 с.
15. Уэльбек М. Элементарные частицы. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – 384 с.
16. Франк С. Л. Фр. Ницше и этика «любви к дальнему» // Ницше: Pro et contra: Антология; под ред. Ю. В. Синеокой. – СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2001. – С. 598–648.
17. Хайдеггер М. Ницше: в 2 т. // Т. 2. – СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2007. – 455 с.
18. Хайдеггер М. Слова Ницше «Бог мёртв» // Фридрих Ницше – 6000 футов над уровнем человека. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nietzsche.ru/look/xxa/heider/> (дата обращения: 20.03.2019).
19. Ясперс К. Ницше. Введение в понимание его философствования. – СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2003. – 629 с.

References

1. Berdyaev N. A. World View of Dostoevsky [*Mirosozertsanie Dostoevskogo*]. Available at: <http://www.vehi.net/berdyaev/dostoevsky/08.html> (accessed 20 March 2019).
2. The Bible. Books of the Scripture of the Old and New Testaments [*Bibliya. Knigi svyaschennogo pisaniya Vetkhogo i Novogo zaveta*]. Moscow, Rossiyskoe Bibleyskoe Obschestvo, 1994, 1378 p.
3. Vasilyev L. S. History of Religions [*Istoriya religiy*]. *Istoriya religiy, Tom 2* (History of Religions. Vol. 2). Moscow, KDU, 2016, 432 p.
4. Dostoevsky F. M. The Brothers Karamazov [*Bratya Karamazovy*]. Saint Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus, 2016, 832 p.

5. Dostoevsky F. M. Demons [Besy]. *Sochineniya. Tom 7* (Works. Vol. 7). Moscow, Mir knigi, Literatura, 2008, 384 p.
6. Dostoevsky F. M. Demons [Besy]. *Sochineniya. Tom 8* (Works. Vol. 8). Moscow, Mir knigi, Literatura, 2008, 416 p.
7. Dugin A. G. Friedrich Nietzsche – The Way to Overman [Fridrikh Nitsshe – put k Sverkhcheloveku]. Available at: <http://www.nietzsche.ru/biograf/analiz/dugin/> (accessed 20 March 2019).
8. Zadvornov A. N. Man-God and God-Man: Union or Standoff [Chelovekobog i bogochelovek: soyuz ili protivostoyanie]. *Vestnik LGU imeni A. S. Pushkina* (Bulletin of Pushkin Leningrad State University), 2014, Vol. 2, № 4, pp. 110–117.
9. Znamenskiy S. P. Nietzsche’s Idea of “The Overman” [“Sverkhchelovek” Nitshe]. *Nitshe: Pro et contra: Antologiya* (Nietzsche: Pro et Contra: Anthology). Saint Petersburg, Izdatelstvo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta, 2001, pp. 924–965.
10. Nietzsche F. The Gay Science [Veselaya nauka]. Available at: <http://www.nietzsche.ru/works/main-works/svasian/> (accessed 20 March 2019).
11. Nietzsche F. Thus Spoke Zarathustra; Beyond Good and Evil [Tak govoril Zarathustra; Po tu storonu dobra i zla]. *Sochineniya. Tom 3* (Works. Vol. 3). Saint Petersburg, Izdatelstvo Palmira; Moscow, Kniga po Trebovaniyu, 2017, 480 p.
12. Nietzsche F. The Will to Power [Volya k vlasti]. *Sochineniya. Tom 4* (Works. Vol. 4). Saint Petersburg, Izdatelstvo Palmira; Moscow, Kniga po Trebovaniyu, 2018, 382 p.
13. Panishev A. L. Russian Renaissance: A Man between God and a Demon [Russkiy Renessans: chelovek mezhdru Bogom i besom]. Moscow, Akademiya estestvoznaniya, 2007, 232 p.
14. Solovyov V. S. Works [Sochineniya]. *Sochineniya. Tom 2* (Works. Vol. 2). Moscow, Mysl, 1990, 762 p.
15. Houellebecq M. The Elementary Particles [Elementarnye chastitsy]. Saint Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus, 2014, 384 p.
16. Frank S. L. Nietzsche and the Ethics of “Love for the Person Who Are Far Away” [Nitshe i etika “lyubvi k dalnemu”]. *Nitshe: Pro et contra: Antologiya* (Nietzsche: Pro et Contra: Anthology). Saint Petersburg, Izdatelstvo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta, 2001, pp. 598–648.
17. Heidegger M. Nietzsche [Nitshe]. *Sochineniya. Tom 2* (Works. Vol. 2). Saint Petersburg, Izdatelstvo “Vladimir Dal”, 2007, 455 p.
18. Heidegger M. Nietzsche’s Words “God Is Dead” [Slova Nitshe “Bog mertv”]. Available at: <http://www.nietzsche.ru/look/xxa/heider/> (accessed 20 March 2019).
19. Jaspers K. Nietzsche: An Introduction to the Understanding of His Philosophical Activity [Nitshe. Vvedenie v ponimanie ego filosofstvovaniya]. Saint Petersburg, Vladimir Dal, 2003, 629 p.

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

УДК 51 (091)

Выдающийся философ и организатор отечественной науки Софья Александровна Яновская*

Левин Виталий Ильич – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пензенский государственный технологический университет», доктор технических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, заслуженный деятель науки РФ, Пенза, Россия.

Email: vilevin@mail.ru
440039, Пенза, пр. Байдукова, 1-а,
тел.: +7 (8412) 49-55-35.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Софья Александровна Яновская – известный ученый и педагог в области логики и философии – пользовалась при жизни большим уважением как среди коллег, так и среди партийно-государственных кругов страны. Но после ее смерти в 1966 г. появились слухи о неподобающем ее поведении в период Гражданской войны, где она воевала на стороне красных и якобы участвовала в «красном терроре», и в 1930-е гг., когда она якобы участвовала в «погромах» старых профессоров. В связи с этим возникла проблема проверки обоснованности указанных обвинений против С. А. Яновской.

Результаты: На основе проведенных исследований было установлено следующее.

1) Не известны какие-либо факты, которые подтверждают выдвигавшиеся против С. А. Яновской обвинения.

2) Отсутствуют свидетельства реальных, заслуживающих доверия лиц, подтверждающих эти обвинения.

3) Имеется ограниченное число работ, обосновывающих эти обвинения, однако обоснования в них логически несостоятельны.

4) Большинство работ, содержащих обвинения против Яновской, даже не пытаются обосновать их, а лишь ссылаются на другие работы с голословными обвинениями, убеждая, что им следует верить.

Область применения результатов: Полученные результаты должны учитываться:

- в следующих работах, посвященных научной биографии С. А. Яновской;
- в новых обобщающих работах по истории математики и логики в России и мире;

* © В. И. Левин, 2019.

– в аналогичных работах по общей истории науки.

Выводы: С. А. Яновская занимала особое положение в советской научно-педагогической иерархии, т. к. была не только ученым и педагогом, но и представителем коммунистической партии в математическом сообществе. Она придерживалась марксистских взглядов на науку, в частности, на математику, но всегда защищала науку и ученых от давления со стороны партии и государства. С. А. Яновская сыграла выдающуюся роль в ознакомлении советских специалистов с новейшими логико-математическими работами западных ученых-классиков. Однако ее взгляды, в сочетании с большим уважением к ней со стороны крупных математиков, вызывали раздражение некоторых других ученых. Этим, по-видимому, объясняются выдвигавшиеся против нее обвинения.

Ключевые слова: С. А. Яновская; математика; логика.

Outstanding Philosopher and Organizer of National Science Sofya Alexandrovna Yanovskaya

Levin Vitaly Ilich – Penza State Technological University, Doctor of Engineering, Professor, Leading Researcher, Honored Worker of Science of Russian Federation, Penza, Russia.

Email: vilevin@mail.ru

1-a, pr. Baidukova, Penza, 440039, Russia,

Phone: +7 (8412) 49-55-35.

Abstract

Background: Sofya Alexandrovna Yanovskaya, a famous scientist and teacher in the field of logic and philosophy, enjoyed great respect during her life both among her colleagues and among the party and state circles of the country. But after her death in 1966, rumors appeared about her inappropriate behavior during the Civil War, where she fought on the Red side and allegedly participated in the “red terror”, and in the 1930s, when she allegedly participated in the “pogroms” of the old professors. In this regard, there was a problem of checking the validity of these charges against S. A. Yanovskaya.

Results: On the basis of research, the following was established.

1) No facts are known which confirm the advances against S. A. Yanovskaya charges.

2) There is no evidence of real, trustworthy persons confirming these allegations.

3) There are limited number of papers that substantiate these allegations, but the rationale behind them is logically untenable.

4) Most of the works containing charges against S. A. Yanovskaya, they don't even try to substantiate them, but only refer to other works with unsubstantiated accusations, convincing the reader that they should believe.

Research implications: The results obtained should be used:

- in subsequent works on the scientific biography of S. A. Yanovskaya;
- in new generalizing works on history of mathematics and logic in Russia and the world;
- in similar works on the general history of science.

Conclusion: S. A. Yanovskaya held a special position in the Soviet scientific and pedagogical hierarchy, since was not only a scientist and teacher, but also a representative of the Communist Party in the mathematical community. She adhered to Marxist views on science, in particular, on mathematics, but always defended science and scientists from pressure from the party and the state. S. A. Yanovskaya played a prominent role in familiarizing Soviet scientists with the latest logical-mathematical works of Western classic scientists. However, her views combined with great respect for her by the great mathematicians, irritated some other scientists. This, apparently, explains the charges against her.

Keywords: S. A. Yanovskaya; mathematics; logic.

Введение

Софья Александровна Яновская (1896–1966) – широко известный ученый и педагог в области математической логики, философии и оснований математики. Имя ее как специалиста не нуждается в представлении: освещению ее научной, педагогической и организационной деятельности посвящены десятки статей и книг. Также сохранилось множество воспоминаний об этом замечательном человеке, принадлежащих перу ее друзей и учеников [см.: 1–9]. Однако в российской научной литературе и, в ещё большей степени, околонучном фольклоре существуют прямо противоположные оценки С. А. Яновской как человека и общественного деятеля. В этих оценках ей инкриминируют участие в Гражданской войне на стороне большевиков. Утверждается, что она служила в Красной Армии комиссаром, носила наган и пускала его в ход, если это требовалось. Более того, ее обвиняют в том, что она в 1920-е – 1930-е годы участвовала в «погромах» ученых старой формации, не разделявших марксистско-ленинскую идеологию. Эти погромы устраивались новой властью с целью обеспечить свой контроль над наукой и высшей школой. Все эти обвинения ставят под вопрос репутацию ученого и настоятельно требуют ответа.

1. История вопроса

Софья Александровна Яновская пользовалась при жизни большим уважением как среди коллег-профессионалов, математиков и логиков, так и среди партийно-государственных кругов страны [см.: 9]. Положение изменилось после смерти Софьи Александровны в 1966 году. Тогда в академической среде стали появляться слухи о якобы неподобающем ее поведении в период Гражданской войны. Ученица С. А. Яновской Зинаида Андреевна Кузичева в июне 2006 года рассказала автору, что «Софья Александровна служила в Гражданскую войну большевикам, ходила с наганом и, не задумываясь, пускала его в ход, когда требовалось. Но впоследствии она

раскаялась и, искупая свою вину, стала совсем другим человеком, таким, какой мы ее знали». Через четыре года, в июне 2010 года, Зинаида Андреевна поправила свои воспоминания, рассказав мне, что «впервые услышала о Софье Александровне – комиссаре от одного человека в конце 1960-х гг.; он сказал, что она ходила тогда (в Гражданскую войну) с большим пистолетом, но ничего насчет «пускала в ход, когда требовалось», он не говорил; однако и тому, что он сказал, я не поверила, т. к. он был человек очень язвительный». Значительно позже слухов о якобы неподобающем поведении Яновской в период Гражданской войны начали появляться слухи о якобы ее участии в 1930-е годы в «погромах» ученых старой, дореволюционной формации, выступавших против навязываемой сверху марксистско-ленинской идеологии. Все эти слухи в отношении С. А. Яновской не сопровождались приведением каких-либо доказательств неподобающего ее поведения: засвидетельствованных фактов, логических рассуждений и т. д. Они оставались слухами, не переходящими в публикации, в течение 30 лет – с 1966 до 1996 года. Столь длительный период, в течение которого недоброжелатели С. А. Яновской и критически настроенные к ней исследователи предпочитали «держатъ фигу в кармане», объясняется, видимо, двумя обстоятельствами. Во-первых, у всех этих людей не было весомых доказательств их обвинений в адрес Софьи Александровны Яновской. Во-вторых, и это главное, в этот период были ещё живы ее многочисленные друзья и коллеги, знакомые с ней ещё со времен Гражданской войны, которые могли свидетельствовать в ее пользу и дать отпор обвинениям.

Положение изменилось уже в 1996 г., спустя 30 лет после смерти С. А. Яновской. В этом году отмечалось 100-летие со дня ее рождения, проводились юбилейные мероприятия, специальные юбилейные издания. И люди, которые долго дожидались подходящего момента, решили, что он настал, и принялись писать в журналы то, что раньше циркулировало лишь на уровне слухов. И у этих писаний нашлось немало читателей. Первой заметной публикацией, в которой открыто говорилось о якобы неблагоприятном поведении С. А. Яновской в 1930-е гг., была статья историков науки И. Г. Башмаковой и С. С. Демидова и математика В. А. Успенского [см.: 10] (первая и третий – ученики С. А. Яновской!). В этой статье авторы пишут: «Новая власть ставила под свой контроль науку и высшую школу, одной из главных задач была борьба с реакционной профессурой, утверждение пролетарского студенчества, внедрение в студенческую и профессорскую среду единственно верной марксистско-ленинской идеологии. Все это сопровождалось шумными пропагандистскими кампаниями, чистками и поисками врагов. Особая роль в этих мероприятиях отводилась так называемым “красным профессорам” (выпускникам Института красной профессуры) – членам большевистской партии, носителям новой, марксистской идеологии. Они должны были выступать не только рупором новой идеологии и политики, но и быть зоркими стражами, не допускающими идеологической крамолы, выявляющими и обличающими ее, в каком бы виде – даже самом невинном она ни появлялась. Эта “борьба” нередко заканчивалась в застенках ОГПУ. К числу “красных профессоров” в Московском университете относились и С. А. Яновская.

Многие ее поступки в эти годы кажутся нам непонятными. Ведь она вместе с Э. Кольманом – одной из наиболее одиозных фигур в советской науке тех лет – громила “реакционную профессию” и способствовала созданию тяжелой атмосферы вокруг ряда известных математиков (например, Д. Ф. Егорова, арест которого последовал в 1930 г.)».

В этом отрывке авторы статьи пытаются представить С. А. Яновскую как погромщика старых профессоров, используя в качестве единственного аргумента то, что она была «красным профессором». Однако из логики хорошо известно, что такой аргумент считается логической ошибкой, называемой «ссылкой в споре на личные качества противника». Не случайно авторы не приводят ни одного конкретного случая «погрома», учиненного Яновской – одни только слова.

Ещё дальше указанных авторов пошел философ В. А. Бажанов. В своей работе [11] он писал: «Беспристрастный подход к истории науки требует... не только перечисления заслуг ученого, а описания творческой эволюции во всем многообразии красок – как белых, так и черных, свидетельствующих о сути эпохи, о силе и интеллектуальном мужестве тех, кто смог подняться над нею и создать предпосылки для прорыва в иную эпоху. Как произошло, что ученый, придерживавшийся в достаточно зрелом возрасте марксистско-ленинской идеологии в ее более чем ортодоксальном, воинственном варианте, сурово клеймивший в 1930-х гг. своих идеологических противников и рассматривавший их фактически как врагов, как этот ученый смог стать человеком, сознательно, последовательно и энергично возрождавшим то, что только что им разрушалось». В этом воодушевляющем отрывке поражает то, что его автор не считает необходимым хоть как-то обосновать свои утверждения. Например, привести хотя бы пару случаев разрушения (чего? когда?) и возрождения (чего? когда?). Вот ещё один интересный отрывок из той же работы [11]: «Революция докатилась, наконец, и до Института математики и механики, руководство и методы которого были коренным образом изменены [Яновская 1930]. Эта статья Яновской вышла в майской книжке журнала «Под знаменем марксизма», а осенью этого года глава «Московской школы» Д. Ф. Егоров был сослан в Казань, где через год скончался». Очевидно, что здесь С. А. Яновская обвиняется в соучастии в преследованиях и смерти Д. Ф. Егорова. Однако никаких оснований для этого нет: то, что Егоров был сослан после публикации статьи Яновской, отнюдь не значит, что это произошло из-за этой статьи. Более того, как следует из приведенного отрывка, он был написан после того, как в институте математики и механики МГУ начались чистки, жертвой которых стал и Егоров, так что С. А. Яновская никак не могла повлиять на его судьбу. В своей более поздней книге [см.: 12] В. А. Бажанов дополнительно предпринимает попытку объяснить бесконечную преданность и самоотдачу С. А. Яновской по отношению к своим ученикам. Дело заключается в том, что эта черта личности Яновской, хорошо известная в научных кругах, противоречила распускаемым о ней негативным слухам и разрушала их. Вот как Бажанов решает поставленную задачу: «Ее внимание и бескорыстная помощь молодежи, вступающей в науку, были формой покаяния,

причем покаяния не словом, а делом». Однако такое объяснение никак не проходит. С. А. Яновская была неверующим человеком, и понятия греха, покаяния и т. д. были ей чужды. Поэтому, если бы она осознала свою вину перед кем-то и решила ее загладить, она, как светский и здравомыслящий человек, встретила бы с тем, перед кем виновата, и попросила у него прощения. На деле ничего подобного не произошло. Ещё дальше пошел ученик С. А. Яновской (!) Б. В. Бирюков, который в своей книге [13] написал: «Ученик Яновской Д. П. Горский высказал взгляд, что полное самопожертвования поведение Яновской было своего рода формой ее покаяния; евреи не знают покаяния в христианском его понимании, и Софья Александровна нашла способ загладить ту вину, которая на ней несомненно лежала – добрыми поступками». Простим двум ученым незнание религии святого народа, которая на самом деле включает и покаяние, притом в гораздо более жесткой форме, чем в христианстве. Однако совершенно непростительно, что обоим даже не пришло в голову, что существует возможное гораздо более простое объяснение бескорыстного, полного самоотдачи поведения Яновской по отношению к своим ученикам и близким: она была просто по-настоящему хорошим и добрым человеком, для которого совершать добрые дела по отношению к близким так же естественно, как и дышать.

Очень много времени уделил изучению научной биографии С. А. Яновской ее ученик Б. В. Бирюков, который под ее руководством в 1950-е гг. защитил кандидатскую, а в 1960-е – докторскую диссертацию. Удивительно, но в своей книге [13] он пишет: «В октябре 1930 г. Д. Ф. Егоров был арестован по сфабрикованному делу “О центре всесоюзной контрреволюционной организации «Истинная православная церковь»”. Егорова приговорили к пяти годам заключения, но затем этот приговор был заменен высылкой в Казань на пять лет. Там в следующем году Д. Ф. Егоров скончался в больнице. Не существует никаких документов, говорящих о каком-либо участии С. А. Яновской в “деле Егорова”. Трудно, однако, предположить, что она в нем не участвовала. Объяснение же тому, почему никаких документальных свидетельств ее участия в гонениях на Д. Ф. не обнаружено, я вижу в том, что свидетельства эти уничтожены». Здесь Яновская фактически обвиняется в соучастии в убийстве Егорова, но не представляются никакие доказательства этого обвинения. Более того, утверждается, тоже без всяких доказательств, что существовали документы, говорящие об участии Яновской в гонениях на Егорова, однако они были уничтожены. Данная цепочка рассуждений человека – специалиста по логике удивительна: ведь в ней трижды нарушен основной закон логики – закон достаточного основания! Конечно, эти рассуждения не имеют никакой доказательной силы. Приведем ещё один интересный фрагмент из книги [13], где Б. В. Бирюков негативно характеризует свою учительницу. «Вполне понятна позиция С. А. Яновской, занятая ею в деле Лузина в 1936 г. В томе “Дело акад. Н. Н. Лузина” [14] мы находим приложение “Против Лузина и лузиновщины (собрание математиков МГУ)”. Оно начинается со слов о том, что представители московской математической общественности, профессора и преподаватели, научные работники и аспиранты НИИ математики, механики и

астрономии МГУ собрались, чтобы обсудить статьи в “Правде” о деятельности Н. Н. Лузина. Что же в этой деятельности было сочтено заслуживающим осуждения? Об этом мы узнаем из резолютивной части данной публикации, где о вредительской деятельности Лузина говорится следующее: разгромленный и разбитый враг не сложил оружия. Лишенный возможности открытого выступления, он применяет все более разнообразные приемы маскировки, все искуснее пряча свое действительное лицо. Ярким примером этого является разоблаченная “Правдой” деятельность Н. Лузина. Давая заведомо ложные похвальные отзывы, выдвигая малоспособных математиков и затирая талантливую научную молодежь, печатая все свои хорошие работы за границей и помещая в советских изданиях лишь малоценные статьи, издеваясь при этом над собственными похвальными отзывами и работами, помещенными в советских журналах, лицемерно льстя в глаза советской научной молодежи и сообщая по секрету друзьям, что время этой молодежи подходит к концу, Лузин думал, что одурачивает нашу научную общественность. Явствующая из всех этих фактов вредительская деятельность этого господина нашла, однако должную оценку на страницах “Правды”, сорвавшей с него советскую маску. С. А. Яновская выступала на этом собрании с главным докладом. Она повторила те обвинения, которые мы привели выше». Сказанное здесь в адрес Яновской не соответствует действительности: Софья Александровна выступила на собрании первой, так что никак не могла повторить обвинения против Лузина, которые прозвучали в итоговой резолюции собрания, составленной после его окончания, с учетом всех выступлений. На самом деле Яновская говорила о том, что Лузин не соблюдает нормы этики, обязательные для любого ученого: занимается плагиатом, недобросовестно относится к подготовке учебников, двурушничает и т. д. В сказанном ею не было ничего такого, что было неизвестно сотрудникам МГУ, и другие весьма авторитетные выступающие (Понтрягин, Колмогоров, Бухгольц и др.) подтвердили это [см.: 15]. Так что приведенная попытка Б. В. Бирюкова обвинить Софью Александровну Яновскую в соучастии в гонениях на Н. Н. Лузина несостоятельна.

Мое личное знакомство с Б. В. Бирюковым состоялось в 2001 г. Борис Владимирович выступил тогда с пленарным докладом о жизни и творчестве Яновской на конференции «Континуальные логико-алгебраические исчисления и нейроматематика», организованной в Ульяновке проф. Л. И. Волгиным. В докладе он рассказывал о Яновской как выдающемся ученом, педагоге, общественном деятеле. В то же время он упомянул об ее участии в Гражданской войне на стороне красных в качестве большевистского комиссара, «ходившего с большим револьвером и, не задумываясь, пускавшим его в ход». Это было сказано тоном, не допускающим сомнения в том, что сам Бирюков считал такую деятельность не только преступной, но и позорной – вроде сифилиса. Более того, он пытался объяснить эту деятельность Яновской ее национальным происхождением. Доклад Б. В. Бирюкова меня заинтересовал и удивил. На следующий день мы встретились и долго беседовали. Выяснилось, что Борис Владимирович судит о революции 1917 г. и Гражданской войне

исключительно с позиции белых. Я обратил его внимание на существование других позиций, а по возвращении домой выслал подборку информации о названных событиях, которой он не владел, и объяснил свою позицию по ним. Ответа от него я не получил. С этого времени я занялся самостоятельным изучением жизни и творчества С. А. Яновской. Из воспоминаний ее близких и учеников было ясно, что Софья Александровна не только крупный ученый, педагог и организатор науки, но и замечательный человек. Однако над ней висел груз обвинений в неподобающем поведении в период Гражданской войны, когда она в качестве большевистского комиссара якобы участвовала в красном терроре, и в 1930-е гг., когда она в качестве парторга якобы принимала участие в погромах старых профессоров, не разделявших коммунистических взглядов. В своих изысканиях я стремился объективно отразить вклад С. А. Яновской в отечественную науку и педагогику, ее человеческий облик, исходя из презумпции невиновности. При этом самым широким образом использовались воспоминания о ней ее друзей, коллег и учеников. К 2004 г. работа была завершена и оформлена в виде обширной машинописи объемом в 2 изд. листа. И тут началось самое трудное – оказалось, что работу никто не хочет печатать. Более того, она вызвала явное отторжение, против которого была бессильна любая логика, хотя те люди, к которым я обращался, были сплошь специалистами по логике. Сначала в 2007 году статью отверг журнал «Вопросы истории естествознания и техники», куда мне посоветовал обратиться Б. В. Бирюков. Анонимный рецензент в отзыве написал: «Работа В. И. Левина – написанная достаточно живо статья о выдающемся советском историке математики С. А. Яновской. Ничего нового статья не содержит, за исключением критики некоторых авторов (И. Г. Башмаковой, В. А. Успенского, С. С. Демидова, В. А. Бажанова) за их точку зрения об участии С. А. в 1930-е годы в погромах ученых старой формации. Критика эта очень наивна. Представляя С. А. “идеальным человеком”, автор трактует ее позицию в “деле Лузина” как позицию человека, проводившего “обычную идеологическую работу партийцев среди беспартийных”. На самом же деле С. А., выступая против Н. Н. Лузина с обвинениями, носившими характер критики недостойных действий Лузина, не могла не понимать, какую грозную силу несут ее обвинения. Живя и действуя в это страшное время, она не избежала участия в творившихся тогда несправедливостях. Она была живым человеком и тоже боялась. И когда чувствовала, что почва под ней начинала гореть, могла прибегнуть к неблагоприятным действиям, даже к доносу. Печатать эту статью не следует». Я, естественно, возразил этому нелогичному отзыву, указав, что боятся все живые существа, но доносят лишь немногие, и потребовал предъявить факты доноса С. А. Яновской. Ответа на мое письмо не последовало, из чего можно было заключить, что такие факты рецензенту не известны. Вскоре после этого Б. В. Бирюков заинтересовался историей отклонения моей статьи в ВИЕТ. Он написал мне: «Было бы интересно узнать, КТО в ВИЕТ написал Вам, что она ДОНОСИЛА! Это понятие достаточно неопределенно. Донос может быть закрытым, в виде статьи или абзаца в статье. Ещё раз прошу Вас узнать в ВИЕТ, какими негативными сведениями о Софье

Александровне они располагают и кто именно». Узнать что-либо мне так и не удалось, так что любознательность Бориса Владимировича осталась неудовлетворенной, а негативных фактов о С. А. он не получил. Однако мою статью он раскритиковал: «Что касается Вашей статьи о Яновской, она мне не очень понравилась, т. к. ее образ представлен только в позитивном виде. Кроме того, источниковедческая база Вашей статьи представляется мне слабой. Книжка “Женщины – революционеры и ученые” всем известна, и считать ее очень важным источником не следует. Поскольку вы не застали С. А., писать о ней Вы можете только на основе каких-нибудь новых или малоизвестных источников». Стало ясно, что Б. В. Бирюков, у которого уже были публикации о Яновской и готовилась книга о ней, не хочет, чтобы я «вклинился» в этот процесс. Тем не менее, я послал свою статью в журнал «Вопросы философии», известив об этом Бирюкова. Журнал мне не ответил – даже после моих запросов. Не исключено, что такое поведение было инициировано письмом Бирюкова в редакцию журнала, где его хорошо знали по многим публикациям, в частности, о С. А. Яновской.

Потерпев неудачу с опубликованием статьи о С. А. Яновской в российских изданиях, я попытался обратиться к международным изданиям. Первым из них был ежегодник «Логические исследования» (Logical Investigations), издаваемый Институтом философии РАН на русском и английском языках, при международной редколлегии. Туда в 2009 году и была отправлена моя статья. Я надеялся на ее публикацию, т. к. главный редактор ежегодника А. С. Карпенко меня знал и ранее опубликовал пару моих статей. Однако время шло, но в очередных «Ежегодниках» статья не появлялась. Наконец, в 2011 году пришлось обратиться к главному редактору. В ответ мне было сообщено, что публикация статьи снова откладывается, т. к. Яновская в ней «больно хорошая». После чего пришлось перейти к реализации проекта через иностранные издания. Сначала я послал статью проф. А. Шуману (Польша), и она в 2013 году вышла в свет в США по-английски на страницах книги, изданной под редакцией проф. А. Шумана [см.: 16]. Затем расширенная версия этой статьи была опубликована в виде отдельной книги в Германии [см.: 17]. Пикантная подробность: на страницах американской книги наряду с моей статьей, в которой дана высшая положительная оценка С. А. Яновской как человека, ученого и педагога, опубликована статья А. С. Карпенко [18], в которой, наряду с положительными высказываниями о Яновской, содержится такой пассаж: «Она была политруком на фронте (Гражданской войны – В. Л.) и в борьбе за идеалы марксизма-ленинизма была членом суда, который мог приговорить людей к расстрелу».

В результате многолетних посмертных устных и печатных обвинений против С. А. Яновской со стороны отдельных ученых – ее коллег в научном сообществе широко распространилось мнение о якобы ее участии в погромах отечественных ученых дореволюционного образца, проводившихся советской властью. Разумеется, у мыслящих ученых были все возможности, чтобы проверить выдвигавшиеся обвинения и убедиться, что все они лишены оснований. Однако для более широкой аудитории никаких оснований и не

требовалось – достаточно было мнений, высказанных учеными-противниками С. А. Яновской. Вот характерный пример. В книге Ю. М. Колягина и О. А. Саввиной о Д. Ф. Егорове [19] написано: «В кампании, организованной против Д. Ф. Егорова, не осталась в стороне “красный профессор” С. А. Яновская. Хотя документальных свидетельств участия Софьи Александровны в деле Егорова практически не осталось, ее ученик Б. В. Бирюков утверждает: “Трудно, однако, предположить, что она в нем не участвовала... Объяснение же, почему никаких документов, свидетельствующих о ее участии в гонениях на Дмитрия Федоровича, не обнаружено, я вижу в том, что свидетельства эти уничтожены”. Действительно, высказывания “красного профессора”, ее близость к Э. А. Кольману и другие факты говорят, что словам Бирюкова следует верить».

2. Анализ публикаций

Выше мы увидели, что в текстах, содержащих обвинения против С. А. Яновской, отсутствуют соответствующие сколько-нибудь серьезные доказательства. Интересно в связи с этим выяснить, каким образом такие «голые» обвинения появились в научной печати. Анализ начнем с работы [10]. Важность этой работы определяется тем, что она была первой, содержащей обвинения, и при этом два из трех ее авторов – И. Г. Башмакова и В. А. Успенский – были учениками С. А. Яновской, много лет общались с ней и хорошо ее знали. Этого нельзя сказать о третьем авторе – С. С. Демидове. Когда в начале 2000-х гг. я познакомился с работой [10], больше всего меня поразило то, что в ней ученики Яновской дают своей учительнице столь негативную оценку (см. выше). Мне такое поведение показалось противоестественным, и я начал действовать. Сначала я обратился к В. А. Успенскому. В письме, посланном дважды по электронной почте (декабрь 2004 и май 2005) и регулярной почтой (июнь 2005), я написал: «Глубокоуважаемый Владимир Андреевич! Обращаюсь к Вам по совету О. Б. Лупанова. Занимаюсь логикой и её историей. У меня возник ряд вопросов, связанных с личностью... С. А. Яновской, которую Вы, очевидно, знали. Именно, встречаются в опубликованных работах утверждения, что в конце 20–30-х гг. она занималась политдоносами на ученых, на основании чего те были репрессированы (Егоров, Лузин и др.). Однако в воспоминаниях современников, её знакомых, подчеркивались её исключительные душевные качества, человечность. Где правда? В. И. Левин». И уже в июне получил ответ: «Глубокоуважаемый Виталий Ильич! О Яновской. Был бы рад узнать от Вас, в каких именно публикациях (и на каких страницах) упоминается ее якобы доносительская деятельность. О ее роли в деле Егорова и деле Лузина никогда ничего не слышал. В книге “Дело академика Лузина” она вроде бы не присутствует. Я знаю ее с лучшей стороны. Где правда (и что такое правда) знает один лишь Бог. – Ваш В. А. Успенский». Из письма Успенского следовало, что ему не известно о каких бы то ни было прегрешениях (например, доносах), совершенных С. А. Яновской. Более того, стало ясно, что он в действительности не является одним из соавторов работы [10],

сообщающей о якобы существовании таких прегрешений. Труднее оказалось выяснить роль И. Г. Башмаковой, второго автора этой работы и ученицы С. А. Яновской, поскольку к этому времени ее уже не было в живых. Однако мне снова повезло. В 2010 г. мне дала интервью З. А. Кузичева, ученица С. А. Яновской, контактировавшая тесно с Башмаковой в течение 40 лет [см.: 20]. В числе прочего, она сказала: «И. Г. Башмакова – ученица Софьи Александровны – относилась к ней с огромным уважением и преклонением. Она, даже если бы знала что-то о неблагоприятных действиях С. А., никогда не сказала об этом вслух». Это свидетельство подтверждается тем, что в единоличных публикациях Башмаковой нигде не встречаются сведения о каких-то «неблаговидных поступках» Яновской. Наоборот, в ее воспоминаниях [4] мы находим панегирик ее учительнице: «В моей судьбе С. А. сыграла исключительно большую роль: она помогла мне выбрать специальность, руководила мной в моих занятиях по истории математики, не раз оказывала мне помощь в наиболее тяжелые минуты жизни. Эту маленькую, хрупкую и такую энергичную женщину, богато одаренную и умом, и сердцем, мне никогда не забыть». Из сказанного ясно, что И. Г. Башмакова, как и В. А. Успенский, в действительности не является одним из авторов работы [10], по крайней мере, той её части, где С. А. Яновская обвиняется в совершении «неблаговидных поступков». Остался единственный возможный вывод: автором указанных обвинений против С. А. Яновской является третий из авторов работы [10] – С. С. Демидов. После этого было естественно обратиться к С. С. Демидову: «Профессору Демидову С. С. Уважаемый Сергей Сергеевич! Я занимаюсь вопросами истории науки и техники. Сейчас изучаю научную и человеческую биографию С. А. Яновской. Нашел статью: Башмакова И. Г., Демидов С. С., Успенский В. А. Жажда ясности // Вопросы истории естествознания и техники. 1996. № 4. В этой статье, в числе прочего, утверждается, что С. А. Яновская в конце 1920-х – 1930-х гг. “громила реакционную профессуру” и “способствовала, мягко говоря, созданию тяжелой атмосферы вокруг ряда известных математиков”, выступала “в роли гонительницы” и что после войны “в ней произошел перелом”, после которого она стала “совсем другой – доброй, отзывчивой, готовой открыто защищать научные ценности, отстаивать с большим риском для себя и математику, и математиков”. Содержание приведенных фраз представляется исключительно важным в уяснении биографии С. А. Яновской. В связи с этим очень прошу Вас откликнуться и сообщить: 1) на каких фактах основано утверждение о погромах, создании тяжелой атмосферы и роли гонительницы, кем и где эти факты опубликованы? 2) кто из людей, знавших С. А. Яновскую до и после войны, зафиксировал произошедший в ней перелом, где и когда этот факт был опубликован? Профессор В. И. Левин». Это письмо я отправил по всем электронным адресам Демидова (дважды) и почтой по его служебному адресу в ИИЕТ РАН (Москва) в течение сентября – ноября 2011 г. Ответа не последовало. Из чего вытекало, что никаких оснований для обвинения С. А. Яновской, прозвучавших в работе [10], у профессора С. С. Демидова не существует.

Ещё легче анализируются работы В. А. Бажанова [см.: 11, 12]. Их автор полностью опирается на работу И. Г. Башмаковой, С. С. Демидова, В. А. Успенского [10], содержащую безосновательные обвинения против С. А. Яновской, и лишь журит их за недостаточную жесткость: «Почти обходят стороной весьма драматический и достаточно характерный для отечественной гуманитарной науки период жизни С. А. Яновской. Говорится лишь кратко, в общих словах, что С. А. Яновская относилась в МГУ к числу “красных профессоров”, что в этот период борьбы с “егоровщиной” и “дела академика Н. Н. Лузина” многие ее поступки (какие?) кажутся “непонятными”, что, наконец, в отличие от Э. Кольмана – соавтора Яновской того времени – “она никогда не писала доносов, ни прямых, ни идеологических”. Даже в список литературы, завершающий статью, почему-то не включены публикации, которые могут относиться к непонятным поступкам и пролить свет на их суть». Таким образом, никакого вклада в подведение оснований под обвинения против С. А. Яновской в работах В. А. Бажанова нет.

Интересен и поучителен анализ работ Б. В. Бирюкова, посвященных жизни и творчеству С. А. Яновской. Бирюков с детства воспитывался в семье, не принявшей большевизм и Октябрьскую революцию. В 1950 году он окончил философский факультет МГУ и, поработав преподавателем, в 1955 году поступил в аспирантуру этого факультета по кафедре логики. Его научным руководителем была зав. кафедрой профессор С. А. Яновская. Это стало для него проблемой, которую он пытался решить всю оставшуюся жизнь. Дело было в том, что С. А., будучи превосходным научным руководителем – как педагог, ученый и человек, в то же время являлась активно действующим представителем ненавистного Бирюкову большевизма. Эти две стороны одной и той же личности были для него абсолютно несовместимыми, и это все время мучило его. Однажды, по его рассказу мне, он не выдержал и открыто спросил С. А.: «Как вы могли примкнуть в 1917 году к большевикам?». «В этом не было ничего необычного, – простодушно ответила ему Яновская, – тогда все так поступали, поскольку были недовольны политикой царя». Впоследствии, по его словам, он понял бестактность своего поступка, но не прекратил «расследования». Этим, по нашему мнению, во многом объясняется то, что после смерти Яновской в октябре 1966 года Бирюков забрал ее архив себе, хотя перед смертью она завещала разделить архив между ее учениками (интервью А. С. Кузичева 2008 г. [см.: 21]). Однако изучение архива, судя по публикациям Б. В. Бирюкова, не привело его к каким-нибудь находкам, подтверждающим «неблаговидные поступки» Яновской в период Гражданской войны и во время гонений в 1930-е годы на дореволюционных профессоров. Но Борис Владимирович не сдавался и продолжал поиски. В частности, в 2007 г. он обращался ко мне с просьбой, чтобы я выяснил в ИИЕТ, «какими негативными сведениями о Софье Александровне они располагают и кто именно» (см. выше). Тем не менее, он не преуспел в этом деле. Его книга о Яновской 2010 года [см.: 13] явно показала, что и в конце пути он не может привести ни одного убедительного факта, ясного свидетельства или документа, подтверждающего его «негативные сведения» о С. А. Вместо них в

соответствующих местах книги Б. В. Бирюков приводит бездоказательные, часто нелогичные рассуждения. Например, «С. А. не могла не участвовать в революционных сублимациях. Согласно сообщению А. П. Горского, один из свидетелей событий тех лет поведал ему (кто? когда? – В. Л.), как С. А. настаивала на расстреле красноармейца, самовольно покинувшего поле боя» [13, с. 29]; «переехав в Москву, молодая коммунистка С. Яновская и привезенная ею с журналистской работы заповедь быть добросовестным и правдивым, наверное, претерпела трансформацию, необходимую для приспособления к реалиям научной работы при советской власти» [13, с. 34]; «новая власть занялась искоренением православия. Влияние православия было сильным в Московском университете, в частности, в институте математики и механики. С конца двадцатых прошла полоса судебных процессов над инженерами. С. А. Яновская не могла быть в стороне от этих мрачных событий» [13, с. 43] и т. д. Все эти «обвинения» сопровождаются в книге многочисленными антисемитскими пассажами [13, с. 24, 27, 44, 46, 137 и т. д.]. Конечно, как ученик С. А. Яновской, Б. В. Бирюков отдает должное выдающемуся вкладу С. А. в отечественную науку и подготовку кадров, пишет о «замечательном “феномене” Яновской» [13, с. 8], ее «высочайшей требовательности к себе и к коллегам, внимательности к своим ученикам, стойкости, позволившей ей не сломаться под ударами официальной идеологии, благожелательности к людям, снискавшей ей симпатии окружающих» [13, с. 286]. Однако возникает вопрос: мог ли человек, требовательный к себе, внимательный к ученикам, благожелательный к людям, совершать «неблаговидные поступки»? Этот вопрос, видимо, задал себе однажды сам Бирюков, который всю жизнь упорно искал следы этих поступков. И сам ответил с полной определенностью: нет, не мог. Развернутый ответ содержится в его предисловии к последней книге под его редакцией – лекциям С. А. Яновской по алгебре логики [см.: 22], отрывок из которого приведен ниже.

«С. А. пользовалась большим авторитетом в отечественном математическом сообществе. Одной из причин этого были ее работы, в частности, статьи о развитии математики в СССР за тридцать и сорок лет... Ее авторитет среди математиков был, прежде всего, авторитетом моральным, задававшим уровень порядочности, ниже которого опускаться было нельзя... Человеком она была замечательным. В перерывах между лекциями, по пути домой – вокруг нее всегда ученики, правильнее было бы сказать, поклонники – с нею просто не хотелось расставаться. С нею можно было обсуждать любые темы, касающиеся науки, искусства, и просто бытовые. С. А. всегда вникала во все дела учеников, была в курсе забот и житейских трудностей, стремилась оказать помощь. На ее рабочем столе постоянно были фотографии детей наиболее близких учеников. С детьми она моментально находила общий язык, хотя не допускала никакого сюсюканья. Такой она и осталась в памяти учеников и почитателей – маленькой ростом, живой, энергичной, мудрой, внимательной и доброй духом».

Эта характеристика С. А. была написана в конце жизни самым дотошным, настроенным против неё биографом. Она кладет конец легенде о Софье Александровне Яновской как кровожадном большевике-комиссаре времен Гражданской войны и суровой партийной гонительнице антисоветски настроенных математиков в 1930-е годы.

Заключение

Во второй половине 1960-х годов, вскоре после смерти С. А. Яновской, математики-шестидесятники почувствовали свободу и возможность высказываться по различным, в т. ч. общественно-политическим вопросам. Кто-то из видных математиков, обозленных на С. А. за то, что им пришлось ранее считаться с ее взглядами на математику, поскольку она была представителем коммунистической партии в математическом сообществе, позволили себе публично нелюбезно высказаться о ней. Эти высказывания были чисто эмоциональными и не сопровождались обоснованиями и фактами. Высказывания, однако, упали на благодарную почву, где понимали ненужность фактов, – ведь, как сказал Геббельс, ложь правдоподобнее правды, но для этого она должна быть чудовищной! И вот на Яновскую посыпались обвинения одно абсурднее другого. Ей инкриминировали все – службу красным во время Гражданской войны; участие в военных трибуналах, приговаривавших к расстрелам; льготное (без справки о рабоче-крестьянском происхождении) поступление в институт красной профессуры; борьба с «крамолой»; участие в погромах антисоветски настроенных профессоров (Егоров, Лузин и др.); слежка и доносы на коллег-математиков; насильственное внедрение в университетах марксистско-ленинской идеологии; принадлежность к племени «безродных космополитов» и т. д. В этих обвинениях приняли участие некоторые из ее учеников, на которых она фактически положила свою жизнь. Но что же двигало всеми этими людьми? Желание хотя бы посмертно отомстить носительнице ненавистных коммунистических взглядов? Да, это было. Неприязнь к старой мудрой еврейке? Да, было и это – российское математическое сообщество в XX веке на добрую половину было заражено антисемитизмом. Однако, главное, по-видимому заключалось в «Феномене Яновской», которая смогла, не являясь, строго говоря, математиком, заслужить глубокое уважение математического сообщества страны и одновременно – ее партийно-политического руководства. Это был полный успех, причем для его достижения С. А. Яновская не предпринимала никаких специальных приемов: она просто талантливо, честно и напряженно работала. А успех, как сказала другая мудрая женщина, Фаина Раневская, – «единственный непростительный грех ближнего».

Список литературы

1. Кушнер Б. А. Несколько воспоминаний о С. А. Яновской // Вопросы истории естествознания и техники. – 1996. – № 4. – С. 119–123.
2. Гуковская В. А. Прекрасная способность помогать окружающим // Женщины – революционеры и ученые / ред. Минц И. И., Ненароков А. П. – М.: Наука, 1982. – С. 115–116.

3. Юшкевич А. П. Призвание мастера // Женщины – революционеры и ученые / ред. Минц И. И., Ненароков А. П. – М.: Наука, 1982. – С. 108–111.
4. Башмакова И. Г. Одаренная умом и сердцем // Женщины – революционеры и ученые / ред. Минц И. И., Ненароков А. П. – М.: Наука, 1982. – С. 100–103.
5. Бирюков Б. В. Выдающийся исследователь логических основ научного знания // Женщины – революционеры и ученые / ред. Минц И. И., Ненароков А. П. – М.: Наука, 1982. – С. 87–96.
6. Горский Д. П. Математик-марксист // Женщины – революционеры и ученые / ред. Минц И. И., Ненароков А. П. – М.: Наука, 1982. – С. 83–87.
7. Войшвилло Е. К. Интервью с профессором кафедры логики Е. К. Войшвилло (1992 г.) // Философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова: страницы истории. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2011. – С. 401–412.
8. Бирюков Б. В., Борисова О. А. Софья Александровна Яновская – мыслитель, исследователь, педагог // Вопросы философии. – 2004. – № 5. – С. 133–142.
9. Левин В. И. Очерки истории прикладной логики. – Пенза: Изд-во Пензенской государственной технологической академии, 2007. – 284 с.
10. Башмакова И. Г., Демидов С. С., Успенский В. А. Жажда ясности // Вопросы истории естествознания и техники. – 1996. – № 4. – С. 108–119.
11. Бажанов В. А. Очерки социальной истории логики в России. – Ульяновск: СВНЦ, 2002. – 130 с.
12. Бажанов В. А. История логики в России и СССР. – М.: Канон+, 2007. – 335 с.
13. Бирюков Б. В. Трудные времена философии. Софья Александровна Яновская: Время. События. Идеи. Личности. – М.: Либроком, 2010. – 310 с.
14. Дело академика Н. Н. Лузина / отв. ред. С. С. Демидов, Б. В. Левшин. – СПб.: Изд-во РХГИ, 1999. – 311 с.
15. Против Лузина и Лузиновщины (Собрание математиков МГУ) // Фронт науки и техники. – 1936. – № 7. – С. 123–125.
16. Levin V. I. Sofia Alexandrovna Yanovskaya, the Person, Teacher and Scientist // Logic in Central and Eastern Europe: History, Science and Discourse. Lanham: University Press of America, 2013. – pp. 671–687.
17. Левин В. И. Софья Александровна Яновская – ученый и человек. – Saar-brücken: Palmarium Academic Publishing, 2016. – 58 p.
18. Karpenko A. S. Moscow Logical School (Period of Ideology 1917–1991) // Logic in Central and Eastern Europe: History, Science and Discourse. – Lanham: University Press of America, 2013. – pp. 317–380.
19. Колягин Ю. М., Савина О. А. Дмитрий Фёдорович Егоров. Путь ученого и христианина. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2010. – 250 с.
20. Кузичева З. А. Интервью В. И. Левину. – 25.06.2010.
21. Кузичев А. С. Интервью В. И. Левину. – 28.06.2008.
22. Яновская С. А. Лекции по алгебре логики / ред. Б. В. Бирюков, З. А. Кузичева. – М.: Либроком, 2015. – 320 с.

References

1. Kushner B. A. Some Memories on S. A. Yanovskaya [Neskolko vospominaniy o S. A. Yanovskoy]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki* (Issues in the History of Science and Technology), 1996, № 4, pp. 119–123.
2. Gukovskaya V. A. (Mints I. I., Nenarokov A. P. Eds.) Excellent Ability to Help Others [Prekrasnaya sposobnost pomogat okruzhayuschim]. *Zhenschiny – revolyutsionery i uchenye* (Women – Revolutionaries and Scientists.). Moscow, Nauka, 1982, pp. 115–116.
3. Yushkevich A. P. (Mints I. I., Nenarokov A. P. Eds.) Master's Vocation [Prizvanie mastera]. *Zhenschiny – revolyutsionery i uchenye* (Women – Revolutionaries and Scientists). Moscow, Nauka, 1982, pp. 108–111.
4. Bashmakova I. G. (Mints I. I., Nenarokov A. P. Eds.) Gifted with Mind and Heart [Odarennaya umom i serdtsem]. *Zhenschiny – revolyutsionery i uchenye* (Women – Revolutionaries and Scientists). Moscow, Nauka, 1982, pp. 100–103.
5. Biryukov B. V. (Mints I. I., Nenarokov A. P. Eds.) Out-Standing Researcher of the Logical Foundations of Scientific Knowledge [Vydayuschiysya issledovatel logicheskikh osnov nauchnogo znaniya]. *Zhenschiny – revolyutsionery i uchenye* (Women – Revolutionaries and Scientists). Moscow, Nauka, 1982, pp. 87–96.
6. Gorskiy D. P. (Mints I. I., Nenarokov A. P. Eds.) Mathematician and Marxist [Matematik-marxist]. *Zhenschiny – revolyutsionery i uchenye* (Women – Revolutionaries and Scientists). Moscow, Nauka, 1982, pp. 83–87.
7. Voyshvillo E. K. Interview with Professor of Department of Logic E. K. Voyshvillo (1992 Year) [Intervyu s professorom kafedry logiki E. K. Voyshvillo (1992 g.)], *Filosofskiy fakultet MGU im. M. V. Lomonosova: stranitsy istorii* (Faculty of Philosophy of Moscow State University: Pages of History). Moscow, Izdatelstvo Moskovskogo universiteta, 2011, pp. 401–412.
8. Biryukov B. V., Borisova O. A. Sofya Alexandrovna Yanovskaya – Thinker, Researcher, Teacher [Sofya Aleksandrovna Yanovskaya – myslitel, issledovatel, pedagog], *Voprosy filosofii* (Problems of Philosophy), 2004, № 5, pp. 133–142.
9. Levin V. I. Essays on History of Applied Logic [*Ocherki istorii prikladnoy logiki*]. Penza, Izdatelstvo Penzenskoy gosudarstvennoy tekhnologicheskoy akademii, 2007, 284 p.
10. Bashmakova I. G., Demidov S. S., Uspenskiy V. A. Thirst for Clarity [Zhazhda yasnosti]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki* (Issues in the History of Science and Technology), 1996, № 4, pp. 108–119.
11. Bazhanov V. A. Essays on Social History of Logic in Russia [*Ocherki sotsialnoy istorii logiki v Rossii*]. Ulyanovsk, SVNC, 2002, 130 p.
12. Bazhanov V. A. History of Logic in Russia and the USSR [*Istoriya logiki v Rossii i SSSR*]. Moscow, Kanon+, 2007, 335 p.
13. Biryukov B. V. Difficult Times of Philosophy. Sofya Alexandrovna Yanovskaya: Time. Events. Ideas. Persons [*Trudnye vremena filosofii. Sofya Aleksandrovna Yanovskaya: Vremya. Sobytiya. Idei. Lichnosti*]. Moscow, Librokom, 2010, 310 p.
14. Demidov S. S., Levshin B. V. (Eds.) The Case of Academician N. N. Luzin [*Delo akademika N. N. Luzina*]. Saint Petersburg, Izdatelstvo RKhGI, 1999, 311 p.

15. Against Luzin and Luzinovschina (Meeting of Mathematicians of Moscow State University) [Protiv Luzina i Luzinovschiny (Sobranie matematikov MGU)]. *Front nauki i tekhniki* (Front of Science and Technics), 1936, № 7, pp. 123–125.
16. Levin V. I. Sofya Alexandrovna Yanovskaya, the Person, Teacher and Scientist. *Logic in Central and Eastern Europe: History, Science and Discourse*. Lanham, University Press of America, 2013, pp. 671–687.
17. Levin V. I. Sofya Alexandrovna Yanovskaya – the Scientist and the Person [Sofya Aleksandrovna Yanovskaya – ucheniy i chelovek]. Saarbrücken, Palmarium Academic Publishing, 2016, 58 p.
18. Karpenko A. S. Moscow Logical School (Period of Ideology 1917–1991). *Logic in Central and Eastern Europe: History, Science and Discourse*. Lanham, University Press of America, 2013, pp. 317–380.
19. Kolyagin Yu. M., Savina O. A. Dmitriy Fedorovich Egorov. The Path of the Scientist and the Christian [Dmitriy Fedorovich Egorov. Put uchenogo i khristianina]. Moscow, Izdatelstvo PSTGU, 2010, 250 p.
20. Kuzicheva Z. A. Interview to V. I. Levin [Interviyu V. I. Levinu]. 25.06.2010.
21. Kuzichev A. S. Interview to V. I. Levin [Interviyu V. I. Levinu]. 28.06.2008.
22. Yanovskaya S. A. Lectures on Algebra of Logic [Lektsii po algebre logiki]. Moscow, Librokom, 2015, 320 p.

УДК 1(091)

Идеи позитивизма в истории русской философской мысли^{*1}

Коробкова Светлана Николаевна – доцент, доктор философских наук, доцент кафедры истории и философии Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Россия.

Email: korobkova@hf-guap.ru

196135, Россия, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д. 15,

тел.: +7 (812) 708-42-13.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Поиск смысла происходящих изменений во всех сферах практической жизни, определение направления продуктивных теоретических, научных исследований являются насущной задачей философской науки. Отечественная философия в этой работе может смело опираться на свой исторический опыт.

Результаты: Европейский позитивизм, творческой основой которого была вера в научную постижимость бытия, в русской мысли, в свою очередь, породил новое течение – реализм. Философский реализм поставил для себя задачу найти основания понимания мира как единого целого с целью прогнозирования возможных изменений.

Рецепция идей позитивизма русскими учеными и мыслителями позволила им сформулировать ряд положений, которые в настоящее время могут быть развернуты на новом уровне (концепция многофакторного развития, идея конверсии материального и духовного, принцип виртуальности в равновесной системе).

Вывод: Триада «человек – природа – общество», сложившаяся в результате развития идей «социальной физики», является продуктивной и позволяет разрабатывать «философию действительности».

Ключевые слова: позитивизм; реализм; корреляция; эволюционизм; эмпиризм; виртуальный принцип; философия действительности.

The Ideas of Positivism in the History of Russian Philosophical Thought

Korobkova Svetlana Nikolaevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Department of History and Philosophy, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg, Russia.

Email: korobkova@hf-guap.ru

Gastello str., 15, Saint Petersburg, 196135, Russia,

* © С. Н. Коробкова, 2019.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ по проекту № 19-011-00398 «Второй позитивизм в России: философская проблематика, влияние, критика».

tel.: +7 (812) 708-42-13.

Abstract

Background: Studying the essence of changes in all spheres of practical life, determining the trends of productive theoretical research is an urgent task of philosophy. Russian philosophy in this case can easily rely on its historical experience.

Results: European positivism, the creative basis of which was the belief in the scientific comprehensibility of being, in Russian thought, in its turn, has given rise to a new trend, namely realism. Philosophical realism has tried to find the basis for understanding the world as a whole in order to predict possible changes.

The reception of positivism ideas by Russian scientists and thinkers has allowed them to formulate many postulates which becomes actual now at a new level of philosophical thought (the concept of multifactorial development, the idea of material and spiritual conversion, the principle of virtuality in an equilibrium system).

Conclusion: The triad “human – nature – society”, formed as a result of the ideas of “social physics”, has been actual so far and makes it possible to construct modern “philosophy of reality”.

Keywords: positivism; realism; correlation; evolutionism; empiricism; virtual principle; philosophy of reality.

В современном информационном обществе философия продолжает искать «третий путь» между материализмом и идеализмом, эмпиризмом и рационализмом, диалектикой и метафизикой. Новые технологии и вызванные ими к жизни явления социальной и практической жизни активно требуют адекватного осмысления и освоения в области науки, образования, профессиональной деятельности и т. п. Философии принадлежит важная гуманистическая миссия – сохранение духовного в мире прагматизма и технократизма.

В 1904 году, на одном из заседаний Московского психологического общества, посвященном памяти Канта, с докладом выступил В. И. Вернадский и акцентировал внимание на роли философии: «Если... всмотреться в исторический ход мысли, то можно заметить, что все крупные открытия и научные обобщения – рано ли, поздно ли – находят себе отражение и переработку в философской мысли: и в случае, ежели они стоят уже вне пределов существующих философских систем, способствуют созданию новых... В этом смысле научная деятельность до известной степени предшествует философской работе, и после крупных философских обобщений, раздвигающих рамки познанного или рушащих веками стоящие, научно выработанные, философски обработанные положения, можно ждать проявлений философского гения, новых созданий философской мысли, новых течений философии» [1, с. 214].

Появление новых философских идей и систем, представляющих взгляд на мир и действительность, не является результатом какого бы то ни было произвольного волеизъявления, но есть работы мысли как таковой. Спор

«физиков и лириков» остался в прошлом, современные технологии и другие цивилизационные достижения могут получить объективную философскую оценку при реализации междисциплинарного подхода.

В этом смысле исследование рецепции идей позитивизма в отечественной философской мысли видится весьма полезным [см., напр.: 5; 7].

Позитивизм возник как реакция на неспособность метафизической философии представить ясную, целостную картину мира. Абстрактные понятия, которыми оперирует метафизика, он объявил лишены смысла. Философским кредо позитивизма стало признание абсолютного значения опыта, эмпирии, практики в поисках истины. Творческой основой этих исканий была вера в научную постижимость бытия, абсолютизация методов науки и научных открытий. «Философствующие физики» претендовали на создание «научной философии». Утверждалось, что научная философия должна строиться по подобию эмпирических наук, ибо только путем изучения природных, естественных закономерностей можно получить объективное знание о мире. Таким образом, в XIX в. естествознание заявило о себе в философском плане.

Приоритет научного способа мышления, по мнению позитивистов, заключается в том, что к разуму относятся практически, не ставя перед ним невыполнимых гносеологических задач. Границей научного мышления является реальная действительность, мир явлений. Претензия на сущностное познание, с точки зрения позитивизма, не оправдана. Есть определенная эмпирическая ситуация, которая и подлежит объективному исследованию с помощью точных методов науки. Это – конечная цель развитого естественнонаучного познания.

Границы науки – один из первых вопросов, который вызвал дискуссию благодаря предложенной родоначальником позитивизма О. Контом классификации наук. Однако для самого Конта введенная им классификация имела значение лишь постольку, поскольку доказывала правомерность и реальность науки об обществе, являющейся главным звеном его новой философии. Иерархия наук, предложенная французским мыслителем, – математика, астрономия, физика, химия, физиология и социальная физика – не отражала преобладающей связи (ни идейной, ни исторической) между различными областями знания, но утверждала единство метода – эмпирического.

Вопрос о приложении методов точной науки к анализу социальных явлений, в частности, стал основным для русского мыслителя-реалиста М. М. Филиппова. В работе «Конт и его метод» [см.: 8] он не только дает положительный ответ на этот вопрос, но и пытается реализовать данную идею в своей теоретической системе. Общая оценка, которую дает ученый положительной философии, такова: «Положительная философия... не есть завершенное и незыблемое здание. Самый фундамент требует существенных поправок; в нем отсутствует теория познания; в нем, вообще, нет последовательного объединяющего принципа, хотя Конт упорно искал его, сначала в математике, затем в области социологии. В лице автора “Критики

чистого разума”, к которому Конт относился с большим уважением, но которого знал лишь “из вторых рук”, германская философия уже дала начала, которых Конт не успел найти – и должна была рано или поздно привести к критическому реализму, во многом стоящему выше учения Конта; однако последовательное развитие позитивизма, в свою очередь, могло бы привести к таким же или аналогичным началам» [8, с. 43]. Таким образом, историк философии М. М. Филиппов отмечает продуктивную роль позитивизма в утверждении реалистического направления. Метод эмпиризма и триада «человек – природа – общество», сложившаяся в результате развития идей «социальной физики», определили тенденцию фактического развития научной и философской мысли в России.

Наиболее активную рецепцию позитивизма в отечественной философии можно заметить относительно философии английских мыслителей, в частности Спенсера. Его работы переводились в России, подвергались критическому анализу (И. Любомудров, П. В. Тихомиров, Н. К. Михайловский). Спенсер предложил эволюционную модель вселенной.

Эмпиризм и эволюционизм – это существенные идеи позитивизма, которые нашли свое воплощение в реалистическом мировоззрении русской мысли.

Для отечественной мысли важно отметить два аспекта философии Спенсера: 1) формулировка закона эволюции; 2) обоснование реализма как принципа познания действительности. Реконструируем основные положения системы английского позитивиста-эволюциониста, как они представлялись в России. «Карта» учения очень удачно предложена И. Любомудровым в его работе «Введение в философию Г. Спенсера» [см.: 6]. При сопоставлении этой карты с исходными теоретическими установками реализма обнаруживается ряд принципиальных точек соприкосновения.

Так, общая канва философской системы Спенсера в значительной степени совпадает с утверждениями убежденных реалистов – в частности, химика Д. И. Менделеева. А именно: нечто, реальность производит на человека воздействие, которое порождает в нем изменения – ощущения. Внешнюю реальность можно классифицировать как Материя, Движение и Сила. Они обладают свойством константности: материя – неуничтожима, движение – непрерывно, сила – количественно постоянна. Это свойственно всем порядкам бытия: от космоса до нервных клеток. Все силы связаны между собой определёнными отношениями. Эти отношения есть закономерность.

Следующее положение. Повсюду во вселенной происходит непрерывное перераспределение материи и движения – интеграция и дезинтеграция. Потеря движения сопровождается интеграционными процессами. Нарастание движения сопровождается дезинтеграцией. В истории системы это есть прогресс (развитие, эволюция) и регресс (разложение). Прогресс имеет место, когда интеграционные процессы преобладают и наоборот, поглощение движения и дезинтеграция материи свидетельствуют о регрессе. Мысль о непрерывном перераспределении материи и движения является базовой для концепции физика Н. А. Умова – представителя «энергетического»

направления естественнонаучного реализма. И, более конкретно, регресс и разрушение, трактуемые английским мыслителем как рассеивание материи, коррелируют с идеей энтропии, предложенной немецким ученым Р. Клаузиусом и развитой Умовым. И та, и другая сторона согласны, что разрушительные и созидательные процессы создают ритм движения вселенной и составляют замкнутый цикл превращений. Чем более глобальна система, тем более длинный жизненный цикл она проходит.

Скажем далее о доминирующей идее, рожденной в девятнадцатом столетии – об эволюции. Эволюция, с точки зрения Спенсера, есть переход от бессвязного состояния к связному. Если этот процесс сопровождается вторичными изменениями, то мы говорим о превращении системы из однородной в разнородную. Процесс интеграции соединяется с процессом дифференциации. На основе этих суждений Спенсер выводит свой главный закон о том, что эволюция есть движение от неопределенной однородности к определенной разнородности. Для реалистов была важна мысль позитивиста о том, что развитие, свойственное разным порядкам бытия, не есть отдельные части общего развития, но есть единое непрерывное развитие, всеобщее связное движение материи в некотором направлении, определяемое на конкретном этапе как система. В частности, теория многофакторного развития М. М. Филиппова пытается подтвердить эту мысль [см.: 9].

Суть этой теории сводится к тому, что эволюция – функция от ряда переменных. Эволюция осуществляется в нескольких направлениях одновременно, и между различными линиями развития существуют переходы, когда тот или иной эволюционный процесс достигает необходимого уровня. Проспективным, прогрессивным фактором эволюции, по мнению Филиппова, является психический фактор – ум, интеллект, мышление. Совершенствование интеллекта есть условие прогрессивного развития человека, общества, действительности.

Спенсер обосновывал неизбежность эволюции как части всеобщего перераспределения. Эта неизбежность, с его точки зрения, была обусловлена рядом причин: во-первых, неустойчивостью однородного, невозможностью эффективно противостоять внешнему воздействию; во-вторых, возрастающей дифференциацией при переходе от однородного к разнородному, т. е. неизбежным образованием новых элементов системы. Эволюционный процесс приходит к относительному завершению, когда достигается равновесие между силами, действующими внутри системы и силами, им противопоставляемыми. Полное равновесие, по мысли Спенсера, есть период совершенства и полнейшего счастья. На уровне жизни это означает овладение человеком условиями своего существования, не только в биологическом, но и в социальном, историческом, космологическом плане. Идея равновесия (гармонии, гомеостаза) как некоторого идеального отношения человека и среды была поддержана учеными-естественниками (Санкт-Петербургская школа физиологии), их экспериментальными исследованиями, и является одним из элементов реалистического воззрения.

Весьма эстетично и символично выглядит художественная иллюстрация процесса эволюции, имеющаяся на титуле некоторых работ Спенсера – эмблема цветка: «Внизу изображены кристаллы, представляющие огненного происхождения скалы, источник коих таится в недрах земных и обломки которых образуют различные геологические слои, составляющие твердую кору земного шара. На них стелется наносная почва, местами покрытая плесенью. Последняя дает начало двум видам растений – растениям тайнобрачным (не цветущим) и явнобрачным (цветущим). Представителем явнобрачных взято двусемядольное растение, т. е. высшая форма растительной жизни, в чем убеждаемся по листьям, почке, цветку и плодам, выпадающим из сумки. На нем приютилось и им питается насекомое, причем внизу по стеблю ползет личинка, в средней части подвешена куколка, а на цветке покоится совершенное насекомое – бабочка» [6, с. 4].

Данная естественнонаучная зарисовка демонстрирует, что закон эволюции носит всеобщий характер и охватывает все сферы действительности: от физико-биологических явлений до социально-психологических. Идея всеобщей связи явлений в природе, их взаимная обусловленность, корреляция материального и духовного – важная составляющая, взятая на вооружение философским реализмом. Эта идея до сих пор не получила должного осмысления в современной философии, хотя еще И. Кант оставил мировому сообществу «философское завещание» – найти принцип, связующий все в единое целое. В своей диссертации «О мире чувственном и мире умопостигаемом» он писал: «Когда дано много субстанций, то основанием возможности их общения является не только само их существование, но требуется и еще что-то другое, из чего были бы поняты их взаимные отношения». И далее, если «очистить» понятие взаимодействия от предвзятого суждения, что отдельные «случайные» субстанции мира (отличные от «необходимых») самим своим существованием воздействуют друг на друга, «...то получим вид взаимодействия, который единственно может быть назван *реальным*, и благодаря которому мир заслуживает названия *реального целого*, а не идеального и воображаемого» [3, с. 26]. Само многообразие чувственно воспринимаемого мира ничего не объясняет и не доказывает его реальности. Необходимо найти «что-то другое», принцип, по которому не только многообразие представляется связанным, но и представление оказывается связанным с представляемым – необходим коррелят.

Принцип связи, или коррелят, предполагает связь «по форме». Читаем у Канта: «...Связь, составляющая сущностную форму мира, рассматривается как *принцип возможных влияний друг на друга субстанций* (курсив мой – С. К.), составляющих мир. Ведь действительные влияния относятся не к сущности, а к состоянию мира, и сами переходящие силы, т. е. *причины влияний предполагают* известное начало (в другом переводе, «*некий принцип*» [4, с. 282] – прим. С. К.), благодаря которому возможно то, чтобы состояния многих друг от друга независимых вещей взаимно обусловлены; отрицая такое начало, нельзя предполагать и возможности переходящих сил в мире» [3, с. 4–5]. Таким образом, формально мир есть такое целое, где существующие в

действительности явления связаны друг с другом, во-первых, по принципу дополнительности, т. е. так, что при игнорировании какого-либо одного явления невозможно объективно представить целого; во-вторых, связь их носит вероятностный характер, заключающийся в *возможном* воздействии друг на друга независимых в реальном пространстве и времени (в действительности) явлений.

Подойти к решению вопроса о связи материального и идеального в реальной действительности пытался немецкий мыслитель Е. Дюринг. Однако, присвоив ему «титул» эклектика [см.: 10], механически соединившего идеи материализма, идеализма и позитивизма, исследователи оставили вне поля научного и философского внимания его попытку ввести в изучение действительности принцип виртуальности.

Он считал, что «виртуальное начало есть самое общее и, так сказать, наиболее философское, с каким нам доселе пришлось встретиться» [2, с. 88]. Опираясь на принцип виртуальности, Дюринг пытался преодолеть доминирующее механистическое мировоззрение, оставаясь на реальной почве науки и опыта.

В своей работе «Критическая история общих принципов механики» он писал, что «настоящими аксиомами ... служат не основные схемы мышления, но основные состояния природы» [2, с. 2]. Одновременно указывал, что рациональное, т. е. проспективно-теоретическое постижение природы определяется «степенью понимания, каковое будет раскрыто относительно общих оснований вещей в специальных и сложных процессах» [2, с. 3]. Мало изучить механизмы природы, необходимо найти реальные основания («дознанные причины» – Е. Дюринг, – прим. С. К.) всеобщих процессов, в которые включен человек. Виртуальный принцип предполагает наличие основания для возникновения (начала, рождения, появления) чего-то в равновесной системе. Это основание может быть выражено сколь угодно малой величиной.

Е. Дюринг пишет: «Если рассматривать виртуальное действие сил, то принцип уже упрочен, и дальнейший вопрос только в том, как измерять это виртуальное действие. Но чтобы знать, как оценивать виртуальное действие сил, нужно прежде согласиться насчет того, как и какими *факторами* вообще определять силовое действие. Актуальное и свободное силовое действие дает также меру для выражения просто возможного и виртуального, т. е. ограниченного действия. *Таким образом виртуальный принцип отсылает к понятию величины силы и ее факторов*» [2, с. 275]. Для того, чтобы «рассчитать» силу возможных изменений и их направление, необходимо построить теоретическую модель изучаемого явления. Дюринг считал, что «такой рациональности не имеется еще в наличности...» [2, с. 275] и это задача будущего.

В настоящее время мы широко используем понятие «виртуальная реальность», не позаботившись о его философском определении.

Таким образом, можно заключить, что позитивная философия подготовила методологическую почву для формирования реалистического мировоззрения в

русской мысли. Позитивистские идеи в определенном смысле дают ключ к интерпретации явлений современной действительности, что позволяет разрабатывать «философию действительности». Позитивизм сохраняет историческое значение как действенный противовес метафизике и мистицизму.

Список литературы

1. Вернадский В. И. Кант и естествознание // Избранные труды по истории науки. – М.: Наука, 1981. – 359 с.
2. Дюринг Е. Критическая история общих принципов механики. – М.: Издание переводчика, 1893. – 532 с.
3. Кант И. О форме и началах мира чувственного и умопостижимого. – СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1910. – 119 с.
4. Кант И. О форме и принципах чувственно воспринимаемого и интеллигибельного мира // Собрание сочинений: в 8 т. Т. 2. – М.: Чоро, 1994. – С. 277–320.
5. Коломийцев С. Ю. История философии науки: от XIX до начала XXI века. – СПб.: ГУАП, 2016. – 196 с.
6. Любомудров И. Введение в философию Г. Спенсера. – Самара: Губернская типография, 1897. – 43 с.
7. Рыбас А. Е. Позитивная философия в России конца XIX – первой трети XX вв. – Mauritius: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2017. – 324 с.
8. Филиппов М. М. Кант и его метод. – СПб.: Типография А. Пороховщикова, 1898. – 53 с.
9. Филиппов М. М. Философия действительности // Сочинения: в 2 ч. Ч. 2. – СПб.: Типография А. Пороховщикова, 1897. – С. 477–1177.
10. Дюринг // Словари и энциклопедии на Академике. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/2261 (дата обращения: 09.06.2019).

References

1. Vernadskiy V. I. Kant and Natural Science [Kant i estestvoznanie]. *Izbrannyye trudy po istorii nauki* (Selected Works on the History of Science). Moscow, Nauka, 1981, 359 p.
2. Dühring E. A Critical History of the General Principles of Mechanics [*Kriticheskaya istoriya obschikh printsipov mekhaniki*]. Moscow, Izdanie perevodchika, 1893, 532 p.
3. Kant I. Dissertation on the Form and Principles of the Sensible and the Intelligible World [*O forme i nachalakh mira chuvstvennogo i umopostigaemogo*]. Saint Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha, 1910, 119 p.
4. Kant I. Dissertation on the Form and Principles of the Sensible and the Intelligible World [*O forme i principakh chuvstvenno vosprinimaemogo i intelligibel'nogo mira*]. *Sobranie sochinenii v 8 t. T. 2* (Collected Works: in 8 vol. Vol. 2). Moscow, Choro, 1994, pp. 277–320.

5. Kolomiytsev S. Y. History of the Philosophy of Science: From the XIX to the Beginning of the XXI Century [*Istoriya filosofii nauki: ot XIX do nachala XXI veka*]. Saint Petersburg, GUAP, 2016, 196 p.

6. Lyubomudrov I. Introduction to the Philosophy of H. Spencer [*Vvedenie v filosofiyu G. Spensera*]. Samara, Gubernskaya tipografiya, 1897, 43 p.

7. Rybas A. E. Positive Philosophy in Russia at the End of XIX – First Third of the XX Centuries [*Pozitivnaya filosofiya v Rossii kontsa XIX – pervoy treti XX veka*]. Mauritius, LAP LAMBERT Academic Publishing, 2017, 324 p.

8. Filippov M. M. Comte and His Method [*Kont i ego metod*]. Saint Petersburg, Tipografiya A. Porokhovschikova, 1898, 53 p.

9. Filippov M. M. Philosophy of Reality [*Filosofiya deystvitelnosti*]. *Sochineniya: v 2 ch., Ch. 2* (Works: in 2 vol. Vol. 2). Saint Petersburg, Tipografiya A. Porokhovschikova, 1897, pp. 477–1177.

10. Dühring [Düring]. Available at: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/2261 (accessed 09 June 2019).

УДК 1(091)

Православный позитивизм А. А. Ухтомского*¹

Рыбас Александр Евгеньевич – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет», Институт философии, кафедра русской философии культуры, доцент, кандидат философских наук, Санкт-Петербург, Россия.

Email: alexirspb@mail.ru

199034, Россия, С.-Петербург, Менделеевская лин., 5,

тел.: +7 (921) 387-87-91.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Одним из наиболее влиятельных направлений философской мысли в России второй половины XIX – первой четверти XX века был позитивизм, представленный вначале идеями О. Конта, Дж. Ст. Милля, Г. Спенсера, Э. Литтре, а затем Э. Маха и Р. Авенариуса. Знакомясь с этими идеями и популяризируя их, русские философы, однако, не становились эпигонами позитивизма, а, наоборот, пытались развивать собственные концепции, что зачастую приводило их к резкой критике основоположников позитивной философии.

Результаты: В ходе дискуссий сформировался феномен русского позитивизма, во многом существенно отличавшегося от своего прототипа. Кроме того, идеи позитивизма проникли в сферы художественного творчества, естествознания, искусства и даже религии. На фоне всеобщего увлечения идеалами научности формируются и философские взгляды А. А. Ухтомского, выдающегося физиолога, создателя учения о доминанте. В своих работах, посвященных преимущественно вопросам изучения высшей нервной деятельности, но далеко выходящих за их пределы, он попытался синтезировать идеи эмпириокритицизма, естествознания, патристики и русской религиозной философии.

Вывод: Философскую позицию А. А. Ухтомского следует обозначить термином «православный позитивизм».

Ключевые слова: русский позитивизм; эмпириокритицизм; А. А. Ухтомский; доминантная теория; научная философия; история русской философии.

* © А. Е. Рыбас, 2019.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ по проекту № 19-011-00398 «Второй позитивизм в России: философская проблематика, влияние, критика».

Orthodox Positivism of A. A. Ukhtomsky

Rybas Aleksandr Evgenievich – Saint Petersburg State University, Institute of Philosophy, Russian Philosophy and Culture Department, associate professor, PhD (philosophy), Saint Petersburg, Russia.

Email: alexirspb@mail.ru

Mendeleev Line, 5, Saint Petersburg, 199034, Russia,

tel.: +7 (921) 387-87-91.

Abstract

Background: One of the most influential schools of philosophical thought in Russia in the second half of the XIX – the first quarter of the XX century was positivism, presented by the ideas of O. Comte, J. St. Mill, G. Spencer, E. Littré, and then by those of E. Mach and R. Avenarius. While studying these ideas and popularizing them, Russian philosophers, however, did not become the epigones of positivism, in contrast, they tried to develop their own concepts, which often led them to sharp criticism of the founders of positive philosophy.

Results: During the discussions, the phenomenon of Russian positivism was formed, which in many respects significantly differed from its prototype. In addition, the ideas of positivism penetrated the spheres of artistic creativity, science, art, and even religion. Against the background of universal enthusiasm for scientific ideals, the philosophical views of A. A. Ukhtomsky, an outstanding physiologist, the creator of the doctrine of the dominant, were also formed. In his works devoted mainly to the study of higher nervous activity, but far beyond their limits, he tried to synthesize the ideas of empiriocriticism, natural science, patristics, and Russian religious philosophy.

Conclusion: The philosophical position of A. A. Ukhtomsky should be designated by the term “Orthodox positivism”.

Keywords: Russian positivism; empiriocriticism; A. A. Ukhtomsky; dominant theory; scientific philosophy; history of Russian philosophy.

Одним из наиболее важных направлений в русской философии XIX – начала XX века был позитивизм. В отличие от религиозных философов, пытавшихся постичь Абсолют и опиравшихся на веру и предание, сторонники позитивной философии единственным источником познания считали эмпирические исследования, отвергая метафизику и религиозную догматику. Подлинное, или позитивное, знание представлялось при этом совокупным результатом специальных наук, и прежде всего естествознания. Основную задачу позитивной философии они видели в том, чтобы преодолеть укорененный в традиции онтологический и гносеологический дуализм, выработав единый метод научного и философского познания.

Впервые идеи О. Конта становятся известными в России во второй половине 1840-х годов. В 1847 году в журнале «Отечественные записки» была опубликована обширная статья В. Милютина, излагавшая основные идеи «Курса позитивной философии». Однако популярность пришла к позитивизму

только в середине 1860-х годов, когда практически во всех ведущих журналах стали помещаться материалы, анализирующие и, как правило, критикующие воззрения основоположников позитивизма. В 1898 году открытие первого в России Петербургского философского общества было отмечено чтениями и публикациями в честь столетнего юбилея со дня рождения Конта. В это же время активно распространяется эмпириокритицизм, повлиявший не только на развитие отечественной философии, но и на историю России.

Влияние позитивизма на русскую философию классического периода было настолько большим, что практически в каждой философской системе того времени можно наблюдать или критическую реакцию на него, которая в большинстве случаев так или иначе способствовала развитию собственных взглядов философов (как, например, у В. С. Соловьева, наиболее известного обличителя О. Конта, в то же время глубоко воспринявшего целый ряд его идей), или попытки продолжить дело позитивизма, отделив «дух позитивной философии», или научный метод, от различных конкретных его применений (и прежде всего от «огюст-контизма», который рассматривался сторонниками позитивной философии, особенно такими, как Н. Г. Чернышевский и Д. И. Писарев, главным образом в критическом ключе).

Отношение к позитивизму в русской философии всегда было неоднозначным. С одной стороны, его считали наиболее влиятельной доктриной столетия, оплодотворившей различные направления мысли², утверждали, что почти все мыслящие люди XIX века явно или неявно были позитивистами, Конта называли центральной фигурой XIX века, его символом, пророком будущего, настаивали на признании «великой заслуги безбожника и нехристя Конта перед христианским миром» [10, с. 578], призывая даже причислить его к лику святых. С другой стороны, никто в России не стал ортодоксальным позитивистом: сторонники этого направления предпочитали отталкиваться от позитивизма, считая его необходимым моментом в становлении их собственных философских взглядов, моментом, который непременно должен был быть пройден и затем оставлен как опыт ученичества. Очевидно только то, что позитивизм в России был весьма востребованным учением, соответствовал запросам времени и способствовал развитию самых разных тенденций в русской философской культуре.

Можно выделить целый круг философских проблем, обсуждение которых в России было инициировано рецепцией позитивизма. «Первый» позитивизм породил дискуссии о «законе трех стадий» и прогрессивном развитии научного знания, о конце метафизики и теологии как учений об абсолютной истине, о критериях «позитивной» философии и науки, о возможности познания без апелляции к вечным сущностям, а также о свободе человека и его социальном творчестве, предполагающем утверждение принципов альтруизма в качестве

² Именно такая оценка господствовала в докладах заседаний Санкт-Петербургского философского общества, приуроченных к столетию со дня рождения Конта. Выступали В. С. Соловьев («Об общих идеях О. Конта»), С. Е. Савич («О математических трудах О. Конта»), О. Д. Хвольсон («О позитивной философии и физике»), С. М. Лукьянов («О позитивной биологии О. Конта»), А. С. Лаппо-Данилевский («О позитивном методе в социологии О. Конта»).

основополагающих социальных и культурных ценностей. «Второй» позитивизм привлек внимание русских философов прежде всего к разработке гносеологической проблематики, связанной с попыткой «преодоления дуализма мысли и жизни» посредством критики опыта, т. е. обнаружения в нем и устранения из него догматически принятых метафизических допущений с целью достижения его относительной «чистоты», гарантирующей научность познания; этому способствовали разработанные Р. Авенариусом и Э. Махом метод элиминации, принцип экономии мышления, или наименьшей траты сил, учение об элементах опыта и о комплексах элементов, теория двух видов зависимости элементов – психического и физического, принцип полного параллелизма психического и физического и т. д. Приверженцы эмпириокритицизма в России хотя и считали его философией современного естествознания и активно занимались ее популяризацией, главную свою задачу видели в том, чтобы критически переосмыслить основополагающие принципы Э. Маха и Р. Авенариуса, устранив ошибки и противоречия из их учения.

Важно отметить, что позитивизм как первой, так и второй волны оказал заметное влияние в России не только на тех философов, которые разделяли эту позицию, но и на других, практически всех мыслителей, определив тем самым интеллектуальную атмосферу в целом. В частности, непосредственное воздействие позитивизма на русскую мысль конца XIX – первой трети XX века выразилось в появлении особого взгляда на предмет философии и способ философского познания. Не только позитивисты, но и многие представители самых разнообразных философских учений начинают требовать от философии конкретных результатов, которые можно было бы использовать в практической жизни – подобно тому, как используются достижения точных наук. Н. А. Бердяев писал в это время, подводя итог своим наблюдениям: «Мечта новой философии – стать научной или наукообразной. Никто из официальных философов не сомневается серьезно в верности и законности этого стремления во что бы то ни стало превратить философию в научную дисциплину. На этом сходятся позитивисты и метафизики, материалисты и критицисты» [1, с. 262].

Общее настроение, характеризующееся установкой на признание безоговорочного авторитета науки, привело к тому, что наука стала пониматься не только как универсальный способ обретения знаний, необходимых для жизни человека, но и как наивысшая культурная ценность, определяющая уровень социального и духовного развития человека. В результате многие русские мыслители стали трактовать философию как науку, а науку – как философию, доказывая гомогенность философского и научного знания и тем самым придавая научным истинам характер ценностей, а ценностям – характер научного знания. Очевидно, что для сторонников позитивизма подобный ход рассуждений был вполне логичен и ожидаем; не случайно ведь идея «научной философии» была представлена ими как результат тысячелетнего развития мировой философии, получив таким образом и историко-философское осмысление [см.: 2; 7]. Но и далекие от позитивизма люди также пытались доказать возможность строгой фиксации предметности философского знания,

определения критериев его истинности и выработки единой методологии познания.

Так, например, П. Я. Чаадаев, Б. Н. Чичерин, Н. О. Лосский, С. Л. Франк и Г. Г. Шпет, которых вряд ли возможно заподозрить в симпатиях к позитивизму, полностью соглашались с требованием наукообразности философии и старались следовать в своем философском творчестве идеалу научности. Показательным примером является в данном случае позиция Н. О. Лосского, который, истолковывая русскую философию в контексте религиозной веры, утверждал, однако, что философия – это знание, а не выдумка праздного воображения. В заключительной главе своей «Истории русской философии» он писал: «Философия – это наука. Как и всякая другая наука, философия стремится к установлению строго доказуемых истин не для избранных народов или наций, а для всех мыслящих людей» [8, с. 468]. Более того, Н. О. Лосский сопоставлял философию с точными науками и признавал, что «философия даже в наши дни находится на более низком уровне развития, чем, например, такие науки, как математика или физика» [8, с. 469]. Именно недостаточной развитостью философии как науки он объяснял факт существования многочисленных философских школ, иногда прямо противоположных и крайне враждебных друг другу, а также «ошибки» в наиболее значительных философских системах. То, что философия может отражать характер и интересы тех народов, которые занимаются ею, также является, по мнению Н. О. Лосского, следствием неразвитости философского познания.

На фоне всеобщего увлечения идеалами научности формируются и философские взгляды А. А. Ухтомского, выдающегося физиолога, создателя учения о доминанте. В своих работах, посвященных преимущественно вопросам изучения высшей нервной деятельности, но далеко выходящих за их пределы, А. А. Ухтомский попытался синтезировать идеи эмпириокритицизма, естествознания, патристики и русской религиозной философии. Казалось бы, сочетание указанных позиций непременно должно было привести А. А. Ухтомского к эклектизму, однако никакого эклектизма в его воззрениях нет. Именно это обстоятельство заставляет обращаться к анализу философских взглядов русского ученого, и нельзя не отметить, что в последнее время число исследований, в которых ставится задача найти общее основание для столь различных мировоззренческих установок, постоянно растет [см.: 3–5; 12].

Один из вариантов решения этой задачи реализован в работах С. Н. Коробковой, которая предлагает рассматривать философские взгляды А. А. Ухтомского в аспекте реалистического мировоззрения: «Именно реализм как философская система позволяет целостно представить философскую концепцию А. А. Ухтомского и связать воедино науки (физиологию, психологию), мораль и религиозные чувства» [6, с. 162]. Понимая философский реализм как динамическую корреляцию духовного и материального, С. Н. Коробкова подчеркивает, что А. А. Ухтомский, подобно другим выдающимся ученым (Д. И. Менделееву, Н. А. Умову, М. М. Филиппову), признававшим себя реалистами с целью подчеркнуть несводимость их позиции ни к идеализму, с одной стороны, ни к материализму, с другой, старался

учитывать как духовные явления с их спецификой и вариативностью, так и конкретные факты действительности, явления природы, изучение которых могло вестись только посредством методов точных наук. Таким образом, принцип доминанты А. А. Ухтомского, согласно С. Н. Коробковой, позволил обосновать связь духовного (психического) и материального (физиологического) в практической деятельности человека. В контексте реалистического мировоззрения следует рассматривать и философские взгляды А. А. Ухтомского, в результате чего они могут быть сведены в систему, причем такие понятия, как «природа», «опыт», «естественность», являются здесь основополагающими.

Соглашаясь в основном с выводами С. Н. Коробковой, можно, тем не менее, указать на то обстоятельство, что термин «философский реализм», хотя он и использовался довольно часто в русской философии начиная с А. И. Герцена и Д. И. Писарева, так и не получил окончательного содержательного закрепления. Именно поэтому С. Н. Коробкова вынуждена самостоятельно определять его значение, реконструируя – а, может быть, и моделируя – соответствующую традицию русской мысли. Конечно, такая реконструкция вполне допустима, и создание термина и даже целой традиции может являться адекватным результатом историко-философского исследования. Однако если учесть, что в России в рассматриваемый период уже была сложившаяся и институционально оформленная философская школа, так же оперировавшая ключевыми понятиями «опыт», «природа» и «естественность» и так же старавшаяся преодолеть психофизический дуализм, то выделение философского реализма в качестве особой традиции будет, скорее всего, излишним. Очевидно, речь идет о русском позитивизме, и прежде всего об эмпириокритицизме. К тому же и сам термин «реалистическое мировоззрение» был использован русскими эмпириокритиками для обозначения их философской позиции, о чем и свидетельствует изданный в 1904 году сборник их работ, в котором была предпринята попытка систематизации философских взглядов [см.: 9]. Таким образом, при анализе воззрений А. А. Ухтомского уместнее сослаться не на философский реализм, а на второй позитивизм – более содержательно определенное направление русской мысли первой четверти XX века.

Сначала А. А. Ухтомский получил духовное образование: в 1899 году он окончил словесное отделение Московской духовной академии, защитив диссертацию на тему «Космологическое доказательство бытия Божия». В этой работе он предпринял попытку «доказать бытие Божие тем же самым способом и направлением мысли, какой создал науку о природе» [19, с. 321]. Решая поставленную задачу, А. А. Ухтомский настаивает на необходимости прояснения статуса и функций религиозного опыта. Традиционно этот опыт рассматривался только в контексте веры и личного совершенствования человека, а не в контексте познания, что приводило к ряду неразрешимых проблем. Например, все больше обнаруживалась несовместимость церковного вероучения и выводов естественных наук, в результате чего усиливалось противостояние религиозной метафизики и позитивной философии.

А. А. Ухтомский показывает ошибочность противопоставления веры и знания, которые в действительности дополняют и проясняют друг друга, являясь «двумя сокровищницами мысли», содержащими ответы на все вопросы жизни.

Разрыв между верой и знанием А. А. Ухтомский объясняет следующим образом: «Откуда общепринятое теперь различие in genere “знания” (науки) и “веры” (религии)? Оно, очевидно, случайного (исторического) происхождения, не заключается в самих понятиях: ведь всякое знание – психологически есть “верование”... а “верование” в истории всегда было высшим откровением, чистым знанием действительности. Лишь историческими особенностями интеллектуального прогресса человечества объясняется это явление, что часть интеллектуального запаса человека, отставая и отрываясь от живого и идущего вперед русла понятий и “верований”, становится сначала “высшим знанием”, в противоположность общедоступному, вседневному, опытному знанию, затем – “верой” и “религией” (“священным преданием”) в противоположность “знанию” – в специальном смысле» [13, с. 273].

В данном случае А. А. Ухтомский, скорее всего, опирался на идеи В. С. Соловьева, изложенные им в «Чтениях о Богочеловечестве» – цикле публичных лекций, прочитанных в 1878 году. Согласно В. С. Соловьеву, религиозный, или «внутренний», опыт функционально тождественен опыту «внешнему»: «в обоих случаях опыт дает только психические факты, факты сознания, объективное же значение этих фактов определяется творческим актом веры» [11, с. 63]. Но если В. С. Соловьев, исходя из этого, доказывал возможность философии религии, то А. А. Ухтомский ставит задачу шире: обосновать единство человеческого опыта и преодолеть дуализм физического и духовного, указав на естественнонаучные основы нравственности и обнаружив те физиологические механизмы, которые формируют поведение человека, качества его личности и мировоззрение.

Преодоление дуализма позволит, полагал А. А. Ухтомский, восстановить истинное значение христианской религии, потому что избавит ее от «идеализма», т. е. от привычки диктовать миру его законы. «Я именно убежден с Духовной академии, – пишет он в записной книжке, – что только чистая позитивистическая мысль, мысль, знающая один метод познания – опыт, как бы он ни приходил, только эта чистая позитивистическая мысль способна вернуть христианству его светлый жизненный голос в мире. Это – традиция христианской александрийской школы. Стоически-неоплатоновская традиция, возобладавшая в истории Церкви, увела христианскую мысль в пустынные поля догматических абстракций, в “филологию” вместо философии» [18, с. 409].

Поскольку религиозный опыт представляет собой психическое состояние человека, а психика обусловлена высшей нервной деятельностью, то он должен изучаться при помощи физиологии. Неслучайно в раннем христианстве тело человека почиталось наравне с душой, что нашло отражение в патристике. Отцы церкви считали, что тело, или «естество», дано Богом человеку для того, чтобы он мог проявлять свои душевные устремления. Бог все устроил разумно, и поэтому знание тела – «покрова души» – так же необходимо, как и духовное

знание. Между телом и душой изначально существует гармония, и ее нарушение как в ту, так и в другую сторону ведет к одностороннему рационализму и догматизму, препятствующим «собеседованию человека с истиною». А. А. Ухтомский выражает взаимную зависимость души и тела следующим образом: «Тело и его поведение и обычаи могут воспитываться и следовать за тем, что созрело и решено внутри. Но и дух и воля воспитываются тем, что сложилось и как воспитано тело и поведение» [13, с. 278].

После защиты диссертации А. А. Ухтомский становится кандидатом богословия, однако продолжать церковную карьеру отказывается. Его привлекают естественные науки, прежде всего физиология, и поэтому он поступает на восточный факультет Санкт-Петербургского университета, чтобы затем перевестись на физико-математический факультет (выпускникам духовных академий запрещалось поступать на естественнонаучные факультеты, но не запрещалось переводиться с других факультетов). А. А. Ухтомский ставит перед собой цель создать единую науку о человеке, в которой человек рассматривался бы как «живое целое», с присущими ему телесными, душевными и духовными качествами, а также внутренней свободой и способностью к творчеству. Эта интегральная наука может быть названа «психофизиологией», поскольку все разнообразие психических состояний человека она должна описывать исходя из данных физиологии. «Мы привыкли думать, – пишет А. А. Ухтомский в дневнике, – что физиология – это одна из специальных наук, нужных для врача и не нужных для выработки миросозерцания. Но это неверно. Теперь надо понять, что разделение “души” и “тела” имеет лишь исторические основания, что дело “души” – выработка миросозерцания – не может обойтись без знания “тела” и что физиологию надлежит положить в руководящее основание при изучении законов жизни (в обширном смысле)» [13, с. 272].

А. А. Ухтомский становится учеником и последователем известного физиолога Н. Е. Введенского, основателя Петербургской физиологической школы. Представители этой школы считали, что «нормальное отправление органа (например, нервного центра) в организме есть не predetermined, раз навсегда неизменное качество данного органа, но функция от его состояния» [15, с. 36]. Таким образом, реакция нервного центра на соответствующий раздражитель не является неизменной и не может быть статическим его качеством, а определяется целым комплексом межцентральных отношений и в конечном итоге всей нервной системой. Описывая случаи нетипических реакций, Н. Е. Введенский ввел понятие «истертиозис», полагая, что оно должно описывать «сбои» нервной системы. А. А. Ухтомский, развивая подход своего учителя, предложил рассматривать эти случаи не как исключение из правила, а как важный факт нормальной деятельности нервной системы. То, что внешне выглядит как «сбой» в работе нервного центра, должно объясняться, согласно А. А. Ухтомскому, в более широком контексте, а именно с учетом влияния других нервных центров, которые в той или иной степени могут определить качество данной реакции. В том случае, когда влияние смежных центров отсутствует или сводится к минимуму, налицо «нормальная» реакция; когда же

раздражение смежных центров достаточно велико, то реакция протекает иначе, чем ожидалось.

В 1911 году А. А. Ухтомский защитил магистерскую диссертацию по теме «О зависимости кортикальных двигательных эффектов от побочных центральных влияний», в которой изложил указанное выше понимание работы нервных центров. Вместо понятия «истерия» он стал использовать термин «доминанта», взятый им из «Критики чистого опыта» Р. Авенариуса. Описывая механизм поведения человека, обусловленный работой центральной нервной системы (системы С), Р. Авенариус заметил, что иногда параллельные иннервационные ряды могут влиять друг на друга так, что один из них полностью изменяет другой, как бы подавляя его и подчиняя себе, в результате чего определяется и реакция организма в целом. А. А. Ухтомский увидел здесь точное изложение сути своей теории. Однако, в отличие от Р. Авенариуса, он придал доминанте центральное значение. Доминанта – это «господствующий очаг возбуждения, предопределяющий в значительной степени характер текущих реакций центров в данный момент» [15, с. 39] и привлекающий к себе волны возбуждения из самых различных источников.

А. А. Ухтомский выделил четыре основных признака доминанты:

- 1) повышенная возбудимость нервного центра;
- 2) способность нервного центра суммировать, накапливать в себе возбуждение;
- 3) способность поддерживать это возбуждение в течение долгого времени;
- 4) достаточная инерция, с которой, однажды начавшись в данном центре, возбуждение продолжается далее.

Поскольку доминанта предполагает возбуждение не одного нервного центра, а целой группы их, то можно говорить о развитии, или становлении, доминанты. А. А. Ухтомский выделил несколько этапов «роста» доминанты и продемонстрировал их при помощи эпизодов из «Войны и мира» Л. Н. Толстого, касающихся главной героини романа – Наташи Ростовской. Речь в данном случае идет о становлении доминанты на продолжение рода.

Первая фаза – это укрепление наличной доминанты по преимуществу: под влиянием внутренней секреции, рефлексорных влияний и пр. в организме формируется достаточно устойчивая доминанта, которая привлекает к себе в качестве поводов к возбуждению самые разнообразные рецепции. «Это Наташа Ростова на первом балу в Петербурге: “Он любовался на радостный блеск ее глаз и улыбки, относившейся не к говоренным речам, а к ее внутреннему счастью... вы видите, как меня выбирают, и я этому рада, и я счастлива, и я всех люблю, и мы с вами все это понимаем – и еще многое, многое сказала эта улыбка”» [15, с. 47]. На данном этапе доминанта просто заявляет о своем наличии, здесь важно то, что она уже сформировалась, и поэтому безразлично, какие раздражители позволяют судить о ее присутствии.

Вторая фаза развития доминанты характеризуется тем, что из множества действующих рецепций доминанта вылавливает те, которые для нее представляют особый биологический интерес. Это стадия выработки «адекватного раздражителя», благодаря которому происходит выделение

предметного комплекса раздражителей из среды. Так, Наташа у Бергов «была молчалива, и не только не была так хороша, как она была на бале, но она была бы дурна, ежели бы она не имела такого кроткого и равнодушного ко всему вида». Но вот появился князь Андрей, и она преобразилась: «из дурной опять сделалась такую же, какою она была на бале». Это произошло потому, объясняет Ухтомский, что «доминанта нашла своего адекватного раздражителя» [15, с. 48]: если раньше Наташа была возбуждена, красива и счастлива для всех, то теперь только для одного князя Андрея.

Третья фаза наступает тогда, когда между доминантой и раздражителем устанавливается прочная, «адекватная» связь, так что наличие одного из контрагентов будет вызывать наличие другого. Например, князя Андрея рядом нет; может быть, он уже погиб; но Наташе достаточно только вспомнить о нем или услышать его имя, чтобы пережить ту гамму эмоций, которая раньше вызывалась присутствием князя Андрея. Таким образом, князь Андрей из реального «раздражителя» становится идеальным, он моделируется как предмет мышления благодаря соответствующему состоянию нервной системы. Ухтомский делает вывод: «Среда поделилась целиком на “предметы”, каждому из которых отвечает определенная, однажды пережитая доминанта в организме, определенный биологический интерес прошлого. Я узнаю вновь внешние предметы, насколько воспроизвожу в себе прежние доминанты, и воспроизвожу мои доминанты, насколько узнаю соответствующие предметы среды» [15, с. 48].

На первых двух этапах развития доминанты она обуславливается соматическими (спинномозговыми) процессами, на третьем – закрепляется на кортикальном уровне. Кортикальные компоненты доминанты являются высшими, они в достаточной мере автономны, поскольку не зависят уже от состояния нервной системы, а сами могут влиять на нее, определяя психическую жизнь человека и его поведение. А. А. Ухтомский подчеркивает, что именно на кортикальном уровне происходит восстановление однажды пережитых доминант, которые могут воспроизводиться либо полностью (галлюцинации), либо частично, в виде сокращенного символа (воспоминание). Кортикальные компоненты доминанты образуют предметное мышление, а значит, составляют содержание познания и формируют мировоззрение. «С нашей точки зрения, – пишет А. А. Ухтомский, – всякое “понятие” и “представление”, всякое индивидуализированное психическое содержание, которым мы располагаем и которое можем вызвать в себе, есть след от пережитой некогда доминанты» [15, с. 51].

Тем самым преодолевается гносеологический дуализм (учение о двух принципиально отличных друг от друга видах познания: при помощи чувств и посредством разума), поскольку чувственное и рациональное познание оказываются фазами развития целостной доминанты. Вместо традиционного деления познавательных способностей человека А. А. Ухтомский вводит понятия «интегрального образа» и «интеграла опыта».

Интегральный образ является продуктом переживаемой нами в настоящее время доминанты, будь она сформирована впервые или же восстановлена, хотя

бы частично, из кортикальных компонентов ранее пережитых доминант. В интегральном образе связываются воедино все впечатления, которые имеют отношение к данному переживанию, и в результате у человека складывается соответствующее «понятие» о предмете. А. А. Ухтомский подчеркивает, что это понятие всегда наполнено «субъективными» оценками и является относительным и подвижным, открытым для дальнейшей содержательной коррекции. Интегральный образ – это «определенно творимый и интегрируемый образ во времени» [17, с. 321], он позволяет актуализировать хранящееся в памяти знание о данном предмете, чтобы по возможности расширить его с учетом новых рецепций, которые представляют в настоящий момент для доминанты биологический интерес. Происходит, как выражается А. А. Ухтомский, «переинтеграция» знания, что и составляет механизм его развития (так развиваются наука, философия и культура в целом).

После того, как переинтеграция состоялась, интегральный образ полагается в качестве законченно-неподвижной формы в пространстве и уходит в «склады памяти». При этом отбрасываются все субъективные характеристики переживания, оно объективируется, приобретает постоянные характеристики (сущность и свойства) и становится элементом того, что обычно называется «объективной реальностью». Если интегральные образы являются «дифференциалами действительности, которые мы допускаем ради удобства анализа», то интегралы опыта – это «то, во что отлилась совокупность впечатлений, приуроченных к определенной доминанте, которую мы пережили со всею ее историей для нас» [17, с. 314]. Между интегралами опыта и интегральными образами всегда идет борьба, поскольку «старая доминанта возобновляется или для того, чтобы при новых данных обойтись без помощи старого опыта, или для того, чтобы по новым данным переинтегрировать старый опыт» [14, с. 65]. Прекращение этой борьбы ведет к стагнации мысли, к схоластике в философии и науке.

Понимание действительности как результата пережитых доминант позволило А. А. Ухтомскому сделать вывод о возможности ее творческого моделирования. Очевидно, что если реальность «в чрезвычайной степени определяется тем, каковы наши доминанты и каковы мы сами» [16, с. 142], то для того, чтобы ее изменить, нужно «направить в определенное русло поведение и саму интимную жизнь людей» [14, с. 66], овладев доминантами в себе самих и в окружающих. Физиология дает возможность понять основные принципы поведения человека, объясняет смысл и структуру ставшего, однако она не в силах научно сформулировать идеал общественного развития, его цель. Здесь можно строить лишь гипотезы, и причем такие, которые нельзя фактически проверить. Смысл жизни всегда гипотетичен – он утверждается на свой страх и риск и доказывается собственным существованием человека. Философские истины, как и истины науки, открываются экспериментально, разница только в том, что в философии эксперимент длится целую жизнь.

В качестве цели индивидуального и социального развития А. А. Ухтомский предлагает считать «воспитание» доминанты на лицо другого. В данном случае он исходил из наблюдения о необходимости «золотого

правила нравственности» для существования социума. Это правило присутствует и в религиях, и в философских учениях, несмотря на их разнообразие. Выраженное в терминах физиологии, оно будет выглядеть так: нельзя человека сводить к абстракции и судить о нем с точки зрения своих доминант. Другой человек должен быть принят как другой, во всей его конкретности, независимо от теорий, предубеждений и предвзятостей. «Только там, где ставится доминанта на лицо другого, как на самое дорогое для человека, впервые преодолевается проклятие индивидуалистического отношения к жизни, индивидуалистического миропонимания, индивидуалистической науки. Ибо ведь только в меру того, насколько каждый из нас преодолевает самого себя и свой индивидуализм, самоупор на себя, ему открывается лицо другого. И с этого момента, как открывается лицо другого, сам человек впервые заслуживает, чтобы о нем заговорили как о лице» [16, с. 150].

Утверждение доминанты на лицо другого обеспечит, по мысли А. А. Ухтомского, высшее счастье человечества. Однако это счастье нельзя понимать как некоторое конечное состояние человечества, венец истории: «идеальный пункт покоя и совершенного удовлетворения остается и здесь только фикцией» [16, с. 147]. Человек существенно неопределим, и поэтому «дрессура человечества» должна вестись исходя из личного признания ответственности за реализацию того или иного проекта. «Наша организация, – пишет А. А. Ухтомский, – принципиально рассчитана на постоянное движение, на динамику, на постоянные пробы и построение проектов, а также на постоянную проверку, разочарование и ошибки. И с этой точки зрения можно сказать, что ошибка составляет вполне нормальное место именно в высшей нервной деятельности» [16, с. 148].

Краткий обзор философских взглядов А. А. Ухтомского позволяет сделать вывод о том, что их вполне допустимо обозначить термином «православный позитивизм». На причастность к позитивизму указывают и установка на опытное познание, и стремление связать соматику с интеллектом и духом, и, наконец, само понятие доминанты, взятое у Р. Авенариуса и логически развитое на основе принципов эмпириокритицизма. Православным позитивизм А. А. Ухтомского делает присущая русскому ученому религиозность, которая не только не боится «духа научности», но использует его для активного поиска «живой веры».

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека // Философия свободы. Смысл творчества. – М.: Правда, 1989. – С. 254–580.
2. Богданов А. А. Философия живого опыта. Материализм, эмпириокритицизм, диалектический материализм, эмпириомонизм, наука будущего. Популярные очерки. Изд. 2-е. – М.: КРАСАНД, 2010. – 272 с.
3. Гладнева Е. В. Целостная природа человека в отечественной физиологической и психофизиологической мысли второй половины XIX –

первой половины XX века: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. – СПб., 2010. – 22 с.

4. Каликанов С. В. Учение А. А. Ухтомского о доминанте: историко-философский анализ: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. – М., 2002. – 32 с.

5. Коробкова С. Н. Антропология А. А. Ухтомского в контексте русского естественнонаучного («физиологического») материализма: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. – СПб., 2000. – 21 с.

6. Коробкова С. Н. Доминантная теория А. А. Ухтомского в контексте реалистического мировоззрения // Соловьевские исследования. – 2015. – Вып. 2(46). – С. 159–170.

7. Лесевич В. В. Что такое научная философия? – М.: Директ-Медиа, 2011. – 458 с.

8. Лосский Н. О. История русской философии. – М.: Советский писатель, 1991. – 480 с.

9. Очерки реалистического мировоззрения: Сборник статей по философии, общественной науке и жизни. – СПб.: Издательство С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1904. – 676 с.

10. Соловьев В. С. Идея человечества у Августа Конта // Сочинения. В 2 т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1988. – С. 562–581.

11. Соловьев В. С. Чтения о Богочеловечестве // Чтения о богочеловечестве; Статьи; Стихотворения и поэма; Из «Трех разговоров...»: краткая повесть об Антихристе. – СПб.: Художественная литература, 1994. – С. 32–202.

12. Столбун Ю. В. Основы формирования учения о психической доминанте академиком А. А. Ухтомским: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук. – Тверь, 2003. – 46 с.

13. Ухтомский А. А. Две сокровищницы мысли (1887–1916) // Доминанта: Статьи разных лет. 1887–1939. – СПб.: Питер, 2002. – С. 266–284.

14. Ухтомский А. А. Доминанта и интегральный образ // Доминанта: Статьи разных лет. 1887–1939. – СПб.: Питер, 2002. – С. 52–66.

15. Ухтомский А. А. Доминанта как рабочий принцип нервных центров // Доминанта: Статьи разных лет. 1887–1939. – СПб.: Питер, 2002. – С. 36–51.

16. Ухтомский А. А. Доминанта как фактор поведения // Доминанта: Статьи разных лет. 1887–1939. – СПб.: Питер, 2002. – С. 113–150.

17. Ухтомский А. А. Жизнь с лицом человеческим (1923–1924) // Доминанта: Статьи разных лет. 1887–1939. – СПб.: Питер, 2002. – С. 307–334.

18. Ухтомский А. А. Заслуженный собеседник: Этика. Религия. Наука. – Рыбинск: Рыбинское подворье, 1997. – 576 с.

19. Ухтомский А. А. Из записных книжек // Интуиция совести: Письма. Записные книжки. Заметки на полях. – СПб.: Петербургский писатель, 1996. – С. 310–416.

References

1. Berdyaev N. A. The Meaning of the Creative Act [Smysl tvorchestva. Opyt opravdaniya cheloveka]. *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva* (The Philosophy of Freedom. The Meaning of the Creative Act). Moscow, Pravda, 1989, pp. 254–580.
2. Bogdanov A. A. The Philosophy of Living Experience. Materialism, Empiriocriticism, Dialectical Materialism, Empiriomonism, the Science of the Future. Popular Essays. [*Filosofiya zhivogo opyta. Materializm, empiriokrititsizm, dialekticheskiy materializm, empiriomonizm, nauka budushchego. Populyarnyye ocherki*]. Moscow, KRASAND, 2010, 272 p.
3. Gladneva E. V. The Holistic Nature of Man in the Russian Physiological and Psychophysiological Thought of the Second Half of the XIX – the First Half of the XX Century. Abstract of the Ph. D. Degree Thesis in Philosophy [*Tselostnaya priroda cheloveka v otechestvennoy fiziologicheskoy i psikhofiziologicheskoy mysli vtoroy poloviny XIX – pervoy poloviny XX veka: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata filosofskikh nauk*]. St. Petersburg, 2010, 22 p.
4. Kalikanov S. V. The Doctrine of A. A. Ukhtomsky about the Dominant: A Historical and Philosophical Analysis. Abstract of the Ph. D. Degree Thesis in Philosophy [*Uchenie A. A. Ukhtomskogo o dominante: istoriko-filosofskiy analiz: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata filosofskikh nauk*]. Moscow, 2002, 32 p.
5. Korobkova S. N. A. A. Ukhtomsky's Anthropology in the Context of Russian Natural and Scientific ("Physiological") Materialism. Abstract of the Ph. D. Degree Thesis in Philosophy [*Antropologiya A. A. Ukhtomskogo v kontekste russkogo estestvennonauchnogo («fiziologicheskogo») materializma: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata filosofskikh nauk*]. St. Petersburg, 2000, 21 p.
6. Korobkova S. N. The Dominant Theory of A. A. Ukhtomsky in the Context of the Realistic Worldview [Dominantnaya teoriya A. A. Ukhtomskogo v kontekste realisticheskogo mirovozzreniya]. *Solovyovskiy issledovaniya* (Solovyov Studies), 2015, № 2 (46), pp. 159–170.
7. Lesevich V. V. What is Scientific Philosophy? [*Chto takoye nauchnaya filosofiya?*]. Moscow, Direct Media, 2011, 458 p.
8. Lossky N. O. History of Russian Philosophy [*Istoriya russkoy filosofii*]. Moscow, Sovetskiy pisatel, 1991, 480 p.
9. Essays on a Realistic Worldview: A Collection of Articles on Philosophy, Social Science and Life [*Ocherki realisticheskogo mirovozzreniya: Sbornik statey po filosofii, obschestvennoy nauke i zhizni*]. St. Petersburg, Izdatelstvo S. Dorovatovskogo i A. Charushnikova, 1904, 676 p.
10. Solovyov V. S. The Idea of Humanity in the Works of Auguste Comte [Ideya chelovechestva u Avgusta Konta]. *Sochineniya. V 2 t. T. 2* (Works. In 2 vol. Vol. 2). Moscow, Mysl, 1988, pp. 562–581.
11. Solovyov V. S. Lectures on Godmanhood [Chteniya o Bogochelovechestve]. *Chteniya o Bogochelovechestve; Stati; Stikhotvoreniya i poema; Iz "Treh razgovorov...": kratkaya povest ob Antikhriste* (Lectures on Godmanhood; Articles; Poetry and a Poem; From "The Three Conversations...": A Short Tale of the Antichrist). St. Petersburg, Khudozhestvennaya literatura, 1994, pp. 32–202.

12. Stolbun Yu. V. The Fundamentals of the Mental Dominant Doctrine by Academician A. A. Ukhtomsky. Abstract of the Doctoral Degree Thesis in Psychology [*Osnovy formirovaniya ucheniya o psikhicheskoy dominante akademikom A. A. Ukhtomskim: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni doktora psikhologicheskikh nauk*], Tver, 2003, 46 p.

13. Ukhtomsky A. A. Two Depositories of Thought (1887–1916) [Dve sokrovishchnitsy mysli. 1887–1916]. *Dominanta: Statyi raznykh let. 1887–1939* (Dominant: Articles of Different Years. 1887–1939). St. Petersburg, Piter, 2002, pp. 266–284.

14. Ukhtomsky A. A. Dominant and the Integral Image [Dominanta i integralnyy obraz], *Dominanta: Statyi raznykh let. 1887–1939* (Dominant: Articles of Different Years. 1887–1939). St. Petersburg, Piter, 2002, pp. 52–66.

15. Ukhtomsky A. A. Dominant as a Working Principle of Nerve Centers [Dominanta kak rabochiy printsip nervnykh tsentrov]. *Dominanta: Statyi raznykh let. 1887–1939* (Dominant: Articles of Different Years. 1887–1939). St. Petersburg, Piter, 2002, pp. 36–51.

16. Ukhtomsky A. A. Dominant as a Behavior Factor [Dominanta kak faktor povedeniya]. *Dominanta: Statyi raznykh let. 1887–1939* (Dominant: Articles of Different Years. 1887–1939). St. Petersburg, Piter, 2002, pp. 113–150.

17. Ukhtomsky A. A. Life with a Human Face (1923–1924) [Zhizn s litsom chelovecheskim (1923–1924)]. *Dominanta: Statyi raznykh let. 1887–1939* (Dominant: Articles of Different Years. 1887–1939). St. Petersburg, Piter, 2002, pp. 307–334.

18. Ukhtomsky A. A. Honored Interlocutor: Ethics. Religion. Science [Zasluzhennyy sobesednik: Etika. Religiya. Nauka]. Rybinsk, Rybinskoye podvore, 1997, 576 p.

19. Ukhtomsky A. A. From the Notebooks [Iz zapisnykh knizhek]. *Intuitsiya sovesti: Pisma. Zapisnyye knizhki. Zametki na polyakh* (Intuition of Conscience: Letters. Notebooks. Marginal Notes). St. Petersburg, Peterburgskiy pisatel, 1996, pp. 310–416.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

Приём в аспирантуру ГУАП по направлению «Философия науки и техники» в 2019 году

Кафедра истории и философии Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения приглашает специалистов и магистров в аспирантуру по направлению «Философия науки и техники».

Возможны очное и заочное обучение:

– очное обучение: стоимость – 100 000 рублей за семестр, срок обучения 3 года;

– заочное обучение: стоимость 25 000 рублей за семестр, срок обучения 3 года, 10 месяцев.

Приём документов проводится с 12 августа по 3 сентября 2019 года. Вступительные экзамены состоятся с 5 по 17 сентября 2019 года.

По окончании обучения аспирантам выдаётся диплом исследователя-преподавателя. В случае успешной защиты диссертации аспирант получает учёную степень кандидата философских наук.

Контактная информация:

– электронная почта кафедры истории и философии: hiph@hf-guar.ru,

– ответственный за образовательную программу, доктор философских наук, профессор Орлов Сергей Владимирович: orlov5508@rambler.ru.

**Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Санкт-Петербургский государственный
университет аэрокосмического приборостроения»**

Институт философии НАН Беларуси

**Санкт-Петербургский государственный технологический институт
(Технический университет)**

**Сетевой журнал «Философия и гуманитарные науки в информационном
обществе»**

21–24 ноября 2019 года

**СЕДЬМАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ «ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА
ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА»**

ВТОРОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

Уважаемые коллеги! **21–24 ноября 2019 года** Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения совместно с Институтом философии НАН Беларуси, Санкт-Петербургским государственным технологическим институтом (Техническим университетом) и сетевым журналом «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» проводит Седьмую международную научно-практическую конференцию «Философия и культура информационного общества». Конференция является составной частью Международного научно-культурного форума «**Дни философии в Санкт-Петербурге – 2019**». Приглашённые на конференцию являются приглашёнными и на Форум в целом.

21 ноября все участники конференции приглашаются на мероприятия Международного научно-культурного форума, организованные Институтом философии Санкт-Петербургского государственного университета. 22 и 23 ноября в Санкт-Петербургском государственном университете аэрокосмического приборостроения будет проходить Седьмая международная научно-практическая конференция «Философия и культура информационного общества». День 24 ноября зарезервирован для личных контактов и знакомства с культурой Санкт-Петербурга. Участие в Седьмой международной научно-практической конференции, публикация и получение её материалов – **бесплатно**. В то же время оргкомитет Международного научно-культурного форума установил **организационный взнос**, необходимый для получения во время общегородских мероприятий в СПбГУ комплекта материалов Форума в целом.

Задача конференции – изучение опыта исследования современного общества, философских, культурологических, социологических,

политологических и психологических аспектов теории постиндустриального (информационного) общества, её оценка с позиций философского материализма. Предполагается затронуть широкий круг проблем:

- новый взгляд на фундаментальные проблемы философии – концепции материи (бытия), развития и человека – в эпоху информационного общества;
- роль историко-философских и историко-культурных традиций в решении проблем современного общества;
- русская философия и проблемы информационного общества;
- политика и геополитика в информационном обществе;
- компьютерная техника, информационные технологии, кибернетическая картина мира и их влияние на общественное развитие;
- изменения в культуре и искусстве информационного общества;
- современные проблемы развития науки и образования.
- творчество в условиях информационного общества;
- человеческое творчество и эвристики искусственного интеллекта.

Планируется пленарное заседание, круглый стол, а также работа секций (список секций и пленарных докладов может быть изменён и дополнен в соответствии с предложениями участников конференции).

Доклады на пленарном заседании.

1. Лосев К. В., декан гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор экономических наук. (Тема доклада уточняется).

2. Плющ А. Н., Институт социальной и политической психологии Национальной Академии педагогических наук Украины, лаборатория методологии психосоциальных и политико-психологических исследований, ведущий научный сотрудник, доктор психологических наук, Киев, Украина. «Задание смысла политологических понятий как инструмент “умной” силы (демократия, открой личико)»

3. Гуторов В. А., Санкт-Петербургский государственный университет, факультет политологии, заведующий кафедрой теории и философии политики, доктор философских наук, профессор. «Образование в политико-философском измерении: современные дискуссии».

4. Немировский В. Г., Тюменский государственный университет, главный научный сотрудник, главный редактор академического журнала «Сибирский социум / Siberian Socium», доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор. «Социокультурная утопия и антиутопия в трансформации современной России».

5. Левин В. И., Пензенский государственный технологический университет, ведущий научный сотрудник, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. «Проблемы организации и функционирования российской науки».

6. Семёнов С. Н., директор Центра профессионального творчества Консорциума «Нефтегазовый центр» (ООО МИП Уфимского государственного

нефтяного технического университета), кандидат философских наук, доцент. «Проблема творчества как средство осмысления информационного общества».

7. Быданов В. Е., Санкт-Петербургский государственный технологический институт (Технический университет), заведующий кафедрой философии, кандидат философских наук, доцент. «Информационные технологии в современном обучении в вузе: позитивное и негативное».

8. Орлов С. В., Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, профессор кафедры истории и философии, главный редактор сетевого журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе», доктор философских наук, профессор. «Философия информационного общества как исследовательский проект».

Заседания секций

1. Философия в информационном обществе (руководитель – д. филос. н., проф. Орлов С. В., Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения).

2. Эстетизм и логос в горизонте современности (руководители – д. филос. н., проф. Грякалов А. А., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; д. э. н., доц. Лосев К. В., Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения).

3. Политика и геополитика эпохи информационного общества, (руководитель – Заслуженный деятель науки Российской Федерации, д. соц. н., проф. Исаев Б. А.).

4. Междисциплинарные исследования культуры в эпоху информационного общества (руководители – д. ист. н., проф. Смирнова Т. М., к. культ., доц. Выжлецова Н. В., Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения).

5. Наука и русская философия: человек, информация, космос (руководители – д. филос. н., доц. Коробкова С. Н., к. филос. н., доц. Коломийцев С. Ю., Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения).

6. Современное образование: философия, психология, педагогика (руководитель – директор учебно-лингвистического центра Университета ИТМО, к. пед. н., доц. Дмитренко Н. А.).

7. Информационные технологии в современном обучении в вузе: позитивное и негативное (руководитель – к. филос. н., доц. Быданов В. Е., зав. кафедрой философии Санкт-Петербургского государственного технологического института (Технического университета)). **Заседания секции проводятся в помещении СПбГТИ(ТУ).**

8. Творчество в информационном обществе: новые черты, возможности, угрозы (философские, методолого-методические, психолого-педагогические, социально-культурные аспекты). Руководитель – к. филос. н., доц. Семёнов С. Н., директор Центра профессионального творчества Консорциума «Нефтегазовый центр УГНТУ».

Предполагается издание сборника тезисов докладов и выступлений и размещение его в системе РИНЦ. Заявки на участие в конференции и тезисы выступлений объёмом до 3-х страниц (наряду с тезисами могут быть сразу представлены статьи для журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» объёмом до 2 п. л.) просим высылать до **15 октября 2019 г.** электронной почтой:

orlov5508 @ rambler.ru – Орлову Сергею Владимировичу, или
kolomiytsev @ yandex.ru – Коломийцеву Сергею Юрьевичу.

Форма заявки в оргкомитет научно-практической конференции.

- 1) Фамилия, имя, отчество.
- 2) Учёная степень и учёное звание.
- 3) Место работы и должность.
- 4) Тема доклада (сообщения).
- 5) Почтовый адрес и контактные телефоны.
- 6) Электронный адрес.
- 7) Требуется ли место в общежитии на время конференции?

Статьи, подготовленные на основе материалов конференции, могут быть размещены до или после её проведения в сетевом журнале «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» (входит в РИНЦ, доменное имя сайта в Интернете: www.fikio.ru, адрес для переписки: orlov5508 @ rambler.ru).

Программа и приглашение на конференцию будут высланы её участникам электронной почтой до **30 октября 2019 г.** Для иногородних участников дата заезда – **20 ноября 2019 г.** Всем иногородним участникам при необходимости могут быть предоставлены гостевые места в студенческих общежитиях ГУАП. Желающих разместиться в общежитии просим сообщить об этом оргкомитету конференции по электронной почте (указанные выше адреса) **не позже 25 октября 2019 г.**

Контактный телефон: +7-921-390-31-82, Орлов Сергей Владимирович.
Email: orlov5508 @ rambler.ru.

С уважением,

заместитель председателя оргкомитета, декан гуманитарного факультета ГУАП, доктор экономических наук, доцент Лосев Константин Викторович,
заместитель председателя оргкомитета, профессор кафедры истории и философии ГУАП, доктор философских наук Орлов Сергей Владимирович,
учёный секретарь оргкомитета, кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии ГУАП Коломийцев Сергей Юрьевич.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Требования к оформлению статей

Журнал оформляется в соответствии с требованиями ВАК к ведущим научным изданиям и с требованиями крупнейшей зарубежной базы данных SCOPUS. Аналитическая база данных SCOPUS позволяет наладить обмен информацией между ведущими научными журналами мира, вычислять индекс цитирования учёных. Более подробная информация о её требованиях приводится ниже.

1) Редакция рецензируемого научного сетевого журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» принимает материалы объёмом, как правило, до 80 000 знаков (2 а. л.). Материалы, размещённые в электронном журнале, считаются опубликованными и являются объектами авторского права. При повторном опубликовании материалов в других изданиях ссылка на журнал «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» обязательна. Все материалы, представленные для публикации в Журнале, подлежат рецензированию. Рецензирование может осуществляться в двух формах: внешнее (сопроводительная рецензия-рекомендация к материалу, представленному для публикации в Журнале) и внутреннее (организуется Редакционной коллегией Журнала). Внешнее рецензирование является обязательным для материалов, представленных аспирантами или соискателями учёной степени кандидата наук; к таким материалам должен прилагаться отсканированный отзыв-рекомендация научного руководителя, заверенный подписью и печатью организации. Статьи аспирантов принимаются, как правило, в соавторстве с научным руководителем, в таком случае внешняя рецензия не требуется. Внутреннее рецензирование осуществляется в течение двух недель с момента получения статьи. Подписанный рецензентом и заверенный печатью оригинал рецензии хранится в редакции три года; автору рецензируемых материалов по его запросу предоставляется возможность ознакомиться с текстом рецензии.

Плата за публикации с авторов не взимается. Авторское вознаграждение не выплачивается. Точка зрения членов редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов статей.

2) Основной текст:

- формат листа – А4, ориентация – книжная
- формат файла – doc или rtf
- шрифт – Times New Roman
- масштаб – 100%
- интервал – обычный
- смещение – нет

- отступы от полей – 0 см
- междустрочные интервалы перед и после абзаца – 0 пт
- междустрочный интервал – одинарный
- размер шрифта – 14 пт
- поля – по 2,0 см со всех сторон
- абзацный отступ – 1,0 см

3) Перед статьёй указываются:

Сначала слева пишется индекс УДК. Ниже приводится заголовок (размер шрифта 16, полужирный, выравнивание по центру). Точка в конце заголовка не ставится. Ниже слева – ФИО авторов полностью. Далее для каждого автора: полное название организации, место работы в именительном падеже, должность, учёная степень, звание. Ниже справа указываются электронная почта, ниже – служебный почтовый адрес (с указанием страны и города) и телефон для контактов с авторами статьи (можно один на всех). Далее приводятся авторское резюме (обычно 100–250 слов – подробнее см. пункт 7) и ключевые слова, разделяющиеся точкой с запятой. Вся эта информация, кроме УДК, приводится сначала на русском, потом – на английском языках.

4) Примечания оформляются в виде постраничных сносок 10 шрифтом.

5) Список литературы в конце статьи оформляется в двух вариантах: русском и английском. Русский вариант должен быть выполнен в алфавитном порядке в соответствии с ГОСТ 7.1 – 2003. Английский вариант должен быть выполнен в соответствии с иностранным стандартом, принимаемым аналитической базой данных SCOPUS.

При оформлении списка литературы следует обратить внимание на некоторые особенности. Необходимо указывать всех авторов издания, не ограничиваясь тремя или четырьмя, для того, чтобы они все учитывались в аналитической системе. Запятая между фамилией автора и инициалами не ставится. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «.» и «,». Знаки «:», «-», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т. п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н. Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Использование сокращений нежелательно (например, правильное написать не «J Clin Endocrinol», а «Journal of Clinical Endocrinology & Metabolism»). Пожалуйста, сверяйтесь с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия.

Помните, что в любом случае, даже если у Вас возникает вопрос по оформлению документа, например, потому что он не подходит ни под один из рассмотренных ниже вариантов, главное, что должно быть понятно

иностранному читателю, не знакомому с русским языком, – это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Правила транслитерации для оформления списка литературы:

а	б	в	г	д	е	ё	ж	з	и	й	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	э	ю	я
a	b	v	g	d	e	e	zh	z	i	y	k	l	m	n	o	p	r	s	t	u	f	kh	ts	ch	sh	sch		y		e	yu	ya

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом www.translit.net, в окошечке в верхнем правом углу ввести число 45848 и нажать кнопку «Загрузить настройки» (при переходе по гиперссылке с сайта нашего журнала или с pdf-версии номера эти настройки загружаются автоматически), ввести в основное окно текст на русском языке, нажать на кнопку «В транслит» и получить необходимый текст.

Русские имена можно транслитерировать либо по приведённым правилам (например, «Ivanov», «Orlov»), либо по другим, если их иное написание является более распространённым и встречается в англоязычных источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey», «Ignatyev» вместо «Ignatev»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatstsi», «Marx», а не «Marks»).

Обратите внимание, что по правилам русского языка в заголовках только первое слово пишется с заглавной буквы, а по правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

При составлении списка литературы желательно не пользоваться автоматической нумерацией, а проставлять цифры вручную.

Шаблон для описания книги в русском варианте:

Имена авторов (если присутствуют в описании). Название книги. – Город: Издательство, год. – количество страниц.

Примеры:

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 1999. – 956 с.

Орлов В. В., Васильева Т. С. Философия экономики. – Пермь: Издательство Пермского университета, 2005. – 264 с.

Соединение достижений НТР с преимуществами социализма. – М.: Мысль, 1977. – 190 с.

Шаблон для описания книги в английском варианте:

Имена авторов (если присутствуют в описании). Название книги на английском языке [*Транслитерированное название книги курсивом*]. Город, Издательство, год, страницы.

Примеры:

Bell D. The Coming of Post-industrial Society: A Venture of Social Forecasting [*Gryadushee postindustrialnoe obschestvo. Opyt sotsialnogo prognozirovaniya*]. Moscow, Academia, 1999, 956 p.

Connection of Achievements of a Scientific and Technological Revolution with the Advantages of Socialism [*Soedinenie dostizheniy NTR s preimuschestvami sotsializma*]. Moscow, Mysl, 1977, 190 p.

Orlov V. V., Vasileva T. S. Philosophy of Economics [*Filosofiya ekonomiki*]. Perm, Izdatelstvo Permskogo universiteta, 2005, 264 p.

Шаблон для описания главы из книги или книги из собрания сочинений в английском варианте:

Имена авторов. Название книги или главы на английском языке [Транслитерированное название книги]. *Транслитерированное название собрания сочинений или книги курсивом* (Название собрания сочинений или книги). Город, Издательство, год, страницы.

Примеры:

Leybnits G. V. Monadology [Monadologiya]. *Sochineniya, Tom 1* (Works, Vol. 1). Moscow, Mysl, 1982, 636 p.

Marx K. A Contribution to the Critique of Political Economy [K kritike politicheskoy ekonomii]. *Sochineniya, T. 13* (Works, Vol. 13). Moscow, Izdatelstvo politicheskoy literatury, 1960, pp. 1–784.

Pavlov I. P. Physiology and pathology of Higher Nervous Activity. Twenty-Year Experience of Objective Studying of Higher Nervous Activity of Animals [Fiziologiya i patologiya vysshey nervnoy deyatel'nosti. Dvadsatiletniy opyt obektivnogo izucheniya vysshey nervnoy deyatel'nosti (povedeniya) zhivotnykh]. *Polnoe sobranie sochineniy, T. III. Kn. 2* (Complete Works, vol. III, book 2). Moscow – Leningrad, Izdatelstvo AN SSSR, 1951, pp. 383–408.

Ukhtomskiy A. A. Principle of a Dominant [Printsip dominanty]. *Sobranie sochineniy, T. 1* (Collected Works, vol. 1). Leningrad, Izdatelstvo LGU, 1950, pp. 197–201.

Шаблон для описания статьи из журнала в русском варианте:

Имена авторов. Название статьи // Название журнала. – год. – номер. – страницы статьи.

Пример:

Агацци Э. Идея общества, основанного на знаниях // Вопросы философии. – 2012. – № 10. – С. 3–19.

Шаблон для описания статьи из журнала в английском варианте:

Имена авторов. Название статьи на английском языке [Транслитерированное название статьи]. *Транслитерированное название журнала курсивом* (Название журнала на английском языке), год, номер, страницы.

Пример:

Agazzi E. The Idea of a Knowledge-Based Society [Ideya obschestva, osnovannogo na znaniyakh]. *Voprosy filosofii* (Problems of Philosophy), 2012, № 10, pp. 3–19.

Шаблон для описания материалов конференции в русском варианте:

Имена авторов. Название выступления // Название конференции. – Город. – год. – страницы.

Примеры:

Пигров К. С. Материализм в современной российской философии как нравственная проблема // Проблемы материализма в социальной философии: Сборник статей, посвященный 70-летию профессора СПбГУ П. Н. Хмылева / отв. ред. В. М. Лукин. – СПб. – 2008. – С. 109–116.

Игнатъев М. Б., Пинигин Г. И. Астрономия с лунной базы // Международная научная конференция «Применение ПЗС-методов для исследования солнечной системы». – Николаев. – 2003. – С. 98–106.

Шаблон для описания материалов конференции в английском варианте:

Имена авторов. Название выступления на английском языке [Транслитерированное название выступления]. *Транслитерированное название конференции курсивом* (Название конференции на английском языке). Город, Издательство, год, страницы.

Примеры:

Pigrov K. S. Materialism as a Moral Issue in Modern Russian Philosophy [Materializm v sovremennoy rossiyskoy filosofii kak нравstvennaya problema]. *Problemy materializma v sotsialnoy filosofii: Sbornik statey, posvyaschennyy 70-letiyu professora SPbGU P. N. Khmyleva* (Problems of Materialism in Social Philosophy: Collected Articles Dedicated to 70th Anniversary of professor SPSU P. N. Khmylev). Saint Petersburg, 2008, pp. 109–116.

Ignatyev M. B., Pinigin G. I. Astronomy from the Moonbase [Astronomiya s lunnoy bazy]. *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Primenenie PZS-metodov dlya issledovaniya solnechnoy sistemy»* (Proceedings of International Scientific Conference “Application of CCD-Methods for the Solar System Exploration”). Nikolaev, 2003, pp. 98–106.

Шаблон для описания Интернет-ресурса в русском варианте:

Название страницы // Название сайта. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: адрес сайта (дата обращения).

Пример:

«Война» в шорт-листе «Инновации»: Минкульт хочет дать премию, МВД гноит в тюрьме // Сайт «Свободная Война» в поддержку арестованных Олега Воротникова и Лёни Николаева. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://free-voina.org/post/3289581310> (дата обращения 10.07.2013).

Шаблон для описания Интернет-ресурса в английском варианте:

Название статьи на английском языке [Транслитерированное название статьи курсивом]. Available at: адрес сайта (accessed дата последнего посещения сайта).

Пример:

Voina in the Short-list “Innovations”: Ministry of Culture Wants to Give an Award, Ministry of Internal Affairs Leaves to Rot in Prison [*Voyna v short-liste «Innovatsii»: Minkult khochet dat premiyu, MVD gnoit v tyurme*]. Available at: <http://free-voina.org/post/3289581310> (accessed 10 July 2013).

Если статья имеет идентификатор DOI, то он пишется в самом конце.

Пример:

Bard P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*, 1934, Vol. 41, p. 309. DOI: 10.1037/h0070765.

Для англоязычных источников данные пишутся только на английском языке без всяких скобок.

Пример:

Head H., Holmes G. Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*, 1911–1912, vol. 34, p. 102.

Для источников на других языках данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz F. The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum [Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns]. *Archiv für die gesamte Physiologie* (Archives of All Physiology). 1892, Bd. 51, № 11–12, pp. 570–614.

Для статей, имеющих в списке литературы только англоязычные источники, делать русскоязычный список литературы не имеет смысла. То есть вне зависимости от того, на каком языке статья сделана, если все источники являются иностранными, то список литературы делается один в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы. Если же присутствуют русскоязычные источники, то статья на русском языке должна иметь 2 списка литературы, а статья на английском – один.

6) Ссылки в тексте на цитируемые работы (порядковый номер в списке литературы и при необходимости номер страницы) размещаются в квадратных скобках: [1], [2, с. 51] (для статьи на английском [2, p. 51]).

7) Требования к авторскому резюме (abstract) достаточно сильно отличаются от правил и традиций составления авторских резюме для российских изданий. Поскольку авторские резюме на английском языке в русскоязычном издании являются для иностранных учёных основным или даже единственным источником информации о содержании статьи, то их объём недопустимо сводить к 3–5 строкам. По аннотации зарубежные специалисты оценивают публикацию, определяют свой интерес к ней, могут сделать на неё ссылку, запросить перевод полного текста и т. п. Аннотация на английском

языке не должна просто полностью повторять текст аннотации на русском, так как за русскоязычной следует полный текст на этом же языке. Аннотацию на английском следует делать подробнее и больше по объему, она должна способствовать раскрытию содержания и сути исследования

Авторские резюме должны быть:

- информативными (не содержать общих слов);
- оригинальными (не повторять дословно русскоязычную аннотацию);
- содержательными (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированными (следовать логике описания результатов в статье);
- написанными качественным английским языком;
- имеющими объём примерно от 100 до 250 слов (возможно до 500 слов).

Наиболее распространённый способ составления аннотаций – краткое повторение в них структуры статьи, включающей введение, цели и задачи, методы, результаты, заключение.

Авторское резюме в наиболее полном варианте включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

Последовательность описания содержания статьи можно изменить, начав с изложения результатов работы и выводов.

Следует обратить внимание на то, что структура и тематические рубрики авторского резюме не заданы жестко и однозначно, они могут меняться в зависимости от содержания статьи. Так, предмет, тема, цель работы указываются только тогда, когда они не ясны из заглавия статьи. Метод и методологию проведения работы целесообразно описывать в том случае, если они отличаются новизной или представляют специальный интерес с точки зрения содержания данной статьи.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не повторяются в тексте реферата. Следует избегать лишних вводных фраз (например: «автор статьи рассматривает...»). Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в резюме не приводятся.

В тексте резюме следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: “The study tested”, а не “It was tested in the study”.

В тексте реферата на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов. Рекомендуется избегать

употребления терминов, являющихся прямой «калькой» с русскоязычных терминов. Необходимо соблюдать единство терминологии в пределах резюме, применять значимые слова из текста статьи.

Рекомендации по составлению авторского резюме подготовлены на основе методической разработки кандидата технических наук О. В. Кирилловой, заведующей отделением ВИНТИ РАН, члена Экспертного совета (CSAB) базы данных SCOPUS «Подготовка российских журналов для зарубежной аналитической базы данных SCOPUS: рекомендации и комментарии». <http://www.elsevierscience.ru/files/add-journal-to-scopus-2013.pdf>.

Пример оформления авторского резюме и списка ключевых слов

Философия информационного общества: новые идеи и проблемы

Авторское резюме

Состояние вопроса: В теории постиндустриального (информационного) общества широко распространена трактовка его как формирующегося общества знаний, в котором физический труд вытесняется умственным. Главным видом труда становится обработка информации, которая считается нематериальным ресурсом.

Результаты: Труд в сфере информационных технологий – преимущественно не физический и не умственный, а материальный всеобщий труд (термин К. Маркса). Всеобщий труд направлен на создание абстрактных материальных структур и виртуальной реальности – особой формы материи, строящейся как бы на матрице духовных процессов и приобретающей наибольшее сходство с идеальными явлениями. Особые свойства этой формы материи – «квазиидеальность» и «квазисубъективность» – внешне напоминают главные свойства духовных явлений – идеальность и субъективность.

Область применения результатов: Предложенный подход к концепции информационного общества является попыткой сформулировать некоторые фундаментальные идеи философского материализма, необходимые, с точки зрения автора, для построения научной теории современного этапа общественного развития.

Выводы: Формирование информационного общества связано не с вытеснением духовным (знаниями) материального (физического труда), а с созданием человеком нового класса искусственных материальных явлений (виртуальной реальности), взаимодействующих с идеальным, духовным, тоньше и сложнее, чем взаимодействовали с ним все ранее возникшие формы материи.

Ключевые слова: информационное общество; всеобщий труд; материальное и идеальное; абстрактные материальные структуры; квазиидеальность и квазисубъективность.

The Philosophy of the Information Society: New Ideas and Problems

Abstract

Background: The information society is often thought to be a forming society of knowledge, in which manual labor is being replaced by intellectual labor. The treatment of information, which is supposed to be a non-material resource, becomes the main type of a labor-process.

Results: Labor in information technologies is mainly material universal labor (the term of K. Marx), but not manual or intellectual labor in the traditional sense. Universal labor is directed towards creation of so-called abstract material structures and virtual reality – a new special form of matter put on the matrix of spiritual processes which acquires a close resemblance with the ideal processes. Special qualities of this form of matter may be called “quasi-ideality” and “quasi-subjectivity”. They resemble outwardly the main qualities of spiritual events – ideality and subjectivity.

Research implications: The present study provides an approach to the theory of the information society which is based on re-interpretation of the conceptions of material and ideal carried out with the help of analysis of virtual reality and a labor-process in the sphere of information technologies.

Conclusion: The forming of the information society doesn't mean only supplanting of material factors (manual labor) by ideal (knowledge). It is expressed in creating by man of a new type of artificial material objects (virtual reality), which communicates with spiritual, ideal reality in more delicate and complicated way than any other forms of matter could.

Keywords: information society; universal labor; material and ideal; abstract material structures; quasi-ideality and quasi-subjectivity.

8) Все формулы и обозначения из формул в тексте должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation.

9) Все схемы, рисунки и т. п. должны быть вставлены в текст как отдельный файл, делать рисунки средствами Microsoft Word недопустимо. Рисунки должны быть предоставлены редакции отдельными файлами в форматах jpg или png и должны быть пронумерованы в том порядке, в каком появляются в тексте.

10) Необходимо обращать внимание на различие между дефисом (ставится внутри слов, всегда без пробелов, например, «сине-зелёный»; выглядит коротко) и тире (ставится между словами, обозначениями и т. п., например, «с. 45–48»; выглядит длинно). Тире между цифрами ставится без пробелов, в любом другом случае перед и после тире должны стоять пробелы (например, «1950–1960 годы», «движение – жизнь»). Также необходимо обращать внимание, что между инициалами, в сокращениях и в других случаях, когда несколько слов или символов неразрывно связаны друг с другом, между ними

ставится неразрывный пробел, который сохраняет соседние слова на одной строчке и не делает большое расстояние между ними при выравнивании по ширине (ctrl+shift+пробел; например, «и т. п.», «№ 8», «Ph. D.» «А. А. Иванов»).

11) Статьи принимаются на русском или английском языках. Возможна публикация статьи на двух языках.

12) Все материалы принимаются в электронном виде по электронной почте fikio@rambler.ru. В письме необходимо указать, для какого раздела журнала предназначена статья (философия, культурология, социология, психология, педагогика, политология, история, филология).

13) Периодичность выпуска журнала – 4 раза в год.

Рукописи, оформленные без учёта перечисленных выше требований, к публикации не принимаются.

Образец оформления статьи

УДК 111

Название статьи

Иванов Иван Петрович – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра философии и культурологи, доцент, кандидат философских наук, доцент.

E-mail: ivanovip@aanet.ru.

Иванов Пётр Иванович – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра философии и культурологи, аспирант.

E-mail: ivanovpi@aanet.ru.

196135, Россия, Санкт-Петербург, ул. Гагелло, д. 15,
телефон: +7 (812) 708-42-13.

Авторское резюме

Текст резюме 100–250 слов.

Ключевые слова: слово один; слово два (до 12 слов).

Title

Ivanov Ivan Petrovich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Philosophy and Theory of Culture, associate professor, Ph. D. (philosophy).

E-mail: ivanovip@aanet.ru.

Ivanov Petr Ivanovich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Philosophy and Theory of Culture, post-graduate student.

E-mail: ivanovpi@aanet.ru.

196135, Russia, Saint Petersburg, Gastello st., 15,
phone number: +7 (812) 708-42-13.

Abstract

Text of abstract (100–250 words).

Keywords: word number one; word number two (up to 12 words).

Текст статьи.....

Список литературы

1. ...
2. ...

References

1. ...
2. ...



Философия и гуманитарные науки в информационном обществе

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ЭЛ №ФС77-54191.

ISSN 2309-6888

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

www.fikio.ru

16+

Контакты редакции

Адрес: 196135, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д.15, ауд.14-09.

Телефон: 8 (812) 708-42-13

E-mail: fikio@rambler.ru



Учредитель – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения».



© «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе», 2019.